

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 6 (848)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

6

выпуск 848

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

6

Issue 848

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Березовская А. В.

Национально-культурная специфика языка немецкого права 11

Жилюк С. А.

Интернационализация немецкого языка как толчок к возникновению
новых конфиксов 22

Карасик В. И.

Сетевая языковая личность 33

Копчук Л. Б.

Проявления языковой гибридации в практиках письменной
повседневной коммуникации молодежи
немецкоязычной Швейцарии 46

Костарнова О. С.

Жанровые характеристики бытовой сказки
(на материале современных русских, английских
и итальянских сказок) 59

Куликова О. В.

Речевые практики корпоративного мифотворчества как инструмент
формирования корпоративной культуры 72

Леонтович О. А.

Сенситивность, политическая корректность и новые
коммуникативные практики 83

Митягина В. А., Клинкова Ю. С.

Прагматика перевода в интернационализации рекламы 93

Нестерова Н. М., Курушин Д. Д.

Лингвистическая глобализация,
и / или интернационализация речевых практик 105

<i>Парина И. С.</i> Исследование лингвоспецифичности русских коммуникативов относительно немецкого языка (на материале корпусов параллельных текстов НКРЯ)	115
<i>Проклов Р. И.</i> Лексические средства формирования этнического самосознания в бразильском романе первой трети XX века (на материале романа «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы»)	126
<i>Раренко М. Б.</i> Речевые практики дискурса социальной гармонии	139
<i>Северина Е. А.</i> Гибридные характеристики современного немецкоязычного фельетона	148
<i>Силаева Е. М.</i> Лингвокультурологический аспект языковых трансформаций в языке восточных и западных немцев в период после объединения Германии (на материале художественного текста)	160
<i>Ситникова И. О., Смолоногина Е. А.</i> Влияние языковой гендерной политики на речевую практику в немецкоязычных странах	171
<i>Трошина Н. Н.</i> Моноязычие vs многоязычие в научном дискурсе эпохи глобализации: перспективы немецкого языка	182
<i>Яковенко Е. Б.</i> Деметафоризация современных англоязычных библейских переводов как путь к интернационализации	193
<i>Яковлева Э. Б.</i> Структурно-синтаксические особенности спонтанного синергического дискурса (на материале немецкого звучащего диалогического дискурса)	203

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Коренева Е. В., Соколова В. М.</i> Трансформация жанра хроники в литературном контексте Латинской Америки	220
--	-----

Крюкова О. С., Хромова Д. А.

Репрезентация и конфликт немецкой и советской идентичности
в романе Г. Яхиной «Дети мои» 232

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Куссе Хольгер

Язык(-и) мудрости в XX и XXI веках 242

Опарина Е. О.

Влияние социокультурного контекста на политический дискурс:
на примере языка Дональда Трампа 254

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Berezovskaya A. V.</i> National and Cultural Specifics of the German Law Language	11
<i>Zhiliuk S. A.</i> Internationalization of German and Emergence of New Confixes	22
<i>Karasik V. I.</i> Network Linguistic Personality	33
<i>Kopchuk L. B.</i> Manifestations of Language Hybridization in Written Daily Communication of Youth in German-Speaking Switzerland	46
<i>Kostarnova O. S.</i> Genre Characteristics of a Domestic Tale (based on modern Russian, English and Italian domestic tales)	59
<i>Kulikova O. V.</i> Speech Practices of Corporate Myth Creation as an Instrument of Corporate Culture Formation	72
<i>Leontovich O. A.</i> Sensitivity, Political Correctness and New Communication Practices	83
<i>Mityagina V. A., Klinkova Ju. S.</i> Translation Pragmatics in Advertising Internationalization	93
<i>Nesterova N. M., Kurushin D. D.</i> Lingual Globalization and / or Internationalization of Speech Practices	105
<i>Parina I. S.</i> Study of Language Specificity of Russian Communicatives as Compared to German Using the Russian National Corpus	115

<i>Proklov R. I.</i>	
Lexical Means of Ethnic Consciousness Forming in Brazilian Novel of the First Third of the XX Century	126
<i>Rarenko M. B.</i>	
Speech Practices of Social Harmony Discourse	139
<i>Severina E. A.</i>	
Hybrid Characteristics of the Modern German-Speaking Feluetonal Article	148
<i>Silaeva E. M.</i>	
Linguocultural Aspect of Language Transformations in the Language of Eastern and Western Germans in the Period after the Reunification of Germany (on the material of a literary text)	160
<i>Sitnikova I. A., Smolonogina E. A.</i>	
The Impact of Language Gender Policies on Speech Practices in German-Speaking Countries	171
<i>Troshina N. N.</i>	
Monolingualism vs Multilingualism in the Scientific Discourse of the Era of Globalization: Perspectives of the German Language	182
<i>Yakovenko Ye. B.</i>	
Demetaphorisation of Modern English Biblical Translations as a Way to Their Internationalisation	193
<i>Yakovleva E. B.</i>	
Structural and Syntactic Features of Spontaneous Synergetic Discourse (based on the studies of the German sounding dialogic discourse)	203

LITERARY STUDIES

<i>Koreneva E. V., Sokolova V. M.</i>	
The Transformation of the Chronicle Genre in the Literary Context of Latin America	220
<i>Kryukova O. S., Khromova D. A.</i>	
Representation and Conflict of German and Soviet Identities in the Novel by G. Yakhina "Children of Mine"	232

CULTUROLOGY

Holger Kusse

The Language(s) of Wisdom in the 20th – 21st Centuries 242

Oparina E. O.

The Impact of Social and Cultural Context on Political Discourse:
on the Material of Donald Trump's Language
(as President of the USA) 254

УДК 81'276.6:34+81'373.421

DOI 10.52070/2542-2197_2021_6_848_11

А. В. Березовская

соискатель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России;
переводчик, Постпредство РФ при МО в Вене
frau.berezovskaya@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА НЕМЕЦКОГО ПРАВА

В статье рассматриваются особенности немецкой правовой терминологии. Немецкий является языком права не только Германии, но и Австрии, Швейцарии, Люксембурга и Лихтенштейна. Помимо внутренних различий национальные терминосистемы подвержены влиянию процессов глобализации и стремлению к унификации. Национально-культурная специфика языка немецкого права требует детального анализа в рамках отдельных отраслей права, корпуса национальных законодательств, а также анализа на материале текстов международного права.

Ключевые слова: немецкая юридическая терминология; юрислингвистика; концепт; синонимия; национально-когнитивные синонимы.

A. V. Berezovskaya

External PhD Student, Department of the German Language,
MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs, Russia;
Translator, Permanent Mission of the Russian Federation
to the International Organizations in Vienna
frau.berezovskaya@yandex.ru

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF THE GERMAN LAW LANGUAGE

The article deals with the peculiarities of the language of German law. German is the legal language not only of Germany, but also of Austria, Switzerland, Luxembourg and Liechtenstein. In addition to internal differences, national term systems are influenced by the processes of globalization and the desire for unification. The national and cultural specificity of the German law language requires a detailed analysis within the

framework of individual branches of law, the body of national legislation and on the material of international law texts.

Key words: German legal terminology; legal linguistics; concept; synonymy; national-cognitive synonyms.

Введение

Язык права – основное средство формулирования правовой нормы; это система речевых средств, формировавшаяся на протяжении всей истории, «впитавшая» в себя традиции и опыт правоприменения, обеспечивающая прочную связь поколений, сохранившая при этом свою гибкость и способность постоянно меняться. Законодатель вынужден тщательно отбирать речевые средства, чтобы избежать двойного толкования текста и сделать его понятным всем участникам правовых отношений.

У каждого государства своя правовая система, отличительные особенности которой проявляются, прежде всего, в правовой терминологии. Немецкий язык используется не только в праве Германии, но и Австрии, Швейцарии, Люксембурга и Лихтенштейна. Правовые терминосистемы каждой из этих стран имеют значительный ряд различий.

Помимо языка национального права «немецкий язык права» включает язык международного права и язык права Европейского Союза. К принципам, лежащим в основе формирования и применения права ЕС, относят «верховенство по отношению к национальным системам права государств-членов, прямое действие, интегрированность в национальные системы права и юрисдикционная защищенность» [Право Европейского Союза ... 2009, с. 32].

Понятийная система европейского права является единой для всех государств-членов. В соответствии с принятыми правилами нормативные правовые акты публикуются на всех официальных языках ЕС, что приводит к появлению различий в терминологии. Причина кроется в особенностях национального терминологического аппарата. В лингвистической службе ЕС в качестве переводчиков работают лица с высшим юридическим образованием. «В процессе перевода они обязаны максимально приблизить текст документа к реалиям своей страны и использовать принятую в национальном юридическом языке терминологию» [Право Европейского Союза ... 2009, с. 102].

В связи со сложной структурой и наличием множества дополнительных факторов воздействия, юридическая терминология требует детального анализа и системного подхода при ее изучении. Национальный способ мировидения реализуется в терминологии, в результате для обозначения одного и того же денотата используются разные лексические единицы, которые можно обозначить как национально-когнитивные синонимы (термин, введенный в научный оборот Л. А. Чернышевой [Чернышева 2009, с. 48]). Проблемы синонимии в терминологии – одна из наиболее актуальных в исследованиях последнего времени. Необходимо рассматривать данное явление как в диахроническом срезе, с учетом особенностей немецкой юридической терминологии на различных этапах ее становления, так и с позиций современного состояния, принимая во внимание все факторы воздействия на правовую терминосистему.

Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили немецкоязычные тексты права Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна: конституции этих стран, гражданские кодексы и некоторые нормативно-правовые акты отдельных отраслей права, а также тексты законодательства ЕС и некоторые международные договоры. Общий объём проанализированных текстов – 3461 страница. Для анализа выявленных лексем привлекались дефиниции, представленные в общих и специализированных словарях [DUDEN 2021; DWDS URL; Deutsches Rechtswörterbuch 1999–2021; Wörterbuch rechtsterminologischer Unterschiede Österreich-Deutschland 2015].

Термин – наиболее информативная единица языка науки и сфер специального общения, в нашем случае сферы права, которая имеет особую когнитивно-коммуникативную значимость. Терминологии посвящено большое количество работ, опубликованных за последние полвека. Среди них работы А. А. Реформатского, В. М. Лейчика, В. Г. Гака, С. В. Гринева, Д. С. Лотте, А. А. Брагиной, Б. Н. Головина, Т. Л. Канделаки, Т. Р. Кияка, И. С. Квитко и многих других. Наиболее удачным определением термина, на наш взгляд, является данное К. А. Левковской, которая считала термины «особыми словами в отношении значения и употребления» среди полных слов,

«поскольку они наряду с номинативной функцией (функцией обозначения тех или иных представлений), выполняемой и другими словами языка, выделяются еще и своей дефинитивной функцией (функцией определения соответствующего понятия)» [Левковская 2005, с. 197]. Особенностью языка права является его ориентированность, с одной стороны, на профессионалов-юристов, а с другой – на обывателей, не владеющих языком для специальных целей. Поэтому для более глубокого изучения природы термина и особенностей его функционирования необходимо привлечение словарей общего языка и специальных словарей. Изучением юридического языка занимается специальная область лингвистики – юрислингвистика. Зарубежные лингвисты внимательно изучают взаимосвязь языка и права и отражение этой взаимосвязи непосредственно в юридической терминологии, среди них Р. Арнтц, Д. Буссе, К. Люттерман, Л. Эриксен, М. Нуссбаумер, П. Сандрини и др. В отечественной лингвистике особое место занимает научная школа под руководством профессора Н. Д. Голева, созданная на базе Алтайского государственного университета.

Традиционно главным требованием, предъявляемым к термину, являлась однозначность. Если раньше во многих исследованиях по терминоведению считалось, что отношений синонимии между терминами не может и не должно быть, то сегодня достаточно распространенным является мнение о том, что языкам специальных сфер свойственны такие же явления, как и общему языку. Вопросы синонимии в терминологии затрагиваются в работах Л. А. Булаховского и Д. С. Лотте, О. С. Ахмановой и Е. Н. Толикиной, В. Г. Гака и В. М. Лейчика, Л. Н. Русиновой и С. Д. Шелова, В. А. Татарина и Н. В. Новодрановой и многих других. Активно развивающаяся в последние десятилетия когнитивная лингвистика создает платформу для совершенно нового взгляда на природу и функционирование термина. Термин рассматривается как элемент терминосистемы, при формировании которой одни концептуальные признаки выходят на первый план, а другие отходят «в тень» и ожидают подходящих условий для актуализации. Концептуальные признаки формируются в результате когнитивного процесса категоризации. «Человек вычленил сущности реальной действительности, признаки которых взаимодействуют с уже имеющимися знаниями, в результате чего возникает концепт, содержанием которого становятся выделенные

и зафиксированные признаки» [Берзина 2013, с. 15]. Попытки дать определение концепта предпринимались в работах многих когнитивистов (среди них В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачев и др.). Наиболее подходящим для целей настоящего исследования является определение концепта как «операционной единицы мысли», как «способа и результата квантификации и категоризации знания», как «единицы ментального пространства», которая «структурирует знания о мире и отражает национальную специфику членения мира» [Касьян 2010, с. 52–53].

Метод дефиниционного анализа, обусловленный дефинитивной функцией термина, позволяет выделить концептуальные признаки, определить для конкретного термина характеристики, вычленив термин-определитель – центральный для концепта, выявить условия актуализации периферийных признаков. Ядерный и периферийный компоненты могут находиться в отношениях тождества, смежности, включения или даже противопоставления. Стиль языка немецкого права принято называть номинальным, или номинативным, что проявляется в широком использовании субстантивных терминов. Вслед за С. П. Хижняком, мы считаем, что для более полного представления терминосистемы не стоит ограничиваться только «именем существительными и словосочетаниями на их основе», поскольку «глаголы и прилагательные не лишены статуса терминологичности» [Хижняк 1997, с. 93].

Результаты исследования

Национальные законодательства стремятся к использованию собственных терминов, что связано с развитием национального сознания и бережным отношением к своим национальным языковым особенностям. Согласно данным словаря терминологических различий языка права Австрии и Германии, подготовленного авторским коллективом под руководством Рудольфа Мура, существует «около 2000 австрийских юридических терминов, отличающихся по форме и / или содержанию от терминов права Германии, при этом для 43 австрийских правовых понятий и 492 немецких отсутствуют соответствия в правовых системах Германии и Австрии, соответственно» [Muh 2015, с. 5].

Несмотря на идентичность государственного устройства Германии и Австрии, схожесть структур и функций, для названия государственных органов используются разные лексемы. Так, например, для обозначения нижней палаты парламента в Германии используется термин *Bundestag*, а в Австрии *Nationalrat*, во главе субъекта федерации в Германии стоит *Ministerpräsident*, а в Австрии *Landeshauptmann* – при едином обозначении самого субъекта федерации – *Bundesland*. По мнению Л. П. Шишкановой, занимавшейся изучением австрийского варианта немецких юридических терминов, «различие в терминологии может отражать своеобразие структуры судопроизводства и государственного устройства» [Шишканова 2014, с. 180]. Подтвердить данное мнение можно примерами различающихся лексем, используемых в законодательстве Германии (D) и Австрии (A) для обозначения схожих понятий, например суда по наследственным делам (*Nachlassgericht* (D) – *Verlassenschaftsgericht* (A)) или требования дебиторской задолженности (*Forderungsexekution* (D) – *Zwangsvollstreckung wegen Geldforderungen* (A)), торгового реестра (*Handelsregister* (D) – *Firmenbuch* (A)), Федеральной разведывательной службы (*Bundesnachrichtendienst* (D) – *Heeres-Nachrichtenamt* (A)) и Министерства иностранных дел (*Auswärtiges Amt* (D) – *Bundesministerium für europäische und internationale Angelegenheiten* (A)) и др. Похожую картину мы наблюдаем в языке права Швейцарии. Для обозначения главы правительства используется лексема *Bundespräsident*, в качестве национально-когнитивного синонима для обозначения того же понятия в языке права Германии выступает термин *Bundeskanzler*. В Швейцарии этим термином обозначается лицо, которое возглавляет Федеральную канцелярию, старейшее учреждение Швейцарской конфедерации.

Сравним австрийский термин *Absonderungsbescheid* и немецкий *Isolationsbescheid*, используемые для обозначения официально выдаваемого требования к соблюдению карантина в случае подтверждения наличия в организме вируса SARS-CoV-2. Различия сконцентрированы в первом компоненте композитов. Немецкая лексема акцентуализирует признак отделения больного лица от остальной части общества. В международной сфере понятие изоляции четко определено для зараженных лиц, а карантин предусмотрен в том числе для лиц, имевших контакты с зараженными. Австрийский законодатель использует для

обозначения понятия давно существующий термин «*Absonderung*», не позволяющий разграничить понятия изоляции и карантина. Это можно проследить на следующих примерах:

«Das Gesundheitsamt hat *die Absonderung* des Infizierten und der ermittelten Kontaktpersonen eingeleitet» [Schweriner Volkszeitung, 19.03.2020]

или

Vier Schüler mit Krankheitssymptomen müssen jetzt in »*häuslicher Absonderung*« den Kontakt zu ihren Mitmenschen meiden, bis Klarheit besteht, ob sie mit dem Coronavirus infiziert sind [Neue Osnabrücker Zeitung, 07.03.2020]

Терминологические различия отражают национальный образ мышления. В Основном законе ФРГ субъект права обозначается как *Mensch* или *Deutsche*, в Федеральном конституционном законе Австрии это *Person*, *Staatsbürger* или *Bundesbürger*, в Конституции Швейцарии – *Person* или *Schweizerinnen und Schweizer* или *Schweizerbürgerin und Schweizerbürger*, в проекте Конституции ЕС *Person* или *Unionsbürgerinnen und Unionsbürger*. Анализ данных различий позволяет сделать вывод о значимости наличия гражданства у субъекта права для национального законодательства Швейцарии и Австрии, наличие гражданства одного из стран – членов ЕС. При этом законодатель подбирает обобщающий термин – *гражданин Союза*, а в праве Германии на первый план выступает происхождение и принадлежность к национальному сообществу – *немец*. Словарь DUDEN дает нам следующее определение лексемы *Deutsche(r)*: принадлежащий к немецкому народу, родом из Германии. Есть существенная разница в употреблении терминов *Mensch* и *Person*. В правовом смысле *человек* имеет определенные фундаментальные права по отношению к государству, а *лицо* является носителем прав и обязанностей, обладает правоспособностью.

Различия в терминосистемах могут быть обусловлены особенностями становления языка немецкого права. Значительная часть немецкой терминологии была заимствована из латинского языка, это связано с рецепцией Римского права. В Германии со временем появились собственные эквиваленты, которые вытеснили использовавшиеся ранее термины. В Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне продолжают использовать латинские термины.

Legat (Vermächtnis), Servitut (Dienstbarkeit), Execution (Zwangvollstreckung), Substitution (Wechsel, Ersatz), Kommissierung (Umlegung), Nostrifikation (Anerkennung). Diskriminierung (Benachteiligung).

Сравним лексемы, репрезентирующие понятие «отмена, аннулирование» (аннулировать) – *Annulierung* (annulieren), *Stornierung* (stornieren). Термины заимствованы в разные периоды: из латыни и из итальянского языка, соответственно. Словарь DUDEN определяет *Annulierung* как отмену с пометкой, что данный термин характерен для южнонемецкого, австрийского и швейцарского ареала. В качестве синонима, используемого на территории Швейцарии, указывается *Annulation*. Термин используется в экономической и юридической сферах. Наиболее частотные сочетания зафиксированы со словами *договор, брак, приговор суда, рейс*. Для термина *Stornierung* словарь DUDEN дает схожее определение, ограничив при этом сферу употребления экономической терминологией, прежде всего банковской сферой. Отменить можно *заказ, заявку, денежный перевод*. В дефиниции *annulieren*, представленной в словаре национального корпуса немецкого языка DWDS, указано значение «признавать что-то недействительным», а значение *stornieren* определяется в данном словаре как выход из договора или исправление ошибки при банковских операциях. Юридические словари определяют *annulieren* как признание недействительным соглашения, договора, какого-то права; *stornieren* обозначает односторонний выход из договора. В Австрии данное понятие репрезентируют сразу несколько синонимичных терминов *Rücktritt vom Kaufvertrag, Vertragsrücktritt und Vertragsstorno*.

В словаре DUDEN зафиксирован еще один термин со схожим значением: *canceln / Cancelung*. Синонимами к нему выступают лексемы *absagen, annullieren, aufheben, auflösen*. *Stornieren* не указывается в ряду синонимов, однако приведенные примеры *eine Buchung canceln, der Flug wurde gecanceln* позволяют сделать вывод о взаимозаменяемости *canceln, annullieren u stornieren* в схожих контекстах, следовательно, об их синонимичности. Наличие словообразования по модели синонимичных терминов с использованием суффикса *-ung*, показывает, что это заимствование прочно закрепляется в корпусе немецкого языка и хотя активное использование его в текстах законодательства пока не зафиксировано, не исключено, что со временем он проникнет и в правовую терминосистему.

Юридическая терминология отражает систему ценностей и традиций общества, национальную правовую понятийную систему, является выражением национальной правовой идентичности. Сравним набор лексем, используемых в разных национальных законодательствах для обозначения документа, дающего право на пребывание в стране. В Германии термином-определителем является *Aufenthaltsberechtigung* – документ, дающий право на пребывание в стране, он объединяет разные виды разрешения *Aufenthaltserlaubnis*, *Aufenthaltsbewilligung*, а также *Aufenthaltsbefugnis* вид *Aufenthalts-genehmigung*. Последний термин устаревший, использовался в тексте Закона об иностранных гражданах ФРГ, действовавшем до 31.12.2004. Основным компонентом, отражающим главный концептуальный признак, является *Aufenthalt* – ограниченное временем и пространством пребывание. В Австрии для тех же целей используются термины *Aufenthaltstitel*, *Niederlassungsbewilligung*, *Aufenthaltsbewilligung*, *Anmeldebescheinigung*, *Aufenthaltskarte*, *Bescheinigung des Daueraufenthaltskarte* и *Legitimationskarte*. Анализируя данные лексем, мы приходим к выводу, что в разных ситуациях актуализируются отдельные признаки концепта, это может быть факт наличия разрешения, обстоятельства пребывания и формат выданного документа. В Швейцарии используются термины *Kurzaufenthaltsbewilligung*, *Aufenthaltsbewilligung*, *Niederlassungsbewilligung*, *Aufenthaltsbewilligung mit Erwerbstätigkeit*, *Grenzgängerbewilligung* – всё это объединяется гиперонимом *Ausweis (Identitätskarte)*. Основным определяющим признаком концепта является сам факт разрешения пребывания в стране, выданного на разные сроки и с разными целями, например, для работы на территории Швейцарии проживающих там лиц, или для работы на территории Швейцарии лиц, проживающих в приграничных зонах. Нормативные акты, регулирующие визовые вопросы в рамках права ЕС, используют все перечисленные выше термины, если речь идет о конкретных странах, но в качестве термина-определителя используют *Aufenthaltstitel*. Можно констатировать явную тенденцию к унификации европейского права, стремление сделать тексты юридических документов понятными любому работающим с ними заинтересованному лицу, независимо от владения языком национального права того или иного государства и наличия юридического образования.

Заключение

Изучение процессов категоризации и концептуализации в терминологии, а также применение метода дефиниционного анализа позволяет глубже понять природу термина и особенности его функционирования. Рассмотрение отдельных концептов в ракурсе синхронии и диахронии помогает выявить закрепленные во внутренней форме слова основные и вторичные признаки, контекстный анализ позволяет определить условия и причины актуализации концептуальных признаков.

Использование синонимов в текстах законодательства – вполне закономерное явление. Концептуальные признаки, актуализируясь в определенных условиях, служат идентификаторам субъекта, объекта, правового действия или процедуры как фрагмента общей картины мира. Национально-когнитивные синонимы отражают особенности национального правосознания.

В результате сравнительного исследования правовых текстов выявлены национально-специфические особенности языка права в разных немецкоязычных странах, а также факторы влияния правовой терминологии ЕС на корпус национальных законодательств. Можно предположить, что развитие правовых терминосистем будет и дальше проходить в условиях трансформации европейского правосознания. При этом национальным законодателям необходимо работать над сохранением правовой самоидентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Берзина Г. П.* Кластер концептуальных признаков уступительности понятийной. Язык и культура. 2013. Вып. 2 (22). Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та. С. 13–22. [Berzina, G. P. (2013). Klaster konceptual'ny'x priznakov ustupitel'nosti ponyatijnoj. (A cluster of conceptual signs of conceptual compliance). Yazy'k i kul'tura, 2(22), 13–22. (In Russ.)].
- Касьян Л. А.* Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 50–53 [Kas'yan, L. A. (2010). Termin «koncept» v sovremennoj lingvistike: razlichny'e ego tolkovaniya. (The term «concept» in modern linguistics: its various interpretations). Vestnik of Yugorsk State University, 2(17), 50–53. (In Russ.)].
- Левковская К. А.* Теория слова, принципы ее построения, аспекты изучения лексического материала. М.: КомКнига, 2005. [Levkovskaya, K. A. (2005). Teoriya slova, principy' ee postroeniya, aspekty' izucheniya leksicheskogo

- materiala (The word theory, principles of its construction, aspects of the study of lexical material). Moscow: KomKniga. (In Russ.).
- Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы / под ред. Л. М. Энтина. М.: Аксиом, 2009. [Jentin, L. M. (ed.). (2009). Pravo Evropejskogo Soyuza: Novy`j e`tap e`volucii: 2009–2017 gody. (European Union law. New stage of evolution: 2009–2017). Moscow: Aksiom. (In Russ.).]
- Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1997. [Xizhnyak, S. P. (1993). Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav. (Legal terminology: formation and composition). Saratov: Saratov State uiniversity. (In Russ.).]
- Чернышева Л. А. О национально-когнитивной синонимии терминов // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2009. Вып. 1. С. 46–52. [Chernysheva, L. A. (2009). O nacional`no-kognitivnoj sinonimii terminov. (About the national-cognitive synonymy of terms). Vestnik of Moscow State Regional University. Linguistics, 1, 46–52. (In Russ.).]
- Шишканова Л. П. Австрийский вариант немецких юридических терминов // Язык и мир изучаемого языка. Вып. 5. Саратов: Саратовский филиал РГТЭУ, 2014. С. 177–181. [Shishkanova, L. P. (2014). Avstrijskij variant nemeckix yuridicheskix terminov (The Austrian version of German legal terms). Jazyk i mir izuchaemogo jazyka, 5, 177–181. Saratov: Saratovskij filial RGTE`U. (In Russ.).]
- Deutsches Rechtswörterbuch. 2021. URL: <https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw-cgi/zeige?index=lemmata&term=erbschaft> (accessed 20.01.2021).
- DUDEN. Duden-Onlinewörterbuch. 2021. URL: <https://www.duden.de/> (accessed 12.02.2021).
- DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (accessed 27.02.2021).
- Muhr R., Peinhopf M. Wörterbuch rechtsterminologischer Unterschiede Österreich-Deutschland. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015.

С. А. Жилюк

кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
s.a.jiluck@gmail.com

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
КАК ТОЛЧОК К ВОЗНИКНОВЕНИЮ НОВЫХ КОНФИКСОВ**

В 2020 г. в речь носителей немецкого языка стремительно вошел словообразовательный элемент *-corona*, употребление которого изучается в настоящей работе. Используются методы корпусной лингвистики, а также метод анализа по непосредственно составляющим и морфемный анализ. Материалом для исследования служат тексты, включенные в *Corona-Korpus* электронного словаря DWDS. Результаты исследования свидетельствуют о том, что интернационализация немецкого языка приводит к возникновению новых словообразовательных элементов со свойствами, близкими к конфиксам.

Ключевые слова: конфикс; заимствованная морфема; языковое заимствование; лексикология немецкого языка; евролатынь.

S. A. Zhiliuk

PhD (Philology), Associate Professor at the German Philology Department,
Philological Faculty, St. Petersburg State University
s.a.jiluck@gmail.com

**INTERNATIONALIZATION OF GERMAN
AND EMERGENCE OF NEW CONFIXES**

The year 2020 saw an increase in the use of word-building element *corona-* in German, which stands in the focus of the current paper. Corps linguistics methods and morpheme analysis are implemented to study texts of *Corona-Korpus* in DWDS. Outcomes of the research demonstrate that German lexis is highly internationalized which allows a new world-building element *corona-* penetrate into German and become a wildly-used morpheme similar to the confixes.

Key words: confix; loaned morpheme; loaning; German lexicology; Eurolatein.

Введение

Заемствования составляют значительную часть немецкой лексики [Seiler 2014; Yang 1990], что позволяет говорить об интернационализации

немецких речевых практик. Бóльшая часть заимствований восходит к евролатинскому фонду, общему для европейских языков [Eurolatein 1996]. Сегодня заимствования латинских слов продолжается, и примером этому служит лексика, представленная в «коронавирусном корпусе» DWDS, который послужил материалом исследования.

Целью работы является определение языковых свойств лексемы / морфемы *corona-* в качестве словообразовательного элемента. В основе работы лежит следующая гипотеза: элемент *corona-* в современном словообразовании является конфи́ксом / связанным корнем, а его быстрая интеграция в систему языка говорит об открытости немецкого языка интернационализации.

Для достижения заявленной цели выполнены следующие **задачи**:

- уточнить термин «конфиск» на основании научной литературы;
- изучить варианты употребления элемента *corona-* в речи на материалах *DWDS Corona-Korpus*; сравнить частотность употребления слова *Corona* как самостоятельной лексемы с частотностью элемента *corona-* в составе гибридных лексем и с частотностью его синонимов; проанализировать соответствие элемента *corona-* понятию «конфиск» и сделать выводы о его принадлежности к этому виду морфем.

Новизна исследования обусловлена обращением к элементу *corona-* как к конфи́ксу и свидетельству об интернационализации речевых практик немецкого языка. **Актуальность** заключается в обращении к пандемическому дискурсу 2020 г.

К **методам** исследования, лежащим в основе настоящей работы, относятся методы корпусной лингвистики (эмпирический, квантитативный, вероятностный и статический методы), дополненные методами классического языкознания (методом сплошной выборки и описательным методом, методом анализа по непосредственно составляющим, морфологическим анализом, контрастивным методом).

«Заимствование второго порядка» – новые морфемы немецкого языка

Многие исследователи подчеркивали интернациональный характер лексического состава немецкого языка [Munske 1988; Пономарева 2006], обусловленный историческими (объективными) факторами,

т. е. появлением в соседних культурах новых феноменов, и психологическими факторами, т. е. удобством использования заимствованного слова или модой на культуру-«донора» [Seiler 2014].

Далеко не все лексемы подверглись ассимиляции. Наиболее полно ассимилированы заимствования до эпохи Возрождения; некоторые галлицизмы сохраняют специфический для французского языка фонетический облик, англицизмы практически всегда сохраняют особенности произношения в языке-«доноре» [Nübling 2013].

Постепенно происходит и морфологическая ассимиляция заимствования – присвоение грамматических категорий и включение в систему словоизменения и словообразования: заимствование может участвовать в словосложении, а затем присоединять аффиксы. Частое употребление заимствований с одинаковыми морфемами может привести к выделению неологизмов второго порядка [Розен 2000] – иностранных морфем, которые, соединяясь с немецкими, образуют гибридные слова.

Наряду с заимствованными аффиксами (*pseudo-*, *quasi-*, *-ieren*, *-ion*), в немецком языке есть морфемы, которые по свойствам близки к корням (и в языках-«донорах» ими являются), но не могут употребляться как самостоятельные лексемы. Многие из них восходят к латинскому и греческому языкам и в немецкой лингвистической традиции получили название *Konfix*.

Основными свойствами конфикса являются его способность выступать в качестве основы (*Basisfähigkeit*) и участвовать в словосложении (*Kompositionsfähigkeit*) [Schmidt 1987]. Эти свойства характерны не только для конфиксов, но и для заимствованных и эндогенных корней (ср. *Haus* – *Haustier*, *to check* – *einchecken*). От аффикса их отличает наличие собственного лексического значения. По своей природе конфикс ближе к корням, однако в отличие от них не способен быть самостоятельной лексемой [Eins 2009].

В работах о русском языке подобные словообразовательные элементы именуются связанными основами / корнями – это основы, которые «всегда даны только в соединении с ... аффиксами» [Винокур 1959]. Еще одним близким по значению к конфиксу термином является термин «аффиксоид» – «компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной

функции (способности образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу» [Лопатин 2017]. Немецкие лингвисты под аффиксоидом понимают «[словообразовательную] единицу гетерогенного характера, схожую одновременно и с корнем, и с аффиксом»¹ (*Einheiten zwischen Wortstamm und Affix, die zudem in sich noch sehr heterogen sind*) [Fleischer, Barz 2012, с. 59]. В свою очередь, аналогичные заимствованные словообразовательные элементы В. Фляйшер и И. Барц называют конфиксами.

Таким образом, конфикс – это экзогенный, в большинстве случаев связанный словообразовательный элемент, обладающий собственным лексическим значением. Причем, если аффиксоиды ближе по своим свойствам к аффиксам, то конфикс всё же обладает возможностью самостоятельного употребления.

Ассимиляция лексемы *Corona*

Словари немецкого языка фиксируют слово *Corona* с пометой *umgangssprachlich* в качестве синонима лексемы *Coronavirus* или как лексему, обозначающую заболевание, вызванное соответствующим вирусом [Duden-Online; DWDS]. В качестве морфемы *corona-* относится к литературной норме.

Ассимиляция лексемы *Corona* в немецком языке не завершена. Ее произношение восходит к латыни и совпадает с нормативным произношением немецких слов (ср. астрономический термин *Korona*; прилагательное *koronar*, входящее в семантическое поле «здоровье человека» [Duden-Online]). Грамматическая ассимиляция лексемы только началась. Согласно словарям, она относится к среднему роду: сыграла роль родовая принадлежность лексемы *Coronavirus*, которая, однако, колеблется в роде (*der* или *das Coronavirus*): средний род свойствен врачебному аргю [Duden-Online]. Отнесение лексемы *Corona* к среднему роду обусловлено и ее фонетическим строем – по аналогии с *das Klima*, *das Asthma*.

Лексема *Corona* употребляется только с нулевым артиклем и почти не употребляется с согласованными адъективами, не образует множественного числа, следовательно, ее родовая принадлежность не влияет на языковое окружение в речи.

¹Перевод наш. – С. Ж.

Частотность лексемы *Corona* и элемента *corona-*

В текстах 2020 г., содержащихся в коронавирусном корпусе DWDS, лексема *Corona* и элемент *corona-* встречаются 318658 раз, тогда как в 2019 г. этот показатель равен 1630, а в 2018 г. – 65. Нередко скачок частотности связан с событиями международного масштаба, что наблюдается и в данном случае [Пономарева, Жилюк, 2016, с. 159–160].

Лексема *Corona* используется чаще синонимов *SARS* (9586 раз), *Covid* (39000). Наиболее распространенными композитами с их участием являются: *Covid-19-Erkrankung*, *Covid-19-Virus*, *Covid-Patienten*, *SARS-Epidemie*, причем *SARS* и *Covid* выступают в значении «вирусная инфекция».

Графическое оформление композитов с элементом *corona-* может варьироваться – слитно или через дефис, причем немного чаще (на 9%) встречается первый вариант (158061), случаев против 131666.

Наиболее частотными лексемами с элементом *corona-* являются:

- *Coronavirus* – 102491¹ (на графический вариант *Corona-Virus* приходится только 3642 случая);
- *Corona-Krise* – 33307 (*Coronakrise* – 16299);
- *Corona-Pandemie* – 17731 (*Coronapandemie* – 1456);
- *Corona-Infektion* – 5617 (*Coronainfektion* – 441);
- *Corona-Fall* – 3577 (*Coronafall* – 706);
- *Corona-Test* – 3384 (*Coronatest* – 706);
- *Corona-Epidemie* – 1679 (*Coronaepidemie* – 170).

Примеры говорят о том, что элемент *corona-* тяготеет к оформлению сложных слов посредством дефиса, что отличает его от традиционно выделяемых конфигов (-*therm-*, -*thek-*, -*naut-*).

Элемент *corona-* может соединяться с заимствованными лексемами: *Coronahysterie*, *Coronajogger*, *Coronapaket* – и с эндогенными: *Coronagefahr*, *Coronaleugner*, *Coronaschutz*.

Семантика элемента *corona-*

В сложных словах изучаемый элемент обладает разнообразной семантикой:

¹ Вследствие особенностей инструментов поиска DWDS в это число включены и производные лексемы, например *Coronaviruszeit*. – Прим. авт.

- Непосредственно вирус SARS-CoV-2: *Coronavirus, Corona-Infektion, Corona-Test*.
- Заболевание, вызванное этим вирусом: *Corona-Epidemie, Coronaausbruch, Coronawelle*.
- Связанный с ситуацией пандемии: *Corona-Krise, Coronachaos, Coronahysterie, Coronamaßnahmen, Coronapetze*.
- Связанный со временем пандемии: *Coronajogger, Coronaleugner*.

Наиболее распространенным значением элемента *corona-* является «заболевание, вызванное вирусом SARS-CoV-2», а для обозначения вируса чаще используется сложное слово *Coronavirus*.

Вероятно, выделение элемента *corona-* произошло из этой лексемы, в которой вторая часть *-virus* носит характер частотного элемента (*Grippevirus, Aidsvirus, Pockenvirus*). У приведенных лексем есть синонимы, не содержащие финитного элемента *-virus* (*Grippe, Aids, Pocken*), поэтому выделение *corona-* в отдельную лексему происходит по аналогии. В современном дискурсе элемент *corona-*, по всей видимости, не является связанной морфемой и активно используется как самостоятельная лексема *Corona*, являющаяся результатом сокращения слова (апокопы).

Элемент *corona-* как конфикс

Существует ряд лексем, в которых первая часть *corona-* выступает не в значении заболевания, а в значении пандемии этого заболевания (*Corona-Krise, Coronachaos, Coronamaßnahmen, Coronaleugner* и т. д.). Идет ли здесь речь о полноценной, несвязанной, основе? По нашему мнению, в этих словах элемент *corona-* проявляет черты конфикса.

Для многих морфем, которые исследователи относят к конфиксам (*geo-, -therm-, hydro-, öko-, -gate, euro-* и т. д.), характерно значение соотнесенности с чем-либо. В лексемах *Geo-Post, Geo-Forschung, Geo-Risiko* у конфикса выделяется семантика связанности с планетой Земля. Аналогичная семантика выделяется у конфикса *euro-*, который обозначает соотнесенность феномена с общеевропейским масштабом: *Eurokrat, eurokritisch, Euronorm, Euromix*.

Элемент *corona-* проявляет похожую семантику в составе композитов: *Coronachaos* – не «коронавирусный хаос», а «хаос, спровоцированный пандемией коронавируса», *Coronamaßnahmen* – не «коронавирусные меры», а «меры, направленные против распространения

пандемии коронавируса» и т. д. В данном случае словообразовательный элемент подвергается метонимическому переосмыслению и может претендовать на статус конфикса. В таком случае по своим свойствам этот элемент близок к конфиксам *geo-* и *euro-*, так как они обозначают соотносительность с явлением и могут употребляться в качестве самостоятельных лексем.

На периферии употребления элемента *corona-* фиксируется одно прилагательное – *coronaesk*, а также омонимичное ему существительное – *Coronaesk*. Существительное образовано посредством комбинации двух слов: *Corona* и *Grotesk* – и обозначает слишком строгие ограничительные меры, направленные на борьбу с вирусом. Прилагательное, однако, более интересно с точки зрения словообразования. Суффикс *-esk* восходит к фр. *-esque* / ит. *-esco* [Степанова 2007], причем до 2020 г. он входил в немецкий язык в составе заимствованных лексем (*pittoresk*) или соединялся с именами собственными, характеризую феномен путем сравнения с обладателем соответствующего имени (*chaplinsk*, *schröderesk*). В рассматриваемой лексеме суффикс присоединяется к имени нарицательному, которое оказывается переосмысленным как своего рода оним – «имя» заболевания. В значении «связанный с пандемией коронавируса» это прилагательное имеет синоним *coronaisch* – гибридное слово, состоящее из заимствованной основы и эндогенного суффикса *-isch*. Использование этих прилагательных носит окказиональный характер, но возможность их употребления говорит об ассимиляции иностранных основ.

Отметим и редко встречающийся глагол *sich coronisieren* со значением «приспосабливаться к ситуации ограничительных мер, вызванных коронавирусом». Он не фиксируется в корпусе DWDS, однако поисковый запрос в Google выдает более 200 результатов. Глагол является возвратным и обладает специфическим фонетическим составом: в середине выпадает звук [a]. Эта особенность говорит о переосмыслении морфемного состава слова *Corona*, вследствие которого финитный гласный [a] может постепенно опускаться или, в сложных словах, заменяться интерфиксом *-o-*. Если это произойдет, то можно будет говорить о почти полной морфологической ассимиляции лексемы *Corona(virus)* в немецком языке. Впрочем, участие словообразовательного элемента *corona-* в словообразовании прилагательных и глаголов даже в единичных случаях уже является

важным свидетельством его интеграции в систему немецкого языка, особенно если речь идет о гибридном словопроизводстве. При образовании прилагательного *coronaisch* этот словообразовательный элемент использует модель, аналогичную прилагательному *thermisch*, в котором основа-конфикс сочетается с немецким суффиксом.

Результаты попытки определить статус словообразовательного элемента *corona-* в современной речи оказываются противоречивы. С одной стороны, этот элемент может выступать как самостоятельная лексема, образованная с помощью апокопы от термина *Coronavirus*; с другой, морфема *corona-* является частотным элементом, который по ряду своих свойств сближается с конфиксами греко-латинского происхождения, выделяемыми в немецком языке.

Заключение

Проведенное исследование употребления лексемы *Corona* / основы *corona-* на материале корпуса DWDS свидетельствует о широком проникновении основы *corona-* в немецкую речь. Этимологически этот словообразовательный элемент связан с лексическим корпусом евролатыни, однако является относительно молодым феноменом. Предыдущие аналогичные эпидемии описывались с помощью термина *SARS*. При этом нельзя утверждать, что сама лексема *Corona* до 2020 г. была незнакома носителю немецкого языка: существует омонимичное ей слово из астрономического дискурса со значением «свечение вокруг солнца», а также схожее по звучанию слово *Krone* с множеством значений, также восходящее к латинскому языку.

В качестве самостоятельной лексемы *Corona* широко употребляется для обозначения как самого заболевания, вызванного вирусом SARS-CoV-2, так и пандемии этого заболевания. В этих значениях лексема нередко вступает в соединение с другими эндогенными и экзогенными основами, существующими в немецком языке. Особенно гибокими и заимствованными словами с использованием основы *corona-* является их грамматический строй и графическое оформление. В композитах с участием этой основы используется полносложный тип соединения основ (без соединительного элемента), причем не происходит редукции финитного гласного (*Coronahysterie*, *Coronapacket*). С точки зрения графического оформления композиты с основой *corona-* могут писаться слитно или через дефис, при этом второй

вариант в целом более распространен (кроме лексемы *Coronavirus*, которая была заимствована целиком и чаще пишется слитно).

Это наблюдение позволяет говорить о том, что основа *corona-* воспринимается носителями языка как самостоятельное слово. В то же время значительное количество слов, в которых используется слитное написание, заставляет предполагать различие в семантике первого элемента в лексемах типа *Corona-Test* и *Coronapacket*: в первом случае активизируется значение «заболевание, вызванное коронавирусной инфекцией» (и тогда речь идет о сокращенной форме лексемы *Coronavirus*); во втором присутствует значение «относящийся ко времени пандемии коронавирусной инфекции», следовательно, элемент *corona-* – это не столько самостоятельная лексема, сколько конфикс, способный к самостоятельному употреблению (в другом значении). В немецком языке известны случаи самостоятельного употребления морфем: например, *der Ex* от *der Ex-Mann*, *der Mini* от *der Minirock*, *Geo* в качестве названия журнала. Мы полагаем, что в настоящее время следует признать элемент *corona-* и лексему *Corona* пограничным феноменом немецкой морфологии.

Хотя высказанная в начале настоящей статьи гипотеза о принадлежности основы *corona-* к конфиксам подтвердилась далеко не полностью, ее проникновение и необыкновенно быстрая (за период менее года), хотя и не окончательная ассимиляция позволяет говорить о повышении степени интернационализации немецкого языка. В настоящее время иностранные элементы проникают в его словообразовательную систему, что ведет к интернационализации не только речевых практик, но и самого языкового строя. Опираясь на знания об обогащении немецкого языка заимствованиями в прошлые эпохи, следует продолжить наблюдения за поведением основы *corona-* в немецком языке и проверить, в какой степени она закрепится не только в словарях, но и в повседневной речи носителей языка в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Лопатин В. В. Аффиксоид // Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю. С. Осипов. 2017. URL: www.bidenc.ru/text/4307011. [Lopatin, V. V. (2017). Afiksoid (Affixoid). In: Yu. S. Osipov (ed.). Bol'shaya rossijskaya entsiklopediya] (дата обращения: 16.02.2021).
- Винокур Г. О. Заметки о русском словообразовании // Винокур Г. О. Избранные работы. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419–442. [Vinokur, G. O. (1959).

- Zametki o russkom slovoobrazovanii. (Notes on Russian Word-Formation). In: Vinokur G. O. Izbrannyye raboty (pp. 419–442). Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
- Пономарева Т. В., Жилюк С. А.* Историческая вариативность наименования в немецком языке в сфере железнодорожного транспорта // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VI: Константность и вариативность в немецком языке.* СПб: Издательство СПбГУ, 2016. С. 155–166. [Ponomariova, T. V., Zhilyuk, S. A. (2016). Istoricheskaya variativnost' naimenovaniya v nemeckom yazyke v sfere zheleznodorozhnogo transporta. (Nomination Variation in the Development of German Railways Language). Nemeckaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete, VI, 155–166. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU (In Russ.).]
- Пономарева Т. В.* Проявление тенденции к интернационализации лексики в немецком именном словопроизводстве // *Материалы XXXV Международной филологической конференции. Лексикология и фразеология (немецко-романский цикл) В. 2, ч. 2.* СПб., 2006. С. 47–54. [Ponomariova, T. V. (2006). Proyavlenie tendencii k internatsionalizacii leksiki v nemeckom imennom slovoпроизводстве (Internationalization Trend in German Nominative Word-Formation). In: Materialy XXXV Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii. Leksikologiya i frazeologiya (nemecko-romanskij cikl). 2.2. SPb. (pp. 47–54). St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.).]
- Розен Е. В.* На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Менеджер, 2000. [Rozen, E. V. (2000). Na poroge XXI veka. Novyye slova i slovosochetaniya v nemeckom iazyke. (On Threshold of the 21st Century. New Words and Word-Groups in German Language). Moscow: Manager. (In Russ.).]
- Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М.: КомКнига, 2007. [Stepanova, M. D. (2007). Slovoobrazovanie sovremenno-go nemeckogo iazyka. (Word-Formation of the Modern German Language). Moscow: KomKniga. (In Russ.).]
- Duden-Online. URL: <https://www.duden.com> (дата обращения: 16.02.2021).
- DWDS – Digitales Wörterbuch der deutsche Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 16.02.2021).
- Eins W.* Alter Wein in neuen Schläuchen. Zum Konfix. In: Hrsg. P.O. Müller. Studien zu Fremdwortbildung. Berlin / New York: de Gruyter, 2009. H. 197–198. S. 65–88.
- Eurolatein. Das griechische und lateinische Erbe in den europäischen Sprachen. Hrsg. A. Kirkness, H. H. Munske. Tübingen: Niemeyer, 1996.
- Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Berlin / Boston: de Gruyter, 2012.

- Munske H. H.* Ist das Deutsche eine Mischsprache? Zur Stellung der Fremdwörter im deutschen Sprachsystem. In.: Hrsg. H. H. Munske, P. v. Polenz, O. Reichmann. Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien. Berlin / New York: de Gruyter, 1988. S. 46–74.
- Nübling D.* Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwechsels. Tübingen: Narr, 2013.
- Schmidt G. D.* Das Kombinem. Vorschläge zur Erweiterung des Begriffsfeldes für den Bereich der Lehnwortbildung. In: Hrsg. G. Hoppe, G. Deutsche Lehnwortbildung Beiträge zur Erforschung mit entlehnten WB-Einheiten im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1987. S. 123–140.
- Seiler F.* Die Entwicklung der deutschen Kultur im Spiegel des deutschen Lehnworts. Bd. 4. 4. Aufl. Norderstedt: Vero, 2014.
- Yang W.* Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins Spiegel. Tübingen: Niemeyer, 1990.

В. И. Карасик

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина
vkarasik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

СЕТЕВАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ¹

Рассматриваются характеристики сетевой языковой личности – узнаваемого образа современных пользователей электронных сетей, поддерживающих дружеское общение с открытым сообществом виртуальных собеседников: позитивная самопрезентация, конструирование своего имиджа, высокая степень эмоциональности и искренности, подчеркнутое выражение индивидуальной позиции, преимущественное использование мультимодального кода.

Ключевые слова: языковая личность; социальная сеть; интернет-дискурс; виртуальный собеседник; самопрезентация.

V. I. Karasik

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,
Professor at the General and Russian Linguistics Department,
Pushkin State Russian Language Institute
vkarasik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

NETWORK LINGUISTIC PERSONALITY

The paper deals with a network linguistic personality – a recognizable image of modern electronic network users engaged in a friendly open virtual communication. They have the following properties: positive self-representation, deliberately constructed image, accentuated emotionality and sincerity, highlighted individual position, and multimodal code usage.

Key words: linguistic personality; social network; internet discourse; virtual conversation partner; self-presentation.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Введение

Стремительное развитие сетевого электронного дискурса в наши дни привело к формированию узнаваемого коммуникативного поведения пользователей сети. Социальные сети представляют собой сообщества людей, объединенных общими интересами. В этих сообществах вырабатываются определенные установки и нормы мировосприятия и воздействия на коммуникативных партнеров. Предполагается, что можно выделить и охарактеризовать сетевую языковую личность, установить типы таких личностей и описать их дискурсивный статус. В качестве материала для исследования использовалась выборка примеров из сети «Фейсбук» (www.facebook.com).

Сетевая языковая личность как объект лингвистического исследования

Изучение языковой личности стало одним из активно развивающихся направлений антропологической лингвистики, противопоставляемой лингвистике системно-структурной [Караулов 1987]. Такой парадигмальный поворот обусловлен интересом современных исследователей к изучению речевой деятельности как объекта лингвистического анализа.

Моделирование речевой деятельности требует характеристики ее субъекта – коммуникативной личности. В рамках данной работы терминологически языковая личность понимается как личность коммуникативная, т. е. как осознающий себя человек, участвующий в общении и проявляющий свою идентичность как представитель определенного лингвокультурного сообщества и той или иной группы в его составе.

Широкое распространение сетевого дискурса радикально изменило коммуникативную практику наших современников [Гермашева 2011; Горошко 2012; Горшкова 2013; Корконосенко 2012; Лутовинова 2016; Потсар 2007; Barnes 2003; Dijk 2006]. Эпидемия ускорила эти процессы, и в результате многие типы личностного и институционального общения приняли новый вид. Можно сказать, что сформировался новый тип человека – сетевая языковая личность. Изучение такой личности необходимо для понимания тенденций развития коммуникации и осмысления новой ценностной картины мира, отраженной в языковом сознании и коммуникативном поведении.

В социальном плане сетевая языковая личность существует в новом соотношении приватного и публичного поведения. Приватное поведение перестает быть суверенным достоянием личности, поскольку любой акт общения в социальных сетях может быть зафиксирован, записан, архивирован, при необходимости запротоколирован, распространен в Сети без согласия индивида и тем самым перестает быть одноразовым коммуникативным событием. Понимая это, участники общения в значительной мере увеличивают клишированность коммуникативных интеракций, чтобы стать незаметными в толпе. В ряде случаев возникают стихийные протесты против такого контроля, осуществляемого не столько органами власти, сколько самой системой сетевой коммуникации. Эти протесты большей частью принимают игровой характер, возрастает значимость маскарадности в сетевом общении.

Участвуя в сетевом дискурсе, пользователь Сети устанавливает связи с множеством собеседников – друзей, с которыми знаком только виртуально. Этот тип отношений заслуживает внимания как индикатор нового социального статуса человека. Сетевая языковая личность сознательно конструирует свой имидж как предельно искреннего, открытого, доброжелательного, душевно богатого человека.

Единицей сетевого общения является пост – отдельно взятое сообщение, от *англ.* post – a message sent to an Internet discussion group so that all members of the group can read it [LDOCE]. Такие сообщения обладают характеристиками информационных объявлений, комментариев по поводу тех или иных явлений или событий и дневниковых записей, т. е. они в определенной мере информативны, подчеркнута модальны (выражают отношение отправителя речи к тому, о чем говорится в сообщении, и к его читателям) и в некоторых жанрах специфически автокоммуникативны, по Ю. М. Лотману [Лотман 1973], т. е. адресованы не только другим, но и себе. Электронный формат этого общения дает возможность использовать мультимодальные тексты, включающие как сообщения, так и фотографии и видеофайлы, моментально посылать свои комментарии по поводу прочитанного и вести диалог с неопределенным количеством адресатов. Последнее свойство сетевого дискурса сближает его с медийной коммуникацией и превращает каждого отправителя сообщения в журналиста.

Такая открытая публичность создает особый эмоциональный формат общения. Отметим при этом, что в отличие от институциональных

массмедиа социальные сети не выражают позицию корпоративных субъектов, а представляют индивидуальное мнение каждого отдельного пользователя. Корпоративная позиция часто воспринимается как безличная и идеологически ангажированная. Подчеркнутый отказ от корпоративности подразумевает свободное мнение отправителей постов. Этим в ряде случаев пользуются профессиональные распространители рекламы, информируя сетевое сообщество о своих продуктах, якобы от имени рядовых пользователей Сети. Еще одна характеристика подобного любительского журнализма состоит в том, что живой эфир, его трансформированный вариант в виде электронного дневника – блога или регулярные посты в электронной сети обладают притягательной силой, аддиктивностью; такая деятельность многократно усиливает в человеке потребность самораскрытия.

Характеристики сетевой языковой личности

Регистрируясь в сети «Фейсбук», пользователь указывает свой день рождения, эта информация становится доступной всем, и все могут поздравить этого человека. Отвечая на поздравления, участник такого дискурса обращается к лично знакомым и незнакомым людям со словами благодарности и может включить в такой текст подробности, которые характеризуют его:

Дорогие друзья, спасибо всем за память и поздравления! Спасибо фейсбучным друзьям, с которыми знакома только виртуально! Грешна, люблю свой День рождения, несмотря ни на какие цифры! Что цифра-цифра, это всего лишь паспортные данные! Зато какая возможность в этот день услышать друзей, даже далёких, узнать, что они думают о тебе)), вспомнить то, что нас связывает, получить заряд бодрости на целый год! В общем, почувствовать себя звездой!)) И по традиции сходить в театр. И хотя профессор СХ считает меня креативной, но я очень люблю свою театральную традицию. В этом году «Дон Кихот» – восстановленный в Станиславском балет Нуриева. Музыка, пластика – сказочно-волшебна!¹

Итак, первый признак такой личности – позитивная самопрезентация.

В сообщениях, размещенных в сети, подчеркивается высокий интеллектуальный уровень отправителя речи:

¹Зд. и далее в примерах сохранена орфография и пунктуация автора. – В. К.

А кстати, что такое будущее и прошлое? Что такое настоящее?

Ведь если хорошенько вдуматься, то настоящего-то и нет вовсе. Настоящее – это лишь «мимолетное виденье», почти неощутимый миг между прошлым и будущим. Представим себе, что красивая чашка падает со стола и разбивается вдребезги. В прошлом была целая чашка, а в будущем будут ее осколки. Где же тогда настоящее, в котором чашка разбивается? Когда она касается пола? Или когда отлетает последний осколок? Но даже в самом мгновенном настоящем можно выделить свои прошлое и будущее. Физики изображают это в виде так называемого светового конуса, где есть бесконечные Будущее и Прошлое. И лишь одна точка – их пересечение – является Настоящим.

*(Детский журнал «Трамвай», 1991 год.
Начало Перестройки)*

Приведённая цитата адресована тем, кого говорящий считает равными себе. Социальная сеть – это клуб собеседников, в котором устанавливаются принципы и нормы отношения к жизни. Отсюда следует, что сетевая языковая личность демонстрирует свое интеллектуальное богатство, ориентируясь на идеалы мудрости, осмысленные человечеством.

Нельзя не обратить внимания на эмоционально выраженное искреннее отношение к участникам общения, сочувствие по поводу несчастья или несправедливости и радость, если сообщается о приятных и интересных событиях:

Театр Каменского продолжает удивлять и радовать своего зрителя. И это здорово! Сегодня мы познакомились с новой вокальной примой. Изумительный вокал, прекрасные актерские данные. Порадовал оркестр. Уровень вырос. И это тоже радует. Заметил новые лица в балетной группе. Словом, театр растет, преобразается. Изменения свидетельствуют о динамике, о прекрасной работе дирекции и всех служб. Большое всем СПАСИБО за ваши творческие находки и ваш энтузиазм, за любовь к вашему зрителю и вашу работу. Театр живёт, развивается, а значит, у него есть будущее.

Участники сетевого дискурса пишут не только о хорошем:

Еще раз хочу обратить внимание на огромную проблему в нашем городе! Благодаря журналистам v1 и их проекту визуализации, мы можем с вами очень наглядно увидеть степень исчезновения зелёных насаждений

в нашем городе. Картина не то чтобы печальная, она КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ!!!! И это, друзья, изменения за 10 лет!!! Теперь еще и за пойму взялись... Как будем жить дальше? В пустыне? В пыльных бурях?

Акцентированная эмоциональность прослеживается во многих комментариях участников социальной сети и может рассматриваться как одна из характеристик сетевой языковой личности.

Важным признаком сетевой языковой личности является использование видеоматериалов, доминируют иконические знаки, а текст (в узком смысле слова) дополняет их. Сетевую языковую личность можно назвать визуалом по предпочтительному использованию фотографий или видеофайлов. Это связано с доминирующей визуализацией дистантного общения в целом, обусловленного развитием цифровых технологий. Следует отметить распространение клипового мышления в современной культуре, передачу информации в виде краткого концентрированного набора ярких запоминающихся образов, которые могут стать мемами – транслируемыми культурно значимыми символами текущего момента.

Жанровые особенности коммуникативного поведения сетевой языковой личности

Говоря о типах участников сетевого дискурса, выделим следующие признаки для построения возможных классификаций.

Публичное поведение во многих случаях включает активное участие адресатов в обсуждении актуальных проблем, при этом противопоставляются аудитория и публика, т. е. личности, вовлеченные в диалог и воздерживающиеся от диалога. Степень активности в сетевом диалоге позволяет противопоставить тех, кто сообщает друзьям о чем-либо, пишет комментарии, и тех, кто на это реагирует, ставя стилизованные знаки одобрения – лайки. Существует также множество участников сообщества, которые просто знакомятся с содержанием поста, но никак не реагируют на него.

Базовая интенция отправителя сообщения дает возможность противопоставить преимущественно информационные и преимущественно развлекательные посты. В первом случае субъект коммуникации сообщает широкой публике какие-то актуальные сведения, как социального, так и личного содержания, как правило, комментируя

фотографию или видеофайл, во втором случае такой субъект размещает в Сети шутки, анекдоты, демотиваторы, различные тесты.

Заслуживают внимания развивающиеся жанры сетевого дискурса. Анализ контента сетей показывает, что циркулирующая в них информация может быть разбита на восемь основных жанровых групп: 1) демонстративы (автопрезентации, фотографии себя и / или своих близких, часто с подписью, ярким представителем этой группы является селфи); 2) репортативы (сообщения о важных новостях, часто в виде перепоста, такая информация вызывает живое обсуждение и по своей сути соответствует жанрам медиадискурса); 3) социативы (заметки и рассуждения об интересных вещах; эта жанровая группа позволяет объединиться друзьям в рамках той или иной предметной области); 4) креативы (художественное творчество, свое или чужое, в виде текстов, картин, инсталляций и мультимедийных проектов, сопровождаемое комментариями); 5) агитативы (различные сообщения, продвигающие тот или иной товар или образ жизни); 6) инструктивны (рекомендации для решения конкретной практической проблемы); 7) прескриптивны (назидательные послания морального плана); 8) аттрактивны (развлекательно-шутливые послания, например, демотиваторы) [Карасик 2019]. Соответственно, можно выделить субъектов этого дискурса по признаку их участия в том или ином жанре сетевого общения.

Известный отечественный лингвист сообщает в Сети о прошедшей научной конференции в МГУ и своем понимании соотношения метафоры и метонимии (пост включает фотографии):

Столько страстей наговорили ученые братья о метафоре, и вот наконец на конференции в МГУ я высказался о наболевшем: в современном медийном мире метафора теряет свое значение. На ее место заступает метонимия с присными (вроде мемов и прочего). Худо метафоре в массовой культуре! А метонимии – самое место. Об этом был доклад в дружественном и славном кругу стилистов, где мы, риторы, всегда чувствуем себя так же прекрасно, как метафора в доброе старое время.

Это пример жанра «демонстратив». Обратим внимание на сокращенную дистанцию общения, использование обиходных выражений.

Весьма часто пользователи Сети знакомят читателей с интересными новостями, перепечатывая их из разных медийных источников:

Красивое решение проблемы по-японски

Оригинальный способ забастовки придумали водители японских автобусов города Окаяма. Они продолжают рейсы как обычно, но отказываются брать деньги и пробивать билеты пассажиров, по сути предоставляя публике бесплатный сервис. Этим самым водители дают понять, что их конфликт – с руководством, а не с публикой. Компания терпит убытки, не влияя на обычных людей. Руководство, конечно, может решить самостоятельно остановить рейсы, но в таком случае уже оно, а не водители, будет виновным в глазах публики за срыв сервиса.

Приведенный репортаж заслуживает внимания.

Участники сетевого дискурса обсуждают интересующие их темы, например, новые фильмы:

Тяжелый фильм

Еще тяжелее мысли, когда смотришь фильм, когда слушаешь обсуждение, когда думаешь свою думу, когда приходишь к заключению, которое тебя ужасает. Короче, дядя Саша, как это ни прискорбно, культурный код России, этакий Обломов XXI века, живущий себе тихо со своей «Ольгой Ильинской» в богом забытой деревеньке Мышкино. У него даже фамилия почти «Обломов» – Замотин. Замотала его жизнь, запутала. Смотришь на него, слушаешь его – и диву даёшься: «Так вот ты какой!» (северный олень) Беззубый, заросший, заматавшийся, философствующий, поющий...

Этот пост в жанре «социатив» прокомментирован:

- А почему ужасает? Для русской культуры много веков кряду характерен был приоритет внутренних путей над внешними. Если так расставить акценты, то можно быть счастливым и дремучей глуши.
- Обществу или цивилизации такие чудачки без надобности. А чудачки обществу отвечают взаимностью. Они несистемные. И интересы их несистемные – росту благосостояния они предпочитают духовный рост. Так всегда было.

Участники Сети обсуждают документальный фильм «Дядя Саша, или полёт над Россией». Обратим внимание на язык и стиль исходного поста и реакций на него: в сети «Фейсбук» основные участники – интеллигентные образованные люди, хотя в ряде сообщений можно столкнуться с ненормативной лексикой.

Весьма распространен в социальных сетях жанр «агитатив», назначение которого призыв к определенному действию или формированию определенного отношения к чему-либо:

- Уважаемые товарищи взрослые, кто из вас любил ОГИ? У нас на журфаке есть студия лайфстайл журналистики, которая сейчас делает лонгрид на тему «Год, когда я родился». У них это 1999. Вот такой вопрос прилетел в нашу группу: «Для нашего материала о клубе О.Г.И. мы ищем героев, посещавших это место в 90-х годах. Очень просим помочь нам с поисками. Ребята, может быть, ваши родители или знакомые знакомых бывали там? Поспрашивайте, пожалуйста». Там надо немного – хватит короткого разговора в зуме или пары вопросов в мессенджере.

Лонгрид (*англ.* longread, long story) – это сравнительно длинный нарратив (обычно более 1500 слов, в аудиоформате звучание часто занимает более 30 минут), детально повествующий о каком-либо событии или описывающий эпоху и факультативно включающий мультимедийные тексты. Возникновение этого жанра в журналистике обусловлено стремлением выйти из потока коротких новостей и погрузиться в переживание детально описанной истории.

Социальная сеть дает возможность обратиться к сообществу с просьбой дать совет в решении определенной проблемы. Пользователи сети обычно откликаются на такие просьбы:

- Здравствуйте. От аккаунта моего конкурента в инстаграм приходят угрозы. Так же пишут мне лично в ватсап, что они пожаловались на меня в фейсбук. Угрозы, что они так же на меня пожаловались в госструктуры. Якобы я веду несанкционированную деятельность и что-то нарушаю. Хотя я плачу за рекламу на фейсбуке, покупаю рекламу у блогеров и делаю розыгрыши. Эту угрозы продолжают постоянно. Что мне делать в этом случае? Эти угрозы ничем не закреплены. И я знаю, что они всем угрожают в инстаграм и фейсбук. Что делать?
- Напиши сама на них в органы и привлеки к ответственности.
- Найми братву или заблокируй.

Незнакомые люди дают практические советы, этот жанр «инструктив» в полной мере подтверждает тезис о том, что развитие электронного общения превращает наш мир в большую деревню [Маклюен 2003].

В социальной сети мы часто сталкиваемся с прескриптивами – постами назидательного характера. Например:

Профессор держал этот стакан, пока все студенты не обратили на него внимания, а затем спросил:

- **Сколько, по-вашему, весит этот стакан?**
 - 50 грамм!
 - 100 грамм!
 - 125 грамм! – предполагали студенты.
 - **Я и сам не знаю**, – продолжил профессор, – чтобы узнать это, нужно его взвесить. Но вопрос в другом: что будет, если я подержу так стакан в течение нескольких минут?
 - Ничего, – ответили студенты.
 - **Хорошо. А что будет, если я подержу этот стакан в течение часа?** – снова спросил профессор.
 - У вас заболит рука, – ответил один из студентов.
 - **Так. А что будет, если я таким образом подержу стакан целый день?**
 - Ваша рука окаменеет, вы почувствуете сильное напряжение в мышцах, и даже вам может парализовать руку, и придется отправить вас в больницу, – сказал студент под всеобщий смех аудитории.
 - **Очень хорошо, – невозмутимо продолжал профессор, – однако изменился ли вес стакана в течении этого времени?**
 - Нет, – был ответ.
 - **Тогда откуда появилась боль в плече и напряжение в мышцах?**
- Студенты были удивлены и обескуражены.
- **Что мне нужно сделать, чтобы избавиться от боли?** – спросил профессор.
 - Опустить стакан, – последовал ответ из аудитории.
 - **Вот, – воскликнул профессор, – точно так же происходит и с жизненными проблемами и неудачами. Будете держать их в голове несколько минут – это нормально. Будете думать о них много времени – начнете испытывать боль. А если будете продолжать думать об этом долгое, продолжительное время, то это начнет парализовывать вас, то есть вы не сможете ничем другим заниматься.**

Участник Сети, разместивший эту современную притчу, хочет передать своим читателям опыт решения жизненных проблем в виде запоминающегося примера. Заметим, что притчи получили широкое

распространение в современной культуре и в сетевом дискурсе в частности. Как известно, предложение всегда обусловлено спросом. Наши современники испытывают потребность в получении жизненных ориентиров, той бытовой мудрости, для изложения которой и возник жанр притчи, широко используемый в религиозной коммуникации.

Любимым жанром многих пользователей в Сети являются аттрактивы – анекдоты, демотиваторы, смешные истории. Например:

«Ворона и лисица»

Мне кажется, положительный герой – сыр. Он ничем не провинился. Лиса – хитрая, ворона – глупая.

...

Благодаря видеоиграм я понимаю, что если встречаю врагов, то, значит, двигаюсь в верном направлении.

...

Менеджер банка убедил грабителя взять деньги в кредит.

Обратим внимание на ситуации, вызывающие улыбку читателей: это комическая интерпретация известной басни И. А. Крылова, интересное сопоставление сюжетов видеоигр и жизненных обстоятельств, абсурдно-юмористическая оценка деятельности работников банков.

Заключение

Сетевая языковая личность представляет собой узнаваемый образ современных пользователей электронных сетей, поддерживающих дружеское общение с открытым сообществом виртуальных собеседников, разделяющих интересы субъекта. Коммуникативное поведение участников электронного сетевого дискурса отличается позитивной самопрезентацией, сознательным «конструированием» своего имиджа как умного и понимающего человека, высокой степенью эмоциональности и искренности, подчеркнутым выражением индивидуальной, а не корпоративной позиции, преимущественным использованием мультимодального кода. Можно выделить несколько типов сетевых языковых личностей на основании признаков степени коммуникативной активности в диалоге, базовой интенции отправителя сообщения и жанровой специфики сетевого дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гермашева Т. М.* Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011. [Germasheva, T. M. (2011). *Yazykovaya lichnost' sub'ekta blog-diskursa: lingvokognitivnyj aspekt.* (A linguistic personality of a blog discourse subject: linguistic and cognitive aspect): abstract of PhD in Philology. Nal'chik. (In Russ.)].
- Горошко Е. И.* Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 9–52. [Goroshko, E. I. (2016). *Sovremennaya internet-kommunikaciya: struktura i osnovnye parametry.* (Modern internet communication: structure and main parameters). In: *Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya* (pp. 9–52). Moscow: FLINTA: Nauka (In Russ.)].
- Горшкова Е. И.* Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. [Gorshkova, E. I. (2013). *Blog kak vid internet-kommunikacii.* (Blog as a type of internet communication). St. Petersburg. (In Russ.)].
- Карасик В. И.* Языковые мосты понимания. М.: Дискурс, 2019. [Karasik, V. I. (2019). *Yazykovye mosty ponimaniya.* (Linguistic bridges of understanding). Moscow: Diskurs. (In Russ.)].
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* (The Russian language and a linguistic personality). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Корконосенко С. Г.* Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций? // Ученые записки Забайкальского государственного педагогического университета. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2(43). С.234–239. [Korkonosenk, S. G. (2012). *Zhurnalistika setevykh SMI: smena issledovatel'skih paradigm ili prodolzhenie tradicij?* (Journalism of network media: research paradigm change or continuation of tradition?) *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* Ser.: *Filologiya, istoriya, vostokovedenie*, 2(43), 234–239. (In Russ.)].
- Лотман М. Ю.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Ученые записки Тартусского государственного университета. 1973. Вып. 308. С. 227–243. [Lotman, M. Yu. (1973). *O dvuh modelyakh kommunikacii v sisteme kul'tury.* (On two models of communication in the system of culture). *Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 308, 227–243. (In Russ.)].
- Лутовинова О. В.* Демотиватор как вид сетевого творчества // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание.

2016. Т. 15. № 3. С. 28–36. [Lutovinova, O. V. (2016). Demotivator kak vid setevogo tvorchestva. (Demotivator as a kind of network creativity). Vestnik of Volgograd state university. Series 2: Yazykoznanie, vol. 15, N. 3, 28–36. (In Russ.)].
- Маклюен М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский, Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. [McLuhan, M. (2003). Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka. (Understanding Media: The Extensions of Man). Moscow: Zhukovskij, Kanon-Press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)].
- Потсар А. Н.* Интернет как среда речевой коммуникации // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 254–261. [Potsar, A. N. (2007). Internet kak sreda rechevoj kommunikacii. (Internet as milieu of speech communication). Russkaya rech' v sredstvah massovoj informacii: stilisticheskij aspekt (pp. 254–261). St. Petersburg: Izd-vo St.-Peterb. un-ta. (In Russ.)].
- Barnes S. B.* Computer-Mediated Communication: Human-to-Human Communication across the Internet. Boston: Allyn and Bacon, 2003.
- Dijk J. A. G. M. van.* The Network Society: Social Aspects of Network Media. London: Sage, 2006.
- LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English / ed. by S. Bullon. Harlow and London: Longman, 1978.

Л. Б. Копчук

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой немецкой филологии Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена
kopchuk.ljubov@gmail.com

**ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ГИБРИДИЗАЦИИ
В ПРАКТИКАХ ПИСЬМЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ
МОЛОДЕЖИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ**

В статье представлены результаты исследования фактов смешения средств и форм разных языков в письменной диалогической коммуникации молодежи немецкоязычной Швейцарии. Данные факты, обнаруженные в текстах сообщений SMS и WhatsApp, рассматриваются, с одной стороны, как проявление языковой гибридации в условиях многоязычия, обуславливающего особенности речевых практик изучаемого социума, с другой – как элементы языковой игры, которая способствует реализации стратегии «отчуждения».

Ключевые слова: молодежный язык; многоязычие; диглоссия; диалекты; гибридация; переключение кода.

L. B. Kopchuk

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Head of the German Philology Department,
the Herzen State Pedagogical University of Russia
kopchuk.ljubov@gmail.com

**MANIFESTATIONS OF LANGUAGE HYBRIDIZATION
IN WRITTEN DAILY COMMUNICATION OF YOUTH
IN GERMAN-SPEAKING SWITZERLAND**

The article presents the results of a study of the facts of mixing the means and forms of different languages in written dialogical communication of young people in German-speaking Switzerland. These facts, found in the texts of SMS and WhatsApp messages, are considered, on the one hand, as a manifestation of linguistic hybridization in conditions of multilingualism, which determines the peculiarities of the speech practices of the studied society, on the other hand, as elements of a language game that contributes to the implementation of the «alienation» strategy.

Key words: youth language; multilingualism; diglossia; dialects; hybridization; Code-Switching.

Введение

В современной лингвистике молодежная коммуникация рассматривается как гетероглоссный дискурс, который объединяет все возможные аспекты неинституционального использования языка в юношеском возрасте [Androutsopoulos 2006, с. 112–113]. В фокусе приоритетных направлений лингвистики молодежного языка (Jugend-sprachforschung) наряду с разработкой таких аспектов, как многоязычие и миграция, на современном этапе находится изучение молодежного языка как феномена языкового контакта (Sprachkontaktphänomen).

В условиях стремительного развития цифровых каналов связи и постоянно меняющихся коммуникативных практик изучение национального своеобразия молодежной коммуникации неизбежно смещается в сферу письменного общения в социальных сетях и мессенджерах. Такой технологический сдвиг предоставляет новые возможности для исследования специфики молодежной речевой культуры, т. е. магистральной задачи, стоящей перед лингвистикой молодежного языка.

В русле решения названных задач предлагаемое исследование направлено на выявление и анализ актуальных для письменной коммуникации немецкоязычной молодежи Швейцарии явлений, имеющих признаки языковой гибридации. Достижение данной цели потребовало установления факторов развития своеобразия молодежного языка Швейцарии, определения роли диалекта в молодежной письменной коммуникации, выявления направлений и результатов языковой гибридации на разных системных уровнях, а также рассмотрения их функций в текстах письменных сообщений.

Многоязычие как основной фактор своеобразия молодежного языка в Швейцарии

В условиях Швейцарской конфедерации традиционное «внешнее многоязычие», начиная с 1960-х гг., постоянно пополняется языками мигрантов, при этом число носителей некоторых этнических языков превышает число носителей ретороманского языка (0,5%). В настоящее время, помимо четырех национальных языков и их региональных разновидностей, в повседневной коммуникации используются, по данным Федерального управления статистики Швейцарии, по итогам 2019 года, английский (6%), португальский (4%), албанский (3%),

сербский и хорватский (2%), испанский (2%) и ряд других языков (6%) [Sprachen und Regionen].

В немецкоязычной части страны такая языковая ситуация усугубляется «внутренним многоязычием» в результате взаимодействия, а точнее, напряженного отношения между немецким стандартным языком в его национальной разновидности (Schweizerhochdeutsch) и многочисленными территориальными диалектами, получившими обобщенное наименование Schwyzerdütsch. Таким образом, характерное для германо-швейцарцев толерантное отношение к инакоговорящим, обусловленное внешним и внутренним многоязычием, формирует в Швейцарии особый характер естественной языковой среды, а у молодого поколения – особое языковое сознание.

Необходимо подчеркнуть, что многоязычие не является в настоящее время специфически швейцарским фактором, определяющим своеобразие языка швейцарской молодежи, хотя именно многоязычие как неотъемлемая составляющая национального самосознания, прививаемая молодому поколению и школой, и СМИ, имеет в Швейцарии высокий социально-символический статус. В условиях современного социокультурного макроконтекста, в котором взаимодействуют процессы глобализации, интернационализации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности, игру с различными языковыми формами (английским языком, этнолектами мигрантов, языковым стандартом и диалектами), можно отнести к универсальным практикам так называемого прототипического молодежного языка.

Роль диалекта в письменной коммуникации в немецкоязычной Швейцарии

Доминирующим средством коммуникации в германо-швейцарском дискурсе, обеспечивающим языковую личную, социальную, региональную и национальную идентичность как взрослого населения, так и молодежи немецкоязычной Швейцарии является диалект, который охватывает весь неинституциональный устный дискурс и стремительно завоевывает сферу повседневной письменной коммуникации. По оценкам исследователей [(Dürscheid, Wagner, Brommer 2010; Stähli, Dürscheid, Béguelin, 2011; Frick, Rauch 2014; Cathomas et al. 2015 и др.)], коммуникация через мобильные мессенджеры до 90%

случаев осуществляется на диалекте не только представителями молодого поколения. Явление стандартной и диалектной «двуписьменности» («Zweischriftigkeit» [Christen 2004, с. 82–83]) приводит к изменению характера диглоссии и, в целом, к новой языковой ситуации в немецкоязычной Швейцарии. *Медиа́льная* диглоссия уступает место *ситуативной* (концептуальной) диглоссии, при которой выбор между диалектной и стандартной языковой разновидностью определяется не устным или письменным модусом, а разграничением между институциональной и приватной ситуациями общения [Frick, Rausch 2014, с. 36].

Изменение характера диглоссии наблюдается, в первую очередь, в коммуникации молодежи, поскольку письменная «цифровая повседневная коммуникация» в формате беседы на диалекте больше распространена среди людей, выросших в эпоху компьютеров и мобильных телефонов. Ввиду того, что частная переписка с помощью мессенджеров выходит сегодня на первые позиции в коммуникации молодежи во всем мире, способы и средства выражения, характерные для устного общения, естественным образом переносятся в письменную сферу.

В немецкоязычной Швейцарии молодые коммуниканты используют в качестве своего письменного разговорного языка, т. е. в функции *Umgangssprache*, тот диалект, на котором говорят. Письменно оформленный диалект является единственной аутентичной формой при переписке с друзьями и одноклассниками. По признанию 18-летнего швейцарского школьника и поэта Макса Кауфманна, которым он поделился с информационным порталом blue News, чат его класса – это великий «языковой хаос» («Sein Klassen-Chat sei ein grosses “Sprachen-Chaos”»), в котором родной диалект все больше смешивается с английским языком, а иногда к ним добавляется еще и французский язык [Morawitz 2014].

Особенные формы цифровой (дигитальной) письменной коммуникации, при которой молодежь использует письменно оформленный диалект («*verschriftete Mundart*»), получили среди швейцарских лингвистов наименование *Digilekt* (см. [Dialekt als Digilekt]). Полушутливое использование данного термина отражает тот факт, что непринужденное общение на диалекте в письменной форме представляет собой своего рода игру, ставшую для молодых людей частью повседневной

жизни в цифровой коммуникации и в социальных сетях и служащую для проявления, с одной стороны, индивидуальной креативности, а с другой – групповой идентичности.

Английский язык как средство «отчуждения» в молодежной коммуникации

Одним из важнейших ресурсов, реализующих прототипическую для молодежного языка стратегию отчуждения, т. е. стремление «говорить чужим голосом», является английский язык, который оценивается молодыми германо-швейцарцами как определенный «фактор крутизны» («Coolnessfaktor») [Balmer 2014, с. 6]. Однако приёмы игры, или бриколажа с английским и другими «чужими» языками имеют в немецкоязычной Швейцарии отличительную особенность: они осуществляются по принципу переключения кода (Code-Switching) не между немецким стандартом и другим языком, а между родным диалектом (*Muttersprache*) и «чужим» языком (*Fremdsprache*).

Причины открытости молодых германо-швейцарцев к иностранным языкам вообще и к английскому языку особенно лежат, прежде всего, в их нежелании использовать стандартный немецкий с его нормированностью и официальностью. Они предпочитают сочетание не связанного нормами диалекта с английским языком и стремятся максимально адаптировать английские языковые средства к устной и письменной диалектной коммуникации. Характерное для швейцарской молодежи более свободное обращение с английскими языковыми средствами образует благоприятный социокультурный контекст для развития гибридизации диалектов и английского языка.

Направления языковой гибридизации

Среди признаков гибридизации, которые обнаруживаются в повседневной цифровой коммуникации германо-швейцарцев, можно выделить явления естественные и спонтанные, обусловленные постоянным контактом с английским языком и не являющиеся специфическими для молодежной коммуникации, и намеренные, отражающие стремление к креативной языковой игре, что характерно именно для языка молодежи и выполняет в письменной коммуникации

определенные функции. Согласно оценкам исследователей, молодые коммуниканты чаще прибегают к переключению кода и смешивают языки, преимущественно диалект и английский язык: чем моложе участник переписки, тем больше английских элементов и включений он использует [Bucher 2016, с. 305].

Анализ сообщений SMS и WhatsApp, представленных в корпусах, созданных швейцарскими лингвистами в рамках исследовательских проектов «Swiss SMS Corpus» и «What’s up, Switzerland?», позволил выделить следующие основные направления языковой гибридации: 1) уподобление элементов других языков диалекту, которое реализуется как «диалектизация» англицизмов; 2) включение элементов других языков в диалектное высказывание, ведущее к «скрещиванию» иноязычных языковых средств с диалектными; 3) уподобление швейцарско-немецкой диалектной лексики английской орфографии («англизация» диалектизмов).

1. «Диалектизация» англицизмов

Вследствие активной интеграции английских заимствований в диалогическую письменную речь происходит их адаптация к диалектным условиям и особенностям.

На графико-орфографическом уровне можно обнаружить упрощенное псевдофонетическое написание английских слов, например: *worke*, *wörkn*, *kuul*, *isi*, или целых фраз: *wanna see* вместо *I want to see*.

Примером отражения в письменной форме особенностей диалектного произношения может служить написание английского глагола *to phone*:

- (1) *Häsch noher zii zum **phona** odr häsch kai luscht?* (I, ID: 9007)¹ («Hast nachher Zeit zum *Telefonieren* oder hast keine Lust?»).

При использовании (псевдо-)фонетического написания англицизмов можно предположить желание молодых людей избежать

¹Фрагменты сообщений SMS и WhatsApp отобраны по материалам корпусов и приводятся с указанием в скобках номера корпуса и идентификационного номера сообщения. Корпус I – «Swiss SMS Corpus» (<http://www.sms4science.ch>, дата обращения: 18.11.2020), корпус II – «What’s up, Switzerland?» (<https://www.whatsup-switzerland.ch/index.php/de/>, дата обращения 15.02.2021). В скобках дается также перевод на немецкий стандарт.

риска орфографических ошибок (*chillä, kul* или *kuul, hipschter, singel, lapitor*). С другой стороны, в таком оформлении можно усмотреть умелое использование языка, сознательное нарушение письменных норм, т. е. элементы характерной для молодежи игры с орфографией, которая в конечном итоге может способствовать не только гибридации. Как отмечают К. Дюршайд и Ю. Шпицмюллер, свобода в написании и в целом непринужденное обращение молодых людей с заимствованиями может способствовать не «отчуждению», а «рас-чуждению» («Ent-Fremdung»), т. е. их «вживанию» в молодежную коммуникацию [Dürscheid, Spitzmüller 2006, с. 33].

Игра с орфографией указывает также на металингвистическую осведомленность молодых коммуникантов. Новаторские способы написания английских слов позволяют им демонстрировать определенную письменную компетенцию, которая отличает их как «продвинутых» пользователей цифровыми каналами связи.

В (2) обнаруживается, с одной стороны, фонетическая ассимиляция: английский <з:> в соответствии с диалектными фонетическими законами транскрибируется как <ö>. С другой – английский глагол *to work* оформлен с диалектным окончанием *-e*, что свидетельствует о сочетании его фонетической интеграции с морфологической.

- (2) *Lerne i de zimmerstund (jetzt) und am halbi 6 i wiedr go wörke* (I, ID: 6676) ('Lerne in der Zimmerstunde und um halb 6 wieder gehe arbeiten').

Аналогичный результат морфологической ассимиляции англицизмов в диалект наблюдается в использовании флексии в английских глаголах *calln, beachä, sleepe, geloudet*.

В примере (3) глагол *gfeeläd* обнаруживает признаки адаптации к швейцарскому диалекту и, как следствие, гибридации: английский глагол *to feel* оформлен с помощью причастного префикса *g(e)-* и швейцарского диалектного суффикса *-äd*, соответствующего немецкому *-t*.

- (3) *Ou nei. Ja free gfeeläd* heti mich scho, aber *free* gsi bini leidr nöd : ([...]) (I, ID: 9071) ('Oh nein. Ja frei gefühlt hätte ich mich schon, aber frei gewesen bin ich leider nicht' : ([...])).

В примере (4) глагол *to pick* морфологически интегрирован в диалектный текст с участием суффикса *-sch* (2-е л., ед. ч.).

- (4) [...] *Ok chume au. Wo **pick sch** mi uf?* [...] (I, ID:17863) ([...]‘Ok komme auch. Wo lädst (du) mich auf?’ [...]).

Необходимо отметить, что морфологическая ассимиляция в выявленных примерах сочетается с высокой степенью синтаксической интеграции. Глаголы английского происхождения всегда занимают в предложении синтаксически правильную позицию и организуют глагольную группу.

К проявлениям диалектизации заимствований из английского языка в цифровой молодежной коммуникации на более высоком системном уровне можно отнести разнообразные слова-гибриды, то есть словообразовательные структуры, образованные на основе механизмов словосложения и словопроизводства в результате соединения английских и диалектных элементов: *lachflash*, *icebütel*, *nöd-date*, *umebitche*, *lärn-flow*:

- (5) [...] *jöö du bisch so herzig va mit em **subwaychäpli*** (II, ID: 487690) (‘Ja, du bist so niedlich mit einer U-Bahnmütze’).

В примере (6) слово *Sisterli* является результатом словообразовательной ассимиляции англицизма *Sister* в диалект на основе присоединения швейцарского суффикса *-li*, который соответствует немецкому уменьшительному суффиксу *-chen*.

- (6) *Hoi **Sisterli**, da mitem usgang verschiebemer, ok ?* [...] (I, ID: 2354) (‘Hallo Schwesterchen, das mit dem Ausgehen verschieben wir, ok?’ [...]).

Весьма распространено в молодежной переписке прилагательное *chillig*, образованное от английского корня *chill* с помощью суффикса *-ig*:

- (7) *Morn abig go eße und denn **chillig** paar go trinke???* (II, ID: 463898) (‘Morgen Abend gehen wir essen und dann gemütlich (ein) paar trinken???’).

Специфически швейцарский диалектный уменьшительный суффикс *-i* обнаруживается в усеченной форме от английского существительного *computer* в следующем примере:

- (8) *Scho guet. Und jetzt funktioniert min **compi** au grad num* (II, ID: 489803) (‘Schon gut. Und jetzt funktioniert mein Computer auch gerade nicht mehr’).

2. «Скрещивание» иноязычных языковых средств с диалектными

В соответствии со стратегией отчуждения английские слова, словосочетания и даже целые фразы включаются в диалектную письменную речь по принципу цитирования или «скрещивания» («crossing»). Тем самым молодые коммуниканты сигнализируют свою англоязычную компетенцию и соответствующий статус, а также во многих случаях – принадлежность к определенной субкультуре (рэперов, хипстеров, геймеров и т. д.). Такое кроссирование приводит к гибридизации на уровне словосочетания и предложения.

Обращает на себя внимание частое включение английских вопросительных слов в диалектно оформленные высказывания.

- (9) [...] *Why hesch aglüte? Gang jetzt is bett. Ida* (I, ID: 19216) [...] ‘Warum hast angerufen? (Ich) Gehe jetzt ins Bett’. Ida).

Очень распространено использование английских слов и формул благодарности, извинения, приветствия, часто в сокращенной форме: *scusi, ready, thx*: *Scusi fü di spat antwort; thx fü die harmant iladig; ready für hüd abed; Sorry wege dem.*

Для значительного числа письменных диалогов характерно включение целых словосочетаний в диалектные реплики:

- (10) *But dont tell me now welle de richtig isch* (II, ID: 490364) (‘Aber sag mir jetzt nicht welcher der richtige ist’).

3. «Англизация» диалектизмов

Особенным явлением, противоположным по своей направленности «диалектизации» англицизмов, можно считать «англизацию» диалектной лексики в результате использования английских буквосочетаний вместо более длинных немецких, например, *sh* вместо *sch*: *shribe* вместо *schribe*; *selsh* вместо *selsch / sölsch*; *ish, tshuldigung, shomal, shmer, shatz, shadz(i), shad, rash*. При таком написании диалектные слова приобретают английский оттенок, то есть «англизируются».

Влияние английского языка на орфографию диалектных слов проявляется также в частом написании <z> вместо <s> или <ts> (ср. *wie gatz?*); <ß> или <ss>:

Biz, schazzii, bazzii, kuz, gruuz, Gruzzrl; <dz> вместо <tz>: *shadz*; повтор <z>: *spatzzz*; <x> вместо <s> (ср. *glungnigx* вместо *glungnigs*); <y> вместо <i>: *kussyy, kuffy, sexy* [Dürscheid et al. 2010; Stähli et al. 2011, S. 14; Bucher 2016, S. 129].

Функции языковой гибридации в письменной коммуникации молодежи

С функциональной точки зрения, гибридация языковых средств в молодежной коммуникации в немецкоязычной Швейцарии обеспечивает реализацию основных стратегий, которые имеют для молодежного языка прототипический характер. Многие молодые люди используют разнообразные лингвистические и культурные ресурсы, в том числе игривое смешение диалекта и английского языка, чтобы позиционировать себя социально, что позволяет рассматривать языковую гибридацию в письменной диалогической речи как инструмент социализации личности, т. е. как естественный и даже необходимый процесс, способствующий формированию индивидуальной и социальной идентичности молодых коммуникантов, а также обеспечивающий достижение основных целей межличностной коммуникации.

Креативное обращение с иностранными языками также сигнализирует о творческих способностях молодых людей и их умелом владении языковыми средствами, различными стилями и регистрами для создания своего собственного языкового стиля. Используя английский язык и играя с языковыми барьерами, молодые пользователи демонстрируют свою разносторонность и открытость всему миру.

С прагматической точки зрения, языковая гибридация выполняет, в первую очередь, фатическую – контактоустанавливающую – функцию. Смешение языков используется для поддержания социального контакта, например в прощаниях и приветствиях, поздравлениях и пожеланиях, обещаниях и приглашениях, выражении благодарности и извинений.

Приёмы языковой гибридации служат также для обмена информацией, т. е. выполняют определенную коммуникативную функцию и позволяют концентрировать внимание на конкретном высказывании или его частях и тем самым обеспечивают периферийную организацию дискурса.

Особую роль играют включения из английского и других языков для экспрессивного выражения эмоций. В этой функции они составляют достойную конкуренцию эмотиконам, а нередко и сочетаются с ними.

- (11) aaah!! hihi das fröit mi aber sehr!! *mega cool* 😊 (II, ID: 295698)
(‘Aaah!! Hihi das freut mich aber sehr! mega cool’).

Заключение

В письменных практиках молодежной коммуникации в Швейцарии обнаруживаются приёмы, а также арсенал языковых средств, которые позволяют говорить о том, что именно в этой сфере наиболее ярко проявляются особенности молодежного языка, обусловленные своеобразием социокультурного контекста.

К основным ресурсам, которые участвуют в процессах языковой гибридизации, обеспечивая реализацию необходимых в устной и письменной коммуникации германо-швейцарской молодежи стратегий, можно отнести не только английский язык, но и романские языки – французский и итальянский. Однако наиболее характерные особенности молодежного языка в немецкоязычной Швейцарии, несомненно, обусловлены влиянием английского языка на диалектную коммуникацию и появлением гибридных диалектно-английских средств выражения в результате постоянного переключения кода и использования приёмов языковой игры.

Как показал анализ, проявления гибридизации германо-швейцарских диалектов и иностранных языков в практиках письменной молодежной коммуникации имеют тройственную природу. Во-первых, они соответствуют приёмам, которые используются в так называемом прототипическом молодежном языке для реализации универсальных стратегий коммуникации молодежи. Во-вторых, они обусловлены ситуацией многоязычия в Швейцарии и диглоссии в ее немецкоязычной части. В-третьих, они отражают в письменном формате характерное для устного общения молодежи данного региона использование «чужих» выразительных средств по принципу переключения кода (Code-Switching). В своей совокупности эти факторы обусловлены особенностями ментальности молодых германо-швейцарцев, а также своеобразием языкового и социокультурного контекста, в котором осуществляется их коммуникация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Androusoopoulos J.* Jugendsprachen als kommunikative soziale Stile: Schnittstellen zwischen Mannheimer Soziostilistik und Jugendsprachenforschung Deutsche Sprache // Zeitschrift für Theorie, Praxis und Dokumentation. 2006. Nr. 1–2. S. 106–121. URL: <https://www.dsdigital.de/DS.01.2006.106> (accessed: 20.02.2021).
- Balmer S.* Editorial // Shriebe und Schwetze im Dialekt. Die Sprachsituation in der heutigen Deutschschweiz: Verein Schweizerischer Deutschlehrerinnen und Deutschlehrer. Deutschblätter. 2014. Nr. 66. S. 5–9.
- Bucher C.* SMS-User als »glocal Player«. Formale und funktionale Eigenschaften von Codeswitching in SMS-Kommunikation // Networx. 2016. Nr. 73. URL: <http://www.mediensprache.net/networx/networx-73.pdf> (accessed: 15.02.2021).
- Cathomas C., Ferretti N., Bucher C., Morel T.* Same same but different: Code-Switching in Schweizer SMS – ein Vergleich zwischen vier Sprachen // Traux neuchâtelois de linguistique. 2015. Vol. 63. S. 171–189.
- Christen H.* Dialekt-Schreiben oder sorry ech hassä Text schribä // Alemannisch im Sprachvergleich. Beiträge zur 14. Arbeitstagung für alemannische Dialektologie in Männedorf (Zürich) vom 16.–18.9.2002. Stuttgart, 2004 / Hrsg. E. Glaser, P. Ott, R. Schwarzenbach. S. 71–85.
- Dialekt als Digilekt – Mundartschreibung im Internet. URL: <https://www.srf.ch/audio/schnabelweid/dialekt-als-digilekt-mundartschreibung-im-internet?id=11477329> (accessed: 30.11.2020).
- Dürscheid Chr., Spitzmüller J.* Jugendlicher Sprachgebrauch in der Deutschschweiz: eine Zwischenbilanz // Chr. Dürscheid, J. Spitzmüller. Zur Sprache der Jugend in der Deutschschweiz. / Hg. Chr. Dürscheid, J. Spitzmüller (Hg.). Zürich: Verlag Neue Zürcher Zeitung, 2006. S. 13–47.
- Dürscheid Chr., Wagner F., Brommer B.* Wie Jugendliche schreiben. Schreibkompetenz und neue Medien. Berlin/New York: Walter De Gruyter 2010.
- Frick K., Rauch P.* Schweizer SMS in Forschung und Unterricht // Shriebe und Schwetze im Dialekt. Die Sprachsituation in der heutigen Deutschschweiz: Verein Schweizerischer Deutschlehrerinnen und Deutschlehrer. Deutschblätter. Nr. 66, 2014. S. 35–44.
- Morawitz N.* «Yasss!!! OMG, zu hyped» – sprechen Sie «Digilekt»? In: blue News, 26.2.2019. URL: <https://www.bluewin.ch/de/leben/yasss-omg-zu-hyped-sprechen-sie-digilekt--217441.html> (accessed: 12.02.2021).
- Sprachen und Religionen // Bundesamt für Statistik. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/de/home/statistiken/bevoelkerung/sprachen-religionen.html> (accessed: 22.02.2021).
- Stähli A., Dürscheid Chr., Béguelin M.-J.* sms4science: Korpusdaten, Literaturüberblick und Forschungsfragen // Linguistik Online. 2011. Vol. 48(4).

S. 3–18. URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/330/494> (accessed: 18.01.2021).

Swiss SMS Corpus. URL: <http://www.sms4science.ch> (accessed: 18.11.2020).

What's up, Switzerland? URL: <https://www.whatsup-switzerland.ch/index.php/de/> (accessed: 20.02.2021).

О. С. Костарнова

старший преподаватель кафедры романских языков
Дипломатической академии МИД России;
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
o.potopalskaya@gmail.com

**ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЫТОВОЙ СКАЗКИ
(на материале современных русских, английских и итальянских сказок)**

В статье рассматриваются лингвистические особенности современных бытовых сказок на примере русского, английского и итальянского языков. Высказывается предположение, что несмотря на языковое многообразие, современные сказки содержат общие ярко выраженные характеристики. Особое внимание уделено вербализации данных признаков в культурно-исторических условиях разных языковых сообществ. Отмечается элиминирование гендерного фактора в сказках на английском языке, в то время как в итальянской и русской лингвокультурах сохраняется традиционное распределение гендерных ролей.

Ключевые слова: интертекстуальность; номадизм; гендер; стереотипы; бытовая сказка; патриархальное общество.

O. S. Kostarnova

Senior Lecturer, Department of Romance Languages,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs;
PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University
o.potopalskaya@gmail.com

**GENRE CHARACTERISTICS OF A DOMESTIC TALE
(based on modern Russian, English and Italian domestic tales)**

The article focuses on the linguistic features of modern domestic tales based on the Russian, English and Italian languages. The author suggests that, despite the linguistic diversity, modern domestic tales contain common characteristics. Particular attention is paid to the verbalization of these features in the cultural and historical conditions of different linguistic communities. Elimination of the gender factor is noted in English tales, while Italian and Russian linguocultures preserve the traditional distribution of gender roles.

Key words: intertextuality; nomadism; gender; stereotypes; modern domestic tale; patriarchal society.

Введение

Жанровые классификации сказок, предложенные учеными различных направлений и отражающие различные научные интересы авторов, включают описание событий, героев, погруженных в них, а также наиболее типичные для жанра сказки сюжеты и мотивы. Анализ классификаций, а также наименований типов сказок свидетельствует о том, что жанр бытовой сказки присутствует в большинстве классификаций с учетом вариаций ее названий: бытовая, социально-бытовая, житейская, новеллистическая, авантюрно-новеллистическая, семейно-бытовая, романическая [Афанасьев 1985; Пропп 1984; Aarne, Thompson 1973; Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка 1979; Костюхин 2008] и др. Традиционно сказки бытового содержания характеризуются тесной связью с повседневной жизнью, бытовой культурой и отличаются реалистичным сюжетом. Так, В. Я. Пропп отмечает, что «новеллистические сказки содержат большое количество бытовых элементов, метко схваченных наблюдений, жизненных деталей» [Пропп 2000, с. 288].

В ходе анализа эмпирического материала мы установили, что несмотря на языковое многообразие современные бытовые сказки характеризуются наличием следующих общих элементов: интертекстуальностью, гендерной спецификой, номадизмом. Далее остановимся на каждом из перечисленных элементов.

Феномен интертекстуальности в бытовых сказках

Явление интертекстуальности обусловлено динамичностью системы современной культуры, в основе которой лежит непрерывное взаимодействие различных культурных сообществ, обладающих своими ценностными ориентациями. В современной предметно-специальной литературе существует несколько подходов к феномену интертекстуальности. Так, например, данные подходы Г. В. Денисова условно делит на три типа: 1) параграмматический, в основе которого лежит один из типов анаграмм – параграмма, «описывающая выработку речи текста и указывающая, что каждый элемент функционирует как движущаяся «грамма», которая скорее порождает, нежели выражает смысл» [Денисова 2020, с. 29]); 2) диалогический; 3) эволюционный. Рассмотрим далее проявление каждого типа в современных бытовых сказках.

Иллюстрацией **параграмматических** связей в анализируемом нами материале служат ценности, значимые для представителей конкретного этносоциума. Напомним, что «ценности – высшие ориентиры поведения – являются, как известно, концентратом культуры. В рамках аксиологической лингвистики выделяются три основных подхода к изучению и описанию ценностей: 1) моделирование лингвокультурных концептов, одним из компонентов которых является ценностное содержание; 2) моделирование оценки в содержании слов и фразеологических оборотов; 3) моделирование дискурсивных образований с маркированным оценочным содержанием» [Карасик 2015, с. 25–26].

Вышеприведенное описание позволяет определить ценностные ориентации, а также способы их вербализации в исследуемых нами сказках. Например, в современной русской сказке «Девочка Ньюша и самый главный герой» автор упоминает праздник Первомай, смысл которого пока непонятен главной героине, однако этот день вызывает у нее приятные ассоциации, связанные с приближением лета.

А тут подоспели столь любимые всеми Майские Праздники! Шумно и весело прошел по двору Первомай, – праздник не очень понятный, но радостный: первый день самого весеннего из весенних месяцев, когда вот-вот уже настанет распрекрасное лето, с теплыню, купанием, каникулами!

Из примера следует, что главная героиня радуется природе, испытывает предвкушение от предстоящего праздника, хотя историческое содержание его ей неизвестно. Приятные ассоциации вербализованы при помощи положительно окрашенной лексики: *любимый, весенний, распрекрасный, теплынь, каникулы и др.* Такое обилие позитивно окрашенных лексем порождает эмоцию радости и способствует возникновению у читательской аудитории хорошего настроения. В итальянской сказке установлены случаи отсылок к известным в Италии телепередачам, помогающим найти близких людей тем, кто отчаялся отыскать родственников самостоятельно. Так, главная героиня в сказке «Il Nano Ninja» обращается в итальянскую телепередачу «C'è posta per te» (аналог российской телепередачи «Жди меня») в попытке найти родную душу, восстановить семейные связи. *Lattina andò a “C'è posta per te” con la speranza di poter rintracciare la sua famiglia.*

«Латтина отправился на передачу «С'è posta per te» в надежде найти свою семью» (перевод авт. – О. К.). Так, наиболее ярко в итальянских и русских сказках представлен основной актуальный признак ценности, где подчеркивается его современная трактовка, а историческое происхождение и первоначальное наполнение представлено слабо. Подобное проявление культурных ценностей в анализируемых сказках связано с эмоциональной составляющей аксиологических систем, которые содержатся в их актуальном компоненте. Как утверждает В. И. Шаховский, «эмоции данной языковой общности социологизированы и психологизированы, т. е. обобщены видовым национальным опытом данного народа, поэтому они не только являются формой оценивания среды обитания того или иного языка, но и составляют значительный фрагмент этой среды обитания и картины мира» [Шаховский 2008, с. 5]. Иными словами, эмоции провоцируют реакцию, положительную или отрицательную ассоциацию без опоры на глубинное значение культурных ценностей.

Интертекстуальные связи параграмматического характера присутствуют в анализируемом нами материале, где параграмма выступает как стимул, призванный породить определенную реакцию на прочитанное: принятие или неприятие героя, согласие или несогласие с ценностной системой, понимание или отрицание поступков героев. Примечательно, что в современных исследуемых нами сказках разных народов, написанных на разных языках, одобрение ценностей и отторжение поступков героев происходит на одних и тех же основаниях. Традиционно в героях ценятся ум, доброта, отзывчивость, любовь, храбрость, в то время как коварство, обман, зависть, злоба вызывают неодобрение и осуждение.

Под **диалогическим** подходом к изучению интертекстуальности понимаются исследования, восходящие к теории диалога М.М. Бахтина, такие, как работы Р. Барта, Ю. М. Лотмана, а также Ю. Кристевой. Напомним, что, по мнению М.М. Бахтина, диалогичность существует не только внутри одного текста, но и между текстами. При описании диалектики бытия литературы ученый подчеркивал, что кроме данной действительности, автор имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге». Рассмотрим следующие примеры: в русской сказке «Возьми меня с собой» главная героиня отправляется к озеру

как к месту уединения и спокойствия. Озеро представляется ей местом мистическим, о котором ходят странные слухи.

Побежала с горя девочка к голубому озеру. Решила она посидеть у воды, унять тоску-печаль. А надо сказать, с давних пор поговаривали в народе, что озеро то волшебное было, и всякие странные случаи там приключались. Толком никто не знал какие, но слухи нехорошие ходили, и поодиночке туда захаживать люди побаивались.

Как известно, с водой в отечественных произведениях связано много необычного и загадочного, например, в сказках А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», «Сказке о царе Салтане», в народной сказке «Морской царь и Василиса Премудрая».

В рамках описанных выше подходов интертекстуальность понимается в широком смысле слова, где «смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Смирнов 1995, с. 11]. Так, интертекстуальность – это фактор своеобразного коллективного бессознательного, который неосознанно для автора предопределяет его деятельность независимо от его желания.

В основе **эволюционного** подхода лежат теории Ю. Н. Тынянова, Я. Мукаржовского и Ж. Женетт. «По теории Ю. Тынянова, интертекст формируется в пародии, которая выступает как двуплановый текст, вбирающий в себя трансформированный текст (предшественник) со смещенной смысловой стороной» [Безруков 2005, с. 17]. В рамках подобного подхода феномен интертекстуальности рассматривается в узком смысле – как литературный прием, намеренно используемый автором.

На наш взгляд, эволюционный подход к интертекстуальности применительно к сказочному материалу широко используется современными авторами для «осовременивания» классических произведений, в частности сказок, где основной задачей писателя является адаптация реалий, а также межличностных отношений к актуальным для современного общества тенденциям развития. Так, например, в современной сказке о Красной Шапочке реалии современного мира вписаны в традиционную канву сказочного повествования:

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была девочка. Звали ее Красная Шапочка. И была у нее бабушка. Жили они не тужили. В общем, хорошо жили, потому что в этом царстве все жили хорошо и одинаково. Но потом стали жить хуже. А всё потому, что завелся в этом царстве страшный-престрашный зверь под названием инфляция. Раньше эта инфляция жила далеко-далеко, за лесами и болотами, в загнивающих странах. <...> А питалась эта нечисть заморская не «вискасом» и не «сникерсами», а зарплатами и пенсиями, которые выдавались вовремя и без задержек.

Подобные современные вставки в сказочном контексте провоцируют объединение двух известных читателю и прежде непересекающихся между собой миров, чем вызывают комический эффект. Подобный прием достигается с помощью эволюционного подхода к интертекстуальности.

Феномен номадизма в бытовых сказках

В интертекстуальности проявляется определенный репертуар мотивов, кочующих из одной сказки в другую и присутствующих во всех сказках. Мы считаем возможным обратиться в данном случае к термину «номадизм».

Термин «номадизм» и его ризомная структура нашли в современной науке широкое применение. Понятие «ризомы» (*фр.* rhizome – «корневище, клубень, луковица, грибница») впервые было применено в рамках гуманитарных наук в совместной работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Rhizome» в 1976 г. и стало одним из ключевых понятий философии постмодерна. Ученые описывают ризому как нелинейный способ организации целостности, противопоставляя его ограниченным и лишенным динамики линейным структурам. «В ризоме нет точек или позиций, которые мы находим в структуре, дереве или корне. Есть только линии» [Делез 2010, с. 14]. Однако данный термин давно вышел за рамки философии и филологии и широко употребляется современными специалистами в области цифровых наук, экономики, методики преподавания и других наук. Сетевая структура ризомы, не имеющая единого центра, позволяет говорить о горизонтальном и летучем характере распространения предметов и явлений, в том числе культурных смыслов, идей, а также о возможном взаимодействии этих явлений с другими звеньями того же порядка: «Идеал оригинального авторского

произведения сменяется идеалом конструкции как стереофонического коллажа явных и скрытых цитат, каждая из которых отсылает к различным и разнообразным сферам культурных смыслов, каждая из которых выражена в своем языке, требующем особой процедуры 'узнавания', и каждая из которых может вступить с любой другой в отношения диалога или пародии, формируя внутри текста новые квазитексты и квазичитаты» [Новейший философский словарь 1999, с. 829].

В современных гуманитарных науках понятие ризомы находится в тесной взаимосвязи с понятием номадизма, который трактуется, в том числе, как трансфер культуры, а также как феномен, лежащий в основе бродячих, или номадических, сюжетов. «...Номадизм стирает национальные отличия, доминирование традиционных конфессий упраздняет эзотерические учения и культы» [Шляков 2015]. В основе понятия номадизма лежит непрерывное движение, подобно кочевникам-номадам, которые перемещаются по степи и переносят свои дома, ценности и жизненный уклад, двигаясь по горизонтали без привязки к конкретному месту. Так и сюжеты, отличающиеся номадическим характером, распространяются безгранично и безостановочно, не утрачивая при этом своих базовых ценностей и таким образом распространяя их на пути своего следования.

Номадизм в современных сказках обеспечивает устойчивость жанра к изменениям в условиях глобализации мира. Несмотря на трансформацию общества и влияние новых тенденций сказка продолжает выполнять свою главную функцию – функцию воспитания, образования, усвоения общечеловеческих ценностей. Номадизм способствует гармонизации взглядов на важные для любого общества понятия – такие, как справедливость, доброта, поддержка, забота и др.

Гендерный фактор в бытовой сказке

Другой важной особенностью современных бытовых сказок является их гендерная маркированность. В русских сказках гендерный фактор является важной составляющей произведения. Традиционно в начале сказки происходит описание главных героев, их семьи, а также рода деятельности членов семьи. Социальные роли в подобных сказках распределены по-разному. Папа традиционно является главой семьи и обеспечивает семью; мама, как и в современном обществе,

совмещает домашние дела и часто работу. Так, в «Сказке о девочке Олюшке и о мудрой бабушке Хаски» семья изображена следующим образом:

Однажды, давным-давно, или совсем недавно в одной далекой сибирской деревушке жила семья. Папа, мама, сынок и дочка. Папа работал трактористом на ферме, мама носила по деревне почту.

Подобное описание вызывает у читателя исключительно положительные эмоции, и в сознании рисуется модель идеальной семьи. При описании детей автор распределяет гендерные роли исключительно традиционно:

Сидят они на крыльце: Юра солдатиками играет, а Оля – куколкой.

Анализ примеров свидетельствует о том, что положительные эмоции формируются посредством употребления ряда положительно окрашенной лексики: *дружная семья, помогать, деревушка, солдатик, куколка*. Для нас это имеет методологическое значение: значит, и гендерное представление может быть сформировано тем же способом – частой повторяемостью гендерно маркированных элементов. Наш эмпирический материал демонстрирует, что в контекстах исследуемых сказок такие ряды присутствуют, например, *девочка, глаза девушки наполнились слезами, малышка, бедняжка*. Подобные слова формируют представление о слабом существе, нуждающемся в защите. *Сестричка* – проявление нежности по отношению к хрупкому, слабому лицу. *Мальчишка* вызывает ассоциацию смелого, активного юноши.

Таким образом, в современных русских бытовых сказках доминирует традиционное распределение гендерных ролей, а именно – патриархатное. В английских сказках гендерный фактор представлен более слабо, прослеживается тенденция к нейтрализации гендерных ролей за счет искусственного конструирования гендера – обращения к обобщенным понятиям, таким как *родители*, вместо *мама и папа; дети*, вместо *сын и дочь; друзья, ребенок*, вместо *мальчик и девочка*.

On Saturday, as every other day, Ava went to the playground and was waiting for her friends to come. Every day Ava and her friends were gathering in the playground and were deciding what to play. Every child had their responsibility in the little gatherings of theirs.

В результате нашего анализа выявлено, что для русских и итальянских сказок характерно традиционное распределение социальных ролей в обществе, в то время как в английских сказках гендерный фактор нейтрализуется. Нейтрализация осуществляется за счет обращения к профессии, должности, статусу и искусственному конструированию гендера – использованию обобщенных понятий.

На современном этапе развития гендерной лингвистики спорным и дискутируемым является вопрос о сильных и слабых текстах. Понятия сильных и слабых текстов и интертекстов встречаются в работах ряда ученых, таких как Р. Барт, Н. А. Фатеева, Н. А. Кузьмина, М. Б. Ямпольский, Г. В. Денисова. По мнению М. Б. Ямпольского, вокруг «сильных» текстов «разворачивается истинный процесс художественной эволюции» [Ямпольский 1993, с. 136]. Авторы подобных текстов избегают цитирования, но часто бывают цитированы авторами «слабых» текстов. Так, например, в работе Г. В. Денисовой интертексты, получившие «статус значимых в определенный исторический момент вне зависимости от эстетического качества» [Денисова 2020, с. 103], причислены к «устойчивому ядру» интертекстуальной энциклопедии, т. е. к разряду «сильных» интертекстов, а интертексты, представляющие собой «моментальные снимки ассоциативно-языкового сознания, актуализация которых ограничена временными рамками и связана с социальными факторами» [Денисова 2020, с. 103], автор относит к «динамическому пласту», т. е. к разряду «слабых».

Применительно к исследуемому материалу, мы полагаем, что современные сказки относятся к динамическому пласту литературы, так как представляют собой тексты, отражающие реалии современности. Подобные тексты актуальны благодаря затрагиваемым темам, отвечающим запросам современного общества. Однако мы считаем непродуктивным относить современные сказки к слабым текстам, так как они строятся на сильном феномене гендера, который вербализируется во всех сказках и имеет разное проявление. Многогранность и подвижность средств конструирования гендера позволяет предположить, что гендер в современных сказках выступает как сильный и в то же время динамичный конструкт.

Musa met a beautiful woman, who was as kind as he was. He married her and they had a family. Musa and his family lived freely and happily ever after (*Musa's Journey*). – «Муса встретил красивую женщину, такую же

добрую, как и он. Он женился на ней, и у них была семья. Муса и его семья жили свободно, долго и счастливо» (*Путешествие Мусы*)¹.

Обрадовались муж и дети ее возвращению. И пошли ужинать. А баба вспомнила про подарок медведя и достала кузовок – покрутила, попросила. И видят дети, что на столе стоит самовар с ароматом чабреца и мяты, сковорода белых грибов, чашка спелой малины, мед в туюске, и зажили они счастливо и весело (*Баба и медведь*).

Tornati a casa, ripresero la vita di sempre: i genitori tornarono a lavoro, i bambini andavano a scuola e trascorrevano i pomeriggi a casa dei nonni (*Mi racconti una storia?*). – «Оказавшись дома, они вернулись к своей обычной жизни: родители пошли на работу, дети пошли в школу, а после обеда проводили время в доме бабушек и дедушек» (*Расскажешь мне историю?*).

Как видно из примеров, гендерный фактор проявляется в сказках на русском, итальянском и английском языках, это осуществляется с помощью конструирования бинарных оппозиций «муж – жена», «дети – бабушки и дедушки», трансляции ценностных систем и традиционного распределения гендерных ролей.

Применительно к нашему эмпирическому материалу сильными текстами являются сакральные, религиозные, народные, волшебные сказки, в которых зафиксированы гендерные стереотипы, отражено традиционное распределение социальных ролей. Вся современная сказка построена на сильном тексте на гендерной основе, но гендер настолько подвижен и легко конструируем, что он способен обеспечить как стабильность, так и динамику этих текстов.

К сильной основе современных сказок можно отнести их связь с прецедентными текстами и ситуациями, формирующими их смысл. Напомним, что прецедентные тексты традиционно трактуются как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987, с. 216].

¹ Зд. и далее перевод наш. – О. К.

Пожалела она медведя вытащила колючку, сняла с головы платок, да перевязала больное место, тогда медведь молвит: «Спасибо, милая, отблагодарю тебя за доброту». Подвел ее медведь к березе, пошептал и достал из-под березы волшебный кузовок и передал его своей спасительнице со словами: «Как захочешь отведать сибирских даров, ягод, грибов, орехов кедровых или чай испить из трав целебных – чабреца, иван-чая, мяты, ромашки, – покрути кузовок три раза и попроси кузовок, кузовок, дай мне вкусный грибок, чайный листок, лесной медок, ягод и орешек без всяких помешек». Взяла женщина волшебный кузовок и побрела в деревню домой» (*Баба и медведь*).

Таким образом, изученный нами материал свидетельствует о том, что гендер присутствует в русских, английских и итальянских сказках и имеет разное проявление. Гендерный фактор вербализуется с помощью отсылки к номадическим сюжетам, которые преодолевают пространственно-временные границы и проявляются в текстах разных культур, но транслируют общие ценности и традиции распределения гендерных ролей. Однако, вне зависимости от средства вербализации, гендер выступает в качестве стабильного и в то же время динамичного элемента структуры сказки. Стабильность таких текстов достигается с помощью гендерных кочующих мотивов, в то время как легкость конструирования обеспечивает его динамику. Таким образом, гендер можно считать константой современной бытовой сказки, транслирующей преемственность традиций, а также намерение к сохранению ценностных систем.

Заключение

Проведенный нами анализ современных бытовых сказок на русском, английском и итальянском языках свидетельствует о том, что они имеют свои ярко выраженные особенности. Они заключаются в обязательном присутствии интертекстуального, номадического и гендерного элементов. Вербализация этих компонентов зависит от лингвокультурной специфики и культурно-исторических условий развития анализируемых языковых сообществ. Интертекстуальность основана на обращении к «сильным текстам», что формирует основу для кочующего мотива. Гендерный фактор объективируется с учетом лексико-семантической и грамматической систем языков. Этим объясняется

традиционное распределение гендерных ролей в итальянской и русской лингвокультурах, в то время как в английских сказках мы отмечаем элиминирование гендерного фактора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. II. М.: Наука, 1985. [Afanas'ev, A. N. (1985). Narodnye russkie skazki (Russian folk tales). Moscow : Nauka. (In Russ.)].
- Безруков А. Н.* Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. [Bezrukov, A. N. (2005). Poehtika intertekstual'nosti (Poetics of intertextuality). Birsk: State Socio-Pedagogical Academy. (In Russ.)].
- Делез Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. [Delez, Zh. (2010). Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya (A thousand plateaus: Capitalism and Schizophrenia). ZHil' Delez, Feliks Gvattari; per. s franc. i poslesl. YA.I. Svirskogo; nauch. red. V.YU. Kuznecov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'. (In Russ.)].
- Денисова Г. В.* Интертекст в современной социокультурной реальности России и Италии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. [Denisova, G. V. (2020). Intertekst v sovremennoi sotsiokul'turnoi real'nosti Rossii i Italii (Intertext in the Modern-Day Sociocultural Reality of Russia and Italy). Moscow: Kanon+ (In Russ.)].
- Карасик В. И.* Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 1. С. 25–35. [Karasik, V. I. (2015). Lingvokul'turnye tsennosti v diskurse. (Linguocultural values in discourse): Inostrannye yazyki v vysshei shkole, 1, 25–35. (In Russ.)].
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yu. N. (1987). Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. (Russian language and linguistic personality). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Костюхин Е. А.* Сказка в исследованиях А. И. Никифорова / Вступ. ст. к сб.: А. И. Никифоров Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. [Kostyuhin, E. A. (2008). Skazka v issledovaniyah A. I. Nikiforova. (A fairy tale in the research of A.I. Nikiforov). Vstupit. st. k sb: A. I. Nikiforov Skazka i skazochnik. Moscow: OGI. (In Russ.)].
- Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: В. М. Скакун, 1998. [Gritsanov, A. A. (1998). Noveishii filosofskii slovar'. (The latest philosophical dictionary). Minsk: V. M. Skakun. (In Russ.)].
- Пропп В. Я.* Русская сказка. Л.: Лениздат, 1984. [Propp, V. Ya. (1984). Russkaya skazka. (The Russian Folktale). Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)].

- Пропп В. Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. [Propp, V. Ya. (2000). Russkaya skazka. (The Russian Folktale). Moscow : Labirint. (In Russ.)].
- Смирнов И. П.* Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. Изд. 2. СПб.: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995. [Smirnov, I. P. (1995). Porozhdenie interteksta. Ehlementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka. 2nd ed. St. Petersburg: Yazykovoj centr filologicheskogo fakul'teta SPbGU. (In Russ.)].
- Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. [Srvnitel'nyj ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka (1979). Sost.: L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. (Comparative index of plots: East Slavic tale). AN SSSR. Otd-nie lit. i yaz. Nauch. sovet po fol'kloru; In-t etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].*
- Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. [Shakhovskii, V. I. (2008). Lingvistiechskaya teoriya ehmotsii. (Linguistic theory of emotions). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Шляков А. В.* Номадизм постмодерна в свете краха идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nomadizm-postmoderna-v-svete-kraha-identichnosti> (дата обращения: 01.10.2020) [Shlyakov, A. V. (2015). Nomadizm postmoderna v svete krakha identichnosti (The nomadism of postmodernity in the context of the crisis of identity). Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nomadizm-postmoderna-v-svete-kraha-identichnosti> (accessed: 01.10.2020). (In Russ.)].
- Ямпольский М. Б.* Память Тиресия. М.: РИК «Культура», 1993. [Yampol'skii, M. B. (1993). Pamyat' Tiresiya (The memory of Tiresias). Moscow : RIK. (In Russ.)].
- Arne A., Thomson S.* The Types of the Folktale // Folklore Fellows Communications. Nr. 184. Helsinki, 1973. P. 3–10.

О. В. Куликова

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английского языка №1 факультета международных
отношений Московского государственного института международных
отношений (университет) МИД России
ok517@yandex.ru

**РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ КОРПОРАТИВНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА
КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ
КУЛЬТУРЫ**

В статье рассматриваются речевые практики корпоративного мифотворчества и их роль в формировании корпоративной мифосферы, основанной на мифологическом нарративном континууме. В ходе дискурсивного анализа установлено, что минимальной повествовательной единицей корпоративного мифотворчества является история. Делается вывод о том, что разнообразные речевые практики, задействованные в процессе корпоративного мифотворчества, представляют собой особый формат структурирования и трансфера мифологизированной информации.

Ключевые слова: речевые практики; корпоративная культура; миф; мифотворчество; мифосфера; антропоцентризм; неявное знание; корпоративный нарратив; история; сторителлинг.

O. V. Kulikova

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor,
Professor of the English Department №1,
School of International Relations, Moscow State Institute of Foreign Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
ok517@yandex.ru

**SPEECH PRACTICES OF CORPORATE MYTH CREATION
AS AN INSTRUMENT OF CORPORATE CULTURE FORMATION**

The paper is devoted to investigation of speech practices of corporate myth creation and their role in corporate mythosphere based on mythological narrative continuum. In the course of discourse analysis it was found that a story is a minimal narrative unit of corporate myth creation. In conclusion, it is claimed that various speech practices engaged in corporate myth creation make a special format of mythological information structuring and transfer.

Key words: speech practices; corporate culture; myth; myth creation; mythosphere; anthropocentrism; tacit knowledge; corporate narrative; story; storytelling.

Введение

Корпоративная культура, являющая собой принятую в организации совокупность этических установок, ценностей, стандартов поведения и взаимоотношений сотрудников, создается на основе целенаправленной работы по развитию деятельности корпорации [Карлэф, Лёвингссон 2006, с. 168], что подразумевает, помимо прочего, формирование корпоративной *мифосферы*, представленной набором речевых практик, отражающих жизнь и деятельность корпорации и, прежде всего, ее наиболее выдающихся представителей. Вопрос о *роли мифосферы в дискурсе корпоративной культуры*, а также об особенностях создающих ее речевых практик, является центральным для настоящего исследования.

По мнению некоторых исследователей, «ядро корпоративной культуры формируется в виде культурной парадигмы организации», возникающей в результате закрепления в корпоративном опыте поведенческих моделей, служащих образцами организационного поведения и формирующими культурную парадигму [Макеев 2017, с. 92], обуславливающую нормы межличностного взаимодействия и правила осуществления профессиональной деятельности в рамках корпоративной среды. Данные нормы и правила, составляющие *культурный код корпорации*, формируются в ее «недрах» и распространяются не только на «внутреннюю», но и на «внешнюю» сторону деятельности корпорации: корпоративная культура представляет собой элемент формирования имиджа корпорации, репрезентированного во внешней корпоративной среде и являющегося одним из важнейших факторов, обеспечивающих успех компании.

Положение о том, что «зрелая культурная парадигма предстает как совокупность убеждений, ценностей, норм, предписаний, характерных для большинства сотрудников» [Макеев 2017, с. 92], позволяет говорить о безусловной *аксиологичности корпоративной культуры*, по сути, являющейся сложной системой базовых ценностей, объединяющей корпоративные ценностные ориентиры и ценностные установки сотрудников корпорации, принимающих традиции корпоративной культуры и идентифицирующих себя с корпорацией, что формирует ее «культурный слой». По мнению Н. В. Якуповой, «ценность культуры для организации состоит в том, что она усиливает

организационную сплоченность и пробуждает согласованность в поведении сотрудников» [Якупова 2013, с. 49].

Регулятивные речевые практики корпоративной культуры

В современных корпорациях в силу их масштабности и анонимности отношений личные контакты вынужденно заменяются сводами правил, предписаний, регулирующих поведение и профессиональную деятельность большого количества людей [Евченко 2017]. **Документация**, отражающая базовые принципы корпоративной культуры, предписывающей сотрудникам соблюдение норм межличностных отношений и правил поведения с внешними контрагентами (потребителями, инвесторами и т. д.), включает кодекс корпоративной этики, заявление о корпоративной политике, свод формальных правил этического поведения. Однако данные речевые практики, закрепляющие основы корпоративной культуры, в силу своего директивного характера и формального стиля не принадлежат к категории речевых практик, формирующих корпоративную мифосферу как часть корпоративной культуры. То же касается и корпоративной коммерческой корреспонденции, отражающей культурные нормы корпорации, но не участвующей в создании ее мифосферы.

Корпоративный мифологический нарратив

Процесс *создания корпоративной мифосферы как опорного элемента корпоративной культуры* занимает довольно длительное время и протекает, в основном, за счет передачи информации (частично достоверной, частично утратившей достоверность) о жизни корпорации и особенно ее лидерах от «старожилов» к молодым или новым сотрудникам¹. Так формируется корпоративный мифологический нарратив (точнее, нарративный континуум), лежащий в основе корпоративной мифосферы.

Очевидно, что минимальной повествовательной единицей корпоративного мифотворчества выступает **история**. В современной

¹Что касается внешней корпоративной среды, то передача «мифообразующей» информации происходит здесь преимущественно благодаря такой речевой практике, как PR. – О. К.

корпоративной среде истории, обладая высокой степенью эффективности, помогают сотрудникам преодолеть трудности профессионального характера, позволяют легко устанавливать контакт с контрагентом в процессе деловой коммуникации, поддерживать общение и запоминать важные идеи, то есть являются неотъемлемой частью профессиональной коммуникации в пределах корпоративного дискурса [Сойер, Хогарт 2020]. Вместе с тем, отличаясь несомненной притягательностью, истории, по признанию исследователей, имеют ряд недостатков: иногда они искажают причинно-следственные связи; скрывают правду; упрощают реальность; могут содержать предвзятую оценку, что ведет к ошибкам в бизнесе [там же]. Тем не менее, на наш взгляд, нельзя недооценивать роль такого инструмента, как *сторителлинг* (storytelling), в формировании корпоративной культуры благодаря его функциям: адаптивной, пропагандистской, или мотивирующей, объединяющей, коммуникативной и утилитарной [Правоторов 2010]. Адаптивная функция представляется наиболее важной из всех названных, поскольку помогает сотрудникам, не владеющим необходимыми моделями поведения, адаптироваться в сложных, иногда непредсказуемых производственных ситуациях, обеспечивая таким образом передачу неявных знаний и корпоративного опыта.

Из практики корпоративного мифотворчества: история об истории

В практике корпоративного мифотворчества с применением технологии *сторителлинг* обнаруживается особая структура мифотворческого дискурса – так называемая история в истории, а именно, рассказ истории об успешном применении сторителлинг как способа решения довольно сложной профессиональной задачи. В примере, который приводится нами ниже, речь идет об опыте компании *History Factory*, более сорока лет оказывающей поддержку организациям в сложных производственных ситуациях, таких как слияния, поглощения и др. Рассказывая на странице своего сайта историю о действенности применения истории для решения чрезвычайно непростой проблемы, компания не только продвигает свои услуги, но и закрепляет накопленный опыт в корпоративной мифосфере. Избранная компанией тактика для обеспечения безболезненного слияния двух крупных

юридических фирм, каждая из которых обладала устоявшейся корпоративной культурой, что усложняло задачу по их слиянию, состояла в предъявлении сторонам слияния трех историй по типу трехчастной классической драмы, пронизанной темой совместного успеха при объединении усилий. Авторы данного трехкомпонентного сторителлинга описывают свое произведение следующим образом:

Act One kicked off with a high energy video illustrating how Grand Prix race teams are comprised of engineers, designers, a pit crew and driver, all of whom work seamlessly together in pursuit of a shared goal to win a race. The case was made about how distinct practice areas within law firms also pull together in their common quest to win on behalf of clients.

Act Two began with a documentary about Ford Motor Company and its remarkable turnaround under the leadership of CEO Alan Mulally. It illustrated the power of belief and how an organization has to internalize a goal and make it personal to increase its chances of achieving it.

Finally, Act Three outlined the vision of what the combined law firm of Hogan Lovells might look like in the future, the goals it hoped to achieve, and how its shared vision would be rooted in the collective histories from the past of two great organizations [History Factory URL].

По признанию разработчиков, тактика «сторителлинг» оправдала себя, поскольку позволила в иносказательной форме, обращаясь к известным историям успеха, проиллюстрировать преимущества объединения ресурсов двух «тяжеловесов» в юридической сфере:

The outcome was a success because it didn't include typical PowerPoint presentations and handouts. It was built around storytelling and the principle that great stories impel people to act – to go out and make a difference, not only for themselves but for the organizations and people they work with as well [History Factory URL].

Выбор технологии «сторителлинг» служит, на наш взгляд, цели **пополнения корпоративного тезауруса методов и технологий**, обеспечивающих индивидуальный подход к клиентам, позволяющего тактично разрешить довольно болезненный вопрос. Такого рода тезаурус является частью корпоративной мифосферы, так как создается на базе передачи важной корпоративной информации, призванной формировать профессиональные поведенческие модели в устных историях, иногда зафиксированных в письменной форме. Рассмотренный

выше случай представляет собой пример передачи неявных знаний – знаний процедурного характера о том, **каким образом** использовать имеющийся у компании арсенал подходов с соблюдением принятых в корпорации морально-этических установок.

Сторителлинг как технология создания корпоративного мифа

Интересные истории, повествующие о зарождении корпорации, происхождении ее названия, маркетинговой стратегии, иногда преследуют такие цели, как информирование сотрудников и постепенное формирование корпоративной мифосферы, а также привлечение внимания потребителей, что способствует созданию пула лояльных приверженцев бренда. Так, на сайте компании *Warby Parker*, всемирно известной своими онлайн-предложениями очковой оптики, приводится рассказ ее основателей о том, как возникло ее название. Примечательно, что на страницах своего сайта компания объединяет в общую группу сотрудников, покупателей и более широкую публику, внедряя таким образом в коллективное сознание идею о том, что все они могут быть в равной степени заинтересованы в деятельности и существовании компании, как это видно из своеобразного «вступления» к рассказу. Содержащаяся на странице информация подается в форме воображаемого диалога, который корпорация ведет с заинтересованными сторонами (*stakeholders*). Сам анекдот представлен как ответ на вопрос, призванный свидетельствовать об интересе к истории корпорации:

*Our customers, employees, community and environment are our stakeholders.
We consider them in every decision that we make.*

Got questions? Here maybe we can answer 'em.

Where does the name “Warby Parker” come from?

The stork. (Just kidding.)

In May 2009, our co-founder Dave was wandering around the New York Public Library when he stumbled into an exhibition about Jack Kerouac¹. The four of us had long been inspired by Kerouac, who spurred a generation to take the road less traveled.

¹ Джек Керуак – американский писатель, поэт, важнейший представитель литературы «бит-поколения». URL: <https://ru.wikipedia.org/>.

The exhibit included some of Kerouac's manuscripts, drafts, and journals. In one of the journals, Dave noticed two characters with interesting names: Warby Pepper and Zagg Parker. We combined the two and came up with Warby Parker [Warby Parker URL].

Приведенный выше пример подтверждает положение о том, что в основании корпоративной мифосферы заложен **принцип антропоцентризма**: возникновение названия корпорации оказывается тесно связанным с культурными интересами и ценностными ориентирами ее основателей.

Антропоцентризм корпоративного мифотворчества: сотворение героя-легенды

Антропологами особо отмечается тот факт, что характер внутрикорпоративных отношений и корпоративная мифология в значительной степени определяются взглядами и морально-этическими установками руководства корпорации. Соответственно, речевые практики корпоративного мифотворчества обычно сосредоточены на человеке – чаще всего, корпоративном лидере, обладающем высокими моральными принципами или незаурядными деловыми качествами, что делает антропоцентризм одной из ведущих характеристик исследуемых речевых практик.

Здесь нужно оговориться: речевые практики формирования корпоративной мифосферы не ограничиваются корпоративным анекдотом, аналогией или просто метафорой (см. также: [Куликова 2019]), а также отдельной историей из прошлого опыта корпорации. Кроме того, корпоративное мифотворчество, как лингвокреативная деятельность, охватывает не только мифы, повествующие о ключевых моментах в деятельности и истории корпорации в «мистическом» ключе обычно без конкретного указания на время произошедшего мифологического события, но и корпоративные легенды, и предания, относящиеся к разряду несказочного прозаического фольклора и представляющие реальный контекст. Сотворение героя-легенды – одна из главных функций корпоративного мифотворчества, реализуемая через такие речевые практики, как интервью и биография, благодаря которым наиболее полно формируется образ корпоративного «героя».

Интервью и биография как речевые практики антропоцентрического корпоративного мифотворчества

Интервью с корпоративным лидером рассматривается нами как «способ установить нравственные эталоны и выработать образцы поведения, соответствующие системе ценностей корпорации» [Куликова 2019, с. 34]. Как показывает исследование *портретных интервью* с первыми лицами корпораций, в основном они обнаруживают идентичность содержательной стороны вопросов и имеют двоякую цель:

1. Создать ролевую модель успешного корпоративного лидера, жизнь и профессиональная деятельность которого строится на системе базовых ценностей, ассоциирующихся с ценностными установками его корпорации. То есть образ лидера создает или поддерживает образ корпорации, которую он представляет.
2. Обратить внимание «внутрикорпоративного» потребителя этой информации на пример, которому необходимо следовать, чтобы добиться успеха в рамках данной корпорации. «Каркас» портретного интервью с корпоративным лидером обычно составляет серия вопросов о происхождении героя, его семье, образовании, первых шагах в профессии, об условиях достижения успеха и наиболее существенных сторонах его деятельности как корпоративного менеджера высшего звена. Благодаря такому набору вопросов и ответов на них удастся создать более или менее полноценную ролевую модель с учетом личного опыта и мнения интервьюируемого, что придаст интервью правдоподобность и вызывает доверие аудитории.

Представляется, что наиболее полный образ легендарного героя создается в его *биографии* – произведении, имеющем тот же вектор, что и интервью, однако в силу объёма и специфики произведений данного жанра, дополненном многочисленными эпизодами и деталями, позволяющими сделать акцент на информации, релевантной для авторского замысла. С этой точки зрения удачным примером представляется биография Стива Джобса [Smith 2016] (более подробный анализ см.: [Куликова 2019, с. 44–46]). Примечательно, что структурно текст биографии построен по принципу диалога, в котором главный герой будто бы обращается к читателю: каждая глава книги начинается с цитаты высказываний Стива Джобса о наиболее важных и сложных вопросах человеческого бытия, что позволяет судить о его

системе ценностей и убеждений, нашедших отражение в корпоративной культуре компании *Apple*. В сочетании с цитатами заголовки звучат как рекомендации, как передача опыта неординарного человека и руководителя своим сотрудникам:

Follow Your Own Road

«Your time is limited, so don't waste it living someone else's life. Don't let the noise of others' opinions drown out your own inner voice. And most important, have the courage to follow your heart and intuition» (*Steve Jobs*) [Smith 2016, с. 4].

Meet the Right People

«Innovation comes from people meeting up in the hallways or calling each other at 10.30 at night with a new idea, or because they realized something that shoots holes in how we've been thinking about a problem» (*Steve Jobs*) [Smith 2016, с. 17].

Seize Opportunity

«We're gambling on our vision, and we would rather do that than make "me too" products. Let some other companies do that» (*Steve Jobs*) [Smith 2016, с. 42].

Придерживаясь единства выбранного им стиля, автор дополняет картину цитатами известных людей, выражающих свое мнение о Стиве Джобсе:

«Steve was among the greatest American innovators – brave enough to think differently, bold enough to believe he could change the world, and talented enough to do it» (*Barak Obama*).

«For those of us lucky enough to get to work with him, it's been an insanely great honour» (*Bill Gates*) [Smith 2016, с. 198].

Рассказывая историю, «сотканную» из цитат и эпизодов жизни героя, автор создает легенду об основателе и неординарном руководителе корпорации *Apple*.

Обращает на себя внимание тот факт, что любая из рассмотренных выше практик строится на основе мифологизированной информации с привлечением технологии *сторителлинг*, т. е. имеет в своей основе и / или создает историю.

Заключение

Корпоративная мифосфера является неотъемлемым компонентом корпоративного коммуникативного пространства, в рамках которого происходит распространение релевантной информации, существенной для понимания, принятия и практического применения системы морально-этических и ценностных установок, составляющих фундамент корпоративной культуры.

Речевые практики, задействованные в данном процессе, подчинены общей цели – формированию этических и ценностных ориентиров в корпоративном общении и поведении [Куликова 2019, с. 26] – и представляют особый формат структурирования и подачи мифологизированной информации, что репрезентируется в дискурсе такими повествовательными типами текста, как миф, легенда, анекдот, передающимися в форме рассказа, а также интервью с выдающимися представителями корпорации, мультимедийными публикациями, биографиями, благодаря которым создается мифологизированный образ корпорации или ее лидеров.

Отдельно следует отметить такую речевую практику, как PR, безусловно, задействованную в формировании корпоративной мифосферы и являющуюся своего рода «носителем» корпоративной культуры во внешней корпоративной среде.

Дискурсивная актуализация речевых практик корпоративного мифотворчества обеспечивается таким инструментом, как сторителлинг, превращающим их совокупность в нарративный континуум корпоративной мифосферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Евченко О. С.* Понятие корпоративной этики // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 422–433. [Evchenko, O. S. (2017). Ponyatie korporativnoy etiki. (The concept of corporate ethics). In: Kul'tura i civilizaciya, 7, Nr. 3A, 422–433. (in Russ.)].
- Карлэф Б., Лёвингссон Ф. Х.* Менеджмент от А до Я. Концепции и модели. СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2006. [Karlyof, B., Lyovingsson, F. H. (2006). Menedzhment ot A do YA. Konceptcii i modeli (Management from A to Z. Concepts and models). St. Peterburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge (in Russ.)].
- Куликова О. В.* Дискурс корпоративной этики в коммуникативно-прагматической парадигме лингвистических исследований. М.: МГЛУ, 2019.

[Kulikova, O. V. (2019). Diskurs korporativnoj etiki v kommunikativno-pragmaticheskoj paradigme lingvisticeskikh issledovanij. (The corporate ethics discourse in the communicative and pragmatic paradigm of linguistic studies: monograph). Moscow: MGLU. (in Russ.)].

Makeev V. A. Корпоративная культура как фактор эффективной деятельности организации. М.: ЛЕНАНД, 2017. [Makeev, V. A. (2017). Korporativnaya kul'tura kak faktor effektivnoj deyatel'nosti organizacii, ed. by V. D. Gribova. (Corporate culture as a factor of effective activities of an organisation). Moscow: LENAND (in Russ.)].

Сојер Э., Хогарт Р. Красиво, но бесполезно: что не так со сторителлингом для бизнеса. In: Harvard Business Review Россия. 20 декабря 2020. URL: https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/852033?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=pochemu_krasivye_istorii_o_biznese_sbivayut_s_tolku&utm_term=2021-01-05 [Sojer, E., Hogart, R. (2020). Krasivo, no bespolezno: chto ne tak so storitellingom dlya biznesa (Beautiful but useless: what is wrong with storytelling for business)] (дата обращения: 10.01.2021). (In Russ.)].

Якупова Н.В. Аксиологические условия становления корпоративной культуры организации // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Психология. 2013. № 2 (14). С. 47–68. [Yakupova, N. V. (2013). Aksiologicheskie usloviya stanovleniya korporativnoj kul'tury organizacii (Axiological conditions of forming corporate culture of an organisation). Vestnik Samarской gumanitarной akademii. Ser.: Psihologiya, 2(14), 47–68. (In Russ.)]

History Factory. URL: www.historyfactory.com/insights/corporate-storytelling-in-action/.

Smith D. How to Think Like Steve Jobs. London: Michel O'Mara Books Limited, 2016.

Warby Parker. URL: <https://www.warbyparker.com/culture>.

О. А. Леонтович

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой межкультурной коммуникации
Волгоградского государственного социально-педагогического университета
(ВГСПУ), профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (КНР)
olgaleo@list.ru
ORCID: 0000-0002-0972-4609

**СЕНСИТИВНОСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ
И НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ**

В статье исследуется эволюция понятия «политическая корректность» в социальном дискурсе; анализируются проблемы, связанные с построением политически корректного межкультурного общения. Показано, что сложности обусловлены отсутствием единых международных норм политической корректности; различиями в грамматическом строе языков; расхождениями в концептуализации и категоризации действительности; разной степенью сформированности понятия политической корректности в сознании носителей разных лингвокультур. Выводы подтверждаются результатами опросов и анализа коммуникативных ситуаций.

Ключевые слова: политическая корректность; чувствительность; свобода слова; межкультурная коммуникация.

О. А. Leontovich

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,
Head of the Department of Intercultural Communication and Translation,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Professor of Tianjin Foreign Studies University (China)
olgaleo@list.ru
ORCID: 0000-0002-0972-4609

**SENSITIVITY, POLITICAL CORRECTNESS
AND NEW COMMUNICATION PRACTICES**

The paper examines the evolution of the notion «political correctness» in social discourse and issues connected with politically correct intercultural communication. The findings indicate that the problems are caused by the absence of unified international norms of political correctness; dissimilarities in the grammatical structure of languages; discrepancies in the conceptualisation and categorisation of reality; and cultural differences in the attitude towards political correctness. The conclusions are supported by the results of two surveys and analysis of communicative situations.

Key words: political correctness; sensitivity; freedom of speech; intercultural communication.

Введение

За более чем сто лет своего существования понятию «политическая корректность» (далее ПК) довелось пережить немало взлетов и падений. Оно использовалось для обозначения верности политическому курсу партии, необходимости уважительного отношения к людям по разным параметрам идентичности; становилось объектом насмешек и сарказма из-за многочисленных перегибов, яблоком раздора между политиками, например между Трампом и Хилари Клинтон во время избирательной кампании 2016 г. И вот в 2020 г. оно снова полыхнуло пожарами и многотысячными демонстрациями в США и Западной Европе, с невиданной прежде силой обнаружив высокую степень чувствительности в социуме, особенно относительно расы и гендера. Движение BLM, отрезанная голова учителя во Франции и новое явление *cancel culture* – «практика бойкота, вычеркивания, игнорирования, остракизм, травля» [Леонтович 2021, с. 194] – всё это имеет отношение к понятию политической корректности и оказывает влияние не только на отдельные государства, но и на глобальную коммуникацию.

Значимость исследования проблем ПК определяется многими причинами: 1) необходимостью выработки норм цивилизованного межкультурного общения; 2) важностью выстраивания российского публичного дискурса, который, с одной стороны, учитывал бы культурные особенности разных стран, этнических и социальных групп, а с другой – гарантировал бы сохранение российских ценностей и коммуникативных норм; 3) потребностью в определении критериев и этических границ толерантности и свободы слова; 4) целесообразностью изучения вербальных и невербальных проявлений ПК, свободных от перегибов и учитывающих как зарубежную, так и российскую коммуникативную специфику.

В настоящей статье рассматриваются аргументы сторонников и противников ПК, проводится анализ ее словарных определений и обсуждаются проблемы, связанные с политической корректностью в межкультурном контексте. Материалом исследования являются словарные дефиниции ПК из ведущих англоязычных словарей и коммуникативные ситуации, содержащие примеры политически (не)корректного общения. В качестве ключевых исследовательских методов выступают дефиниционный анализ, опрос и дискурс-анализ, а также прием количественных подсчетов.

Роль политической корректности в формировании социального дискурса

Современный социально-политический дискурс непосредственно связан с такими явлениями, как раса, этнос, гендер, сексуальная ориентация, инвалидность, психические расстройства, ксенофобия, СПИД, охрана окружающей среды, защита животных, национальная безопасность, терроризм, преступность, иммиграция и т. д. Во время опроса, проведенного в 2016 г., 59% американцев продемонстрировали повышенную чувствительность к языковым единицам, используемым при обсуждении социальных проблем [Longley 2019]. К. Фокс обнаружила схожие тенденции в Великобритании [Fox 2017].

Дж. Хьюз справедливо полагает, что ПК стала не только частью современного лексикона, но и образом мыслей [Hughes 2009, с. 3]. Согласно его точке зрения, уникальность ПК как социолингвистического явления определяется тремя факторами:

- 1) она не навязывается сверху какими-либо органами власти, а представляет собой форму семантического конструирования и цензуры со стороны различных общественных движений;
- 2) является продуктом воинственного меньшинства, выступающего против определенных видов неравенства и предрассудков, за которым не стоит какая-либо определенная идеология;
- 3) жертвы дискриминации не выражают собственных идей – за них выступают другие политические силы [Hughes 2009, с. 7].

Размышляя о достоинствах и недостатках ПК, исследователи указывают, что, с одной стороны, она является мощным оружием против шовинизма и расизма, прогрессивной силой, которая противостоит доминантным властным отношениям и социальным нормам, исключая из общества маргинализованные группы. С другой – она ассоциируется с наступлением на основы общественных приличий и гражданского дискурса, противодействием свободе слова и честному обмену мнениями и идеями [Alibhai-Brown, 2018; Esposito, Finley, 2019; Fry et al. 2018; Stourton 2008; Tsakalakis 2021].

Анализ словарных определений ПК позволяет лучше уяснить суть этого явления (ниже выделено авт. – *О. Л.*):

the act of *avoiding* language and actions that could be offensive to others, especially those relating to sex and race [Cambridge Dictionary];

the **avoidance** of forms of expression or action that are perceived to exclude, marginalize, or insult groups of people who are socially disadvantaged or discriminated against [Oxford Reference];

the principle of **avoiding** language and behaviour that may offend particular groups of people [Oxford Advanced Learner's Dictionary];

conforming to a belief that language and practices which could offend political sensibilities (as in matters of sex or race) should be **eliminated** [Merriam-Webster].

Как видно, во всех дефинициях фигурируют глаголы *to avoid* (избегать), *to eliminate* (устранять), существительное *avoidance* (избегание), по отношению к языковым единицам, то есть так или иначе речь идет о цензуре.

Понятие ПК динамично, оно постоянно эволюционирует, приобретая новые свойства в результате социальных, религиозных и политических изменений. Дж. Хьюз пишет о том, что язык ни в коей мере не нейтрален – он отражает доминантные идеологии, предрассудки, стереотипы и ограниченные представления о нормальности [Hughes 2009, с. 16]. Семантическое проектирование приводит к переосмыслению индивидуальных и социальных отношений и ценностей [Hughes 2009, с. 29].

ПК сопряжена с такими понятиями, как *сексизм*, *расизм*, *исламофобия*, *антисемитизм*, *гомофобия*, *трансфобия*, а также явлениями, которые еще не получили в русском языке устоявшихся названий: *handiphobia* – «страх перед инвалидностью», *fatphobia* – «страх перед ожирением», *glottophobia* – «страх перед перееданием» и т. д. Формирование политически корректных значений направлено на устранение из языка всего того, что связано с вышеобозначенными «фобиями» и сопровождается взрывным ростом терминов для обозначения разных аспектов идентичности, а также возникновением новых коммуникативных практик.

Политическая корректность в контексте межкультурной коммуникации

Непрекращающаяся эволюция языка, связанная с политической корректностью и инклюзивностью, создает сложности для дипломатов, представителей международных организаций, переводчиков,

преподавателей иностранных языков, путешественников и студентов. Возникают закономерные вопросы: как следует строить политически корректный межкультурный диалог, учитывая, что между странами, их историей, языками, мировосприятием и понятиями об этике существуют большие различия? Должны ли международные нормы политической корректности быть едиными для всех культур?

Сегодня эти нормы диктуются исключительно англоязычными странами. С одной стороны, в этом есть логика, так как английский язык выступает как *lingua franca*. С другой – должны ли эти нормы автоматически переноситься на другие языки и культуры? Как, например, быть, если международные мероприятия проводятся на территории неанглоязычной страны? Вопрос непростой: лингвистические системы асимметричны, динамика развития языков и выражаемых ими концептов неодинакова, для них не всегда приемлемо европоцентричное и американоцентричное картирование мира. Например, в межкультурном пространстве регулярно возникают проблемы, связанные с выбором адекватного термина для обозначения негроидной расы. Как известно, слово *Negro* стало политически некорректным в западном мире, даже в Испании, где оно обозначает то же, что и политически корректное *Black* в английском. В русских словарях слово «негр» до сих пор фигурирует как нейтральное по целому ряду причин. В России никогда не было рабства, точнее, во времена крепостного права рабами были не чернокожие, а белые. То, что сегодня многие американцы воспринимают как проявление расизма по отношению к чернокожим (например, желание школьников сфотографироваться с ними) – это, скорее, удивление экзотикой, так же, как китайцев удивляют и восхищают голубоглазые блондинки. Однако англоговорящие воспринимают слово «негр» как политически некорректное. При этом в русском языке трудно найти для него адекватную замену: слово «черный» имеет неприятные коннотации, усугубляемые тем, что оно нередко применяется как неуважительное обозначение кавказцев; «африканец» используется по отношению к выходцам из Африки; «афроамериканец» применимо лишь к тем, кто проживает на территории США; «темнокожий» по семантике шире, чем «негр» [Леонтович 2021].

Нами был проведен опрос, посвященный этим терминам, в онлайн-группе русскоязычных переводчиков. В обсуждении приняли участие

370 человек, написавших интересные с профессиональной точки зрения комментарии. 98,5 % опрошенных заявили, что не употребят слово *Negro* в английском языке. В то же время подавляющее большинство респондентов считают слово «негр» нейтральным. Лишь несколько человек – преимущественно экспатов, проживающих в англоязычных странах, возражают против его использования. На вопрос, какой термин предпочтителен в русском языке, переводчики высказались следующим образом:

Термин	%
Негр	34
Темнокожий	19
Убирать отсылку к расе	19
Чернокожий	16
Африканец	6
Черный	6

Тем не менее вопрос о том, как поступать с неанглийскими терминами в условиях межкультурного общения, остается открытым. В качестве примеров можно привести два скандала, связанных с футболом, произошедших в последние месяцы. Первый скандал: футболист Кавани, уругваец по происхождению из команды «Манчестер Юнайтед» в соцсетях написал своему фанату: «*Gracias negrito*». Он писал по-испански, в Уругвае слово *negrito/a* вполне допустимо; например, латиноамериканские родители называют так своих детей. Однако ему было предъявлено обвинение в неэтичном поведении.

Второй пример: румынский судья, указывая во время матча коллеге на игрока, нарушившего правила, употребил слово *negru*, которое в румынском языке, как пишут специалисты, никакой дискриминационной нагрузки не несет. В результате он был временно отстранен от выполнения своих профессиональных обязанностей. Означает ли это, что в настоящее время все языки должны принять нормы английского? А если бы судья сказал «*that Black person*», наказали бы его? Судья по сути именно это произнес по-румынски. Следовало ли судье вообще избежать апелляции к расе? Здесь возникает еще одна

проблема: существует мнение, согласно которому неупоминание расы (*color-blindness*) – это игнорирование системного расизма, то есть тоже расизм. А это значит, пишут переводчики, «отсидеться» не получится – надо выбирать адекватное слово.

В США упоминание желтой кожи китайцев считается в высшей степени некорректным, как и жест – растягивание глаза к виску; в частности, этот жест был заменен на другой в американском жестовом языке глухих. Однако проведенные нами исследования доказывают, что эти черты азиатской внешности не кажутся обидными носителям соответствующих культур. Во время опроса 30 китайских студентов (подчеркнем, в Китае, где они не испытывают инокультурного давления) указали следующие черты китайской внешности (в скобках указано количество упоминаний):

желтая кожа (18), черные / темно-карие глаза (15), черные волосы (13), средний / невысокий рост (10), плоское лицо (8), изящная фигура (5), азиатская / восточная внешность (5), раскосые / небольшие глаза (5), невысокая переносица (3), приплюснутый / маленький нос / нос средней ширины (4), небольшой рот (2), пропорциональное телосложение (1), умеренное количество волос на теле (1), выступающие скулы (1).

И действительно, почему китайцы должны стесняться своей внешности?

Еще одна проблема возникает из-за различий в концептуализации и категоризации действительности. Например, эволюция понятий *sex* и *gender* связана со звучащими в западном мире призывами отказаться от бинарного подхода, противопоставляющего мужчин и женщин. Английский язык, где у существительных отсутствует грамматическая категория рода, лучше приспособлен к такому изменению. Сложнее обстоит дело с языками, где эта категория присутствует и где существительные должны согласовываться с глаголами, прилагательными и другими частями речи. Например, на III Международном научно-образовательном форуме «Языковая политика и лингвистическая безопасность» (Н. Новгород, 3–4 октября 2019 г.) директор Центра франко-российских исследований в Москве Венсан Бенет привел следующий пример, касающийся инклюзивного письма:

Cher.e.s collègues, nous sommes très heureu.x.ses d'inviter tou.s.tes les étudiant.e.s, lecteur.rice.s, professeur.e.s, maître.esse.s de conférences,

déterminé.e.s à écrire différemment à discuter avec des auteur.e.s, écrivain.e.s, éditeur.rice.s français.e.s. –

В. Бенет приходит к выводу, что такой текст становится практически нечитаемым.

Носители языков, где есть грамматический род, не всегда понимают описанные выше дебаты вокруг этой проблемы: с их точки зрения, род изначально «назначен» существительному, в том числе и неодушевленному, и согласующимся с ним частям речи, в то время как для носителей английского языка это может быть сознательным выбором.

Кроме того, наблюдения показывают, что подавляющее большинство носителей русского языка по-прежнему придерживаются бинарного восприятия гендера. В переводческих сообществах периодически обсуждается вопрос, какое слово правильно употребить на сайтах или в документах – *sex* или *gender*. Но интереснее всего то, что при этом дается два варианта выбора: *man* и *woman*, то есть не предусмотрен даже вариант *other*. Оказывается, дело здесь не столько в языке, сколько в различии картирования мира. Если перевод дается в расчете на иностранных пользователей, то должны учитываться категории их мышления.

Возникает и ряд других проблем, например: как в устном, так и письменном переводе поступать с иностранными фамилиями? Известно, что в русском языке некоторые мужские имена и фамилии склоняются, а женские нет. Как, например, перевести фразу: *Let me introduce Robin Brown*, если неизвестно, как Робин Браун себя идентифицирует: «Позвольте вам представить Робин Браун» или «Робина Брауна»? Можно, конечно, изменить синтаксическую конструкцию, но это не всегда получается, особенно когда надо быстро сориентироваться в ситуации устного перевода. А что делать, если человек с такой фамилией не идентифицирует себя ни как мужчина, ни как женщина?

Еще одна потенциальная сложность связана с ложными межъязыковыми семантическими связями (межъязыковой паронимией). В 2020 г. американский преподаватель был отстранен от занятий за то, что на лекции употребил китайскую фразу «*Nege, nege*» («Так, так»), звучание которой не понравилось чернокожим студентам. Однако вероятность таких созвучий весьма велика. Например, фамилии

некоторых китайских студентов или испанские словосочетания нередко звучат для русского уха не очень прилично. Думается, однако, что это не должно становиться помехой в межкультурном общении.

И, наконец, дискурсивные проявления идеи национальной безопасности, «завязанные» на политическую корректность. Например, во время подсчета голосов, отданных на выборах в США за Трампа и Байдена, ведущая передачи «60 минут», обсуждая результаты президентских выборов в США, задает участникам программы вопрос: «Если сейчас президент США будет объявлять войну России, то кто это будет – Трамп или Байден?». Имеют ли ведущие программы на Первом канале право на такого рода безответственные заявления? Где та грань, на которой надо остановиться? Эта проблема могла бы стать отдельной темой исследования.

Кроме того, сложность понимания и употребления эвфемистических конструкций со стороны коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам, обусловлена тем, что не все языки в одинаковой степени обременены нормами политической корректности. Причиной такого положения дел может быть отсутствие соответствующих законов и инструкций, равно как и несформированность данного понятия в сознании большинства носителей многих языков, в частности русского.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что проблемы политически корректной межкультурной коммуникации осложнены: 1) отсутствием единых международных подходов и норм к ПК; 2) различиями в грамматическом строе языков; 3) расхождениями в концептуализации и категоризации действительности в разных лингвокультурах; 4) разной степенью сформированности понятия ПК в сознании их носителей. Таким образом, существует острая необходимость в дальнейшей научной разработке данных проблем с позиций социолингвистики и теории межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 176–202. [Leontovich, O. A. (2021). Political correctness, inclusive

- language and freedom of speech: dynamics of notions. In: Russian Journal of Linguistics. Vol. 25, 1, 176–202. (In Russ.)].
- Alibhai-Brown Y.* In Defence of Political Correctness. London: Biteback Publishing, 2018.
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed 05.03.2021).
- Esposito L., Finley L. L.* (eds.). Political Correctness in the Era of Trump: Threat to Freedom or Ideological Scapegoat? Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.
- Fox C.* ‘I Find That Offensive!’ London: Biteback Publishing, 2017.
- Fry S. et al.* Political Correctness Gone Mad? London: Oneworld Publications, 2018.
- Hughes G.* Political correctness: A history of semantics and culture. Maldon, Mass.: Wiley-Blackwell, 2009.
- Longley R.* What Is Political Correctness? Definition, Pros, and Cons. ThoughtCo, July 2019. URL: <https://www.thoughtco.com/what-is-political-correctness-4178215> (accessed 10.03.2021).
- Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 03.03.2021).
- Oxford Advanced Learner’s Dictionary. 7th ed. Oxford University Press, 2005.
- Oxford Reference. URL: <https://www.oxfordreference.com/> (accessed 05.03.2021).
- Stourton E.* It’s a PC World: What it Means to Live in a Land Gone Politically Correct. UK: Hodder, 2008.
- Tsakalakis T.* Political Correctness: A Sociocultural Black Hole. New York: Routledge, 2021.

В. А. Митягина, Ю. С. Клинова

Митягина В. А., доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и практики перевода
Института филологии и межкультурной коммуникации
Волгоградского государственного университета
mityagina@mail.ru

Клинова Ю. С., магистрант Волгоградского государственного университета
juliaklinkova@yandex.ru

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМЫ

Статья посвящена рассмотрению прагматических задач перевода в интернационализации рекламы на материале рекламных текстов, размещенных на сайтах компании Adobe на английском, немецком, французском и русском языках. Авторы приходят к выводу о том, что интернационализация в переводе связана как с его глобализацией, ориентированной на максимальную близость к англоязычному исходному тексту и сохранение его инвариантных параметров, так и с локализацией как лингвокультурной и социопрагматической адаптацией.

Ключевые слова: прагматика перевода; интернационализация; локализация; глобализация; реклама; рекламный дискурс.

V. A. Mityagina, Ju. S. Klinkova

Mityagina V. A., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University
mityagina@mail.ru

Klinkova Ju. S., Master's Degree Student, Volgograd State University
juliaklinkova@yandex.ru

TRANSLATION PRAGMATICS IN ADVERTISING INTERNATIONALIZATION

The article is addressed to pragmatic tasks of translation in advertising internalization. The material of the study is comprised of advertising texts published on Adobe websites in English, German, French and Russian languages. The authors come to the conclusion that internationalization in translation is connected with globalization of translation, which aims at being as close as possible to the English source text and keeping its invariant parameters, as well as with localization as linguocultural and sociopragmatic adaptation.

Key words: pragmatic aspect of translation; internationalization; localization; globalization; advertising; advertising discourse.

Введение

К рекламе эпохи глобализации предъявляется требование быть доступной и привлекательной для потребителей мирового рынка. По утверждению М. А. Деминой, информационная среда «сегодня активно пользуется стратегиями интернационализации ... с целью систематической интеграции международной составляющей в национальное информационное пространство» [Демина 2018, с. 39]. Рекламный текст в таком случае становится максимально «универсальным», пригодным для встраивания в рекламный дискурс целевой лингвокультуры, ориентируясь при этом, главным образом, на международные стандарты и тенденции. Проблема сохранения и адекватной экспликации апеллятивности рекламного текста в переводе не теряет своей актуальности, потому что эффективность прагматического воздействия текста перевода на иноязычную аудиторию достигается посредством комплексного анализа потенциала языковых средств, который связан со сложным выбором между эквивалентностью, адекватностью и транскреативностью.

Целью работы является установление логики интернационализации текста рекламы в координатах его унификации в соответствии с международными тенденциями, конвенций исходного и переводящего языков и социокультурной прагматики целевой аудитории.

В качестве материала исследования используются рекламные тексты на сайте компании Adobe на английском (в британской и американской версиях), русском, немецком и французском языках.

Рекламный дискурс как объект глобализации, локализации и интернационализации

Рекламный дискурс представлен во многих сферах общественной жизни и реализуется в большом количестве жанров. В интернет-пространстве коммуникативная тональность данного вида дискурса становится крайне вариативной; кроме того, адресат свободен в выборе касательно потребления контента [Митягина 2012]. Этим обусловлена необходимость создания текста, способного быстро и эффективно не только привлечь целевую аудиторию, но и побудить ее к совершению действия – покупке товара, использованию услуги и т. п.

Английский язык прочно удерживает позиции в качестве языка международного общения, и производство программного обеспечения является одной из отраслей, где это проявляется особенно ярко. Не в последнюю очередь это связано с тем, что многие компании – технологические гиганты находятся в США (Google, Microsoft, IBM и др.) Одним из каналов рекламы для таких компаний является собственный сайт, текстовое наполнение которого, как правило, создается на английском языке, а затем упрощается и адаптируется под глобального получателя (тем самым создается интернациональная версия сайта), либо переводится и локализуется для других регионов [Ромадина 2016]. Необходимость локализации обусловлена стремлением привести создаваемый вторичный текст в соответствие с горизонтом ожиданий получателя, который, в свою очередь, определяется принадлежностью к той или иной лингвокультуре: локализации подвергаются упоминаемые в тексте реалии, названия единиц измерения, формат времени и даты [Пырников 2014] и др.

Следует отметить, что в настоящее время не существует единого определения терминов «глобализация», «интернационализация» и «локализация» [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012]. Так, О. В. Зинкевич рассматривает глобализацию как экономический феномен, направленный на «генерализацию культурных и экстралингвистических кодов для доступа к широким международным рынкам», а локализацию – как средство создания продукта, релевантного на локальном рынке [Зинкевич 2018, с. 135]. Энтони Пим, ссылаясь на определения локализации, интернационализации и глобализации, предлагаемые ассоциацией LISA (Localization Industry Standards Association), занимавшейся разработкой стандартов в области локализации, считает, что интернационализация и локализация являются этапами одного процесса – глобализации [Pym 2001]; этой же точки зрения придерживаются Пьер Кадье и Берт Эсселинк [Cadieux, Esselink 2004]. Глобализация подразумевает под собой распространение некоего продукта по всему земному шару, и для его успешного восприятия за пределами страны происхождения необходимо воздействовать на местного получателя понятным ему образом, который будет достаточно эффективным. Следовательно, несмотря на то, что в рекламе такого продукта, скорее всего, будет присутствовать интернациональный элемент, локализация позволит апеллировать к получателю из

конкретного региона. Наличие в рекламном тексте знаков осведомленности его создателя об особенностях восприятия получателя воспринимается положительно, поскольку «любое рекламное действие включает самопрезентацию отправителя рекламного текста» [Карасик 2015, с. 33], и позитивная реакция становится своеобразным ключом к успешному продвижению рекламируемого продукта.

Инвариантность и вариативность в интернационализации рекламного текста

Рекламные тексты в британской и американской версиях сайта компании Adobe практически идентичны за исключением небольших различий в орфографии и пунктуации. В частности, в текстах американской версии сайта используется *Oxford comma* (серийная запятая, которая ставится перед последним пунктом в списке из трех или более элементов), а в британской версии – нет:

AmE: Work better together with tools for sharing, reviewing, **and** commenting.

BrE: Work better together with tools for sharing, reviewing **and** commenting.

AmE: Edit, composite, **and** create beautiful images, graphics, **and** art on desktop and iPad.

BrE: Edit, composite **and** create beautiful images, graphics **and** art on desktop and iPad¹.

Орфографические различия включают в себя типичные расхождения в правописании буквосочетаний в американском и британском вариантах английского языка (*-ize* / *-ise*, *-or* / *-our* и т. д.):

AmE: Photo editing **optimized** for desktop.

BrE: Photo editing **optimised** for desktop.

AmE: Play with **color** and effects.

BrE: Play with **colour** and effects.

Иных расхождений в текстах британской и американской версий сайта, рассматривавшихся в рамках данного исследования, обнаружить не удалось. В остальных примерах в качестве исходных

¹Зд. и далее источники примеров: <https://www.adobe.com>; <https://www.adobe.com/de/>; <https://www.adobe.com/fr/>; <https://www.adobe.com/ru/>; <https://www.adobe.com/uk/>.

используются слоганы и фрагменты контента оригинального американского сайта компании Adobe.

Названия программного обеспечения и файловых форматов являются интернациональными и в тексте перевода остаются в своем оригинальном написании:

- AmE: The complete **PDF** solution for a mobile, connected world.
FR: Découvrez la solution **PDF** complète pour les utilisateurs mobiles et connectés.
DE: Die umfassende **PDF**-Lösung für ortsunabhängiges Arbeiten (Zugriff per Desktop, Web und Mobilgerät).
RU: Комплексное решение для работы с документами **PDF** в современном мире мобильных и облачных технологий.

Безусловно, в этих рекламных тезисах-характеристиках товара максимальной трансформации подвергается их «встраивание» в структуру высказывания, и используемые приемы развертывания в переводе на французский, немецкий и русский языки вносят локальные акценты в апеллативность текста. В немецком тексте имеет место выделение независимости от *местоположения* (*ortsunabhängiges Arbeiten*), а возможные варианты доступа к обеспечению выведены за скобки. В переводе на русский язык в призыве реализована **актуальность** рекламируемого обеспечения (*в современном мире*), в переводе на французский – ориентированность на **пользователей** и их возможности (*pour les utilisateurs*). Так, даже в кратких фрагментах описания можно наблюдать различия в выборе ракурса презентации продукта в локальных версиях контента глобального сайта.

Обратим внимание на инвариантность номинации рекламируемого софта (*Creative Cloud*) и использование интернационализмов, которые демонстрируют адаптационные модели языковых систем (*веб-контент*, *Fotografie*):

- AmE: **Creative Cloud** is a collection of 20+ desktop and mobile apps and services for **photography, design, video, web, UX**, and more.
FR: **Creative Cloud** inclut plus d'une vingtaine d'applications et de services pour la **photographie, la création, la vidéo, le web ou encore l'UX design**, exploitables sur ordinateur et appareils mobiles.
DE: **Creative Cloud** bietet dir mehr als 20 Desktop-Programme, Mobile Apps und Online-Services für **Fotografie, Design, Video, Web und UX**.

RU: *Creative Cloud* – это коллекция из более чем 20 приложений и сервисов для ПК и мобильных устройств для работы с **фотографиями, дизайном, видео, веб-контентом, UX** и многого другого.

Реклама новых технологий стремится к максимальному использованию интернациональных аббревиатур и универсальных терминов для объединения глобальной аудитории пользователей с помощью общих номинативных средств:

AmE: Now you can take your ideas to new places with Photoshop on the iPad, draw and paint with Adobe Fresco, and design for 3D and AR.

FR: Désormais, vous pouvez donner une dimension nouvelle à vos projets en utilisant Photoshop sur iPad, dessiner et peindre avec Adobe Fresco, créer pour la 3D et la réalité virtuelle.

DE: Lasse deine Ideen jetzt überall wahr werden: mit Photoshop auf dem iPad und Adobe Fresco zum Zeichnen und Malen auf Touch-Geräten. Oder entdecke Design-Programme für 3D und Augmented Reality.

RU: Работайте где угодно с помощью Photoshop для iPad, чертите и рисуйте с помощью Fresco, а также разрабатывайте контент в формате 3D и AR.

Здесь мы видим, что названия устройств и программного обеспечения (**Photoshop, iPad, Fresco**) не меняют своей формы в переводе, что способствует унификации рекламы и узнаваемости бренда. **3D** и **AR** также сохраняют свое написание; исключение составляет только термин *réalité virtuelle* как более частотная номинация для **AR** во французском. В немецком языке используется развернутое словосочетание **Augmented Reality**, а в русском имеет место использование разъясняющего дополнения *в формате* в комбинации с аббревиатурой **AR**.

Интернационализации перевода текстов рекламы Adobe способствуют стандартные синтаксические структуры в исходном тексте (*you can take your ideas*), которые достаточно легко трансформируются в конструкции универсальной функциональной применимости: с использованием модальных глаголов (*vous pouvez donner une dimension*), повелительного наклонения (*работайте ... чертите и рисуйте ... разрабатывайте*), их комбинирования (*Lasse deine Ideen jetzt überall wahr werden*).

Стремление к простоте и лаконичности грамматических структур хорошо проявляет весьма распространенная в глобально

ориентированных рекламных текстах вопросно-ответная форма коммуникации с получателем. Реклама Adobe также ее использует, и вариативность перевода обусловлена только использованием глагола или отказом от него:

- AmE: Questions? We have answers.
FR: Vous avez des questions ? Nous avons des réponses !
DE: Hast du Fragen? Wir haben die Antworten.
RU: Возникли вопросы? У нас есть ответы.

Отметим, что во французском и немецком переводах в вопросах эксплицировано местоименное обращение (*vous, du*), и этот вариант «развертывания», как правило, обусловлен нормативными требованиями. Однако диктат нормы и узуса отходит на второй план, когда речь идет о главном – передаче смысла и обеспечении прагматического воздействия:

- AmE: Creativity for all.
FR: La créativité pour tous.
DE: Kreativität für alle.
RU: Проявить себя в творчестве может каждый.

В дословном переводе на русский слоган в виде *креативность для всех* не выражает новые возможности продукта Adobe, потому что номинация «креативность» в русском языке чаще всего используется для обозначения способности находить новые решения известным проблемам. Поэтому и прием модуляции *все* → *каждый* направлен на значимость творческого аспекта применения продукта.

Рассмотрим пример некоторой «незавершенности» в использовании приема модуляции:

- AmE: What's included in Creative Cloud?
FR: Que contient l'offre Creative Cloud ?
DE: Was ist Creative Cloud?
RU: Приложения в составе Creative Cloud?

Знак вопроса в конце фразы, не переведенной как вопрос на русский язык, вызывает некоторые затруднения: если рассматривать ее как вопрос, она кажется не совсем корректной, поскольку представляет собой эллиптическое высказывание, но контекст, по которому

можно восстановить содержание, отсутствует. В противном случае, если переводчик стремился трансформировать вопрос в повествовательный заголовок, и вопросительный знак остался по ошибке, то сам вариант перевода является вполне адекватным, но небрежность портит впечатление от текста.

Можно привести еще один пример не совсем удачного применения переводческих приемов:

AmE: Behance. Showcase and discover creative work.

FR: Behance. Présentez votre travail et découvrez celui d'autres créatifs.

DE: Behance. Präsentiere deine Projekte, und lasse dich von Werken anderer inspirieren.

RU: Behance. Демонстрация творческих проектов.

В переводе на русский язык переводчик сконцентрировал внимание только на аспекте демонстрации работ, не указав на возможность просмотра работ других пользователей на платформе Behance. В данном случае опущение представляется необоснованным, поскольку предоставление наибольшего количества информации о продукте является предпочтительным с точки зрения потребителя. В переводах слогана на французский и немецкий мы наблюдаем традиционное преодоление компактности английского оригинала, и в отличие от русскоязычной аудитории, получатели текста в немецкой и французской версиях имеют более подробную информацию о возможностях Behance как социальной медиаплатформы Adobe для дизайнеров и иллюстраторов всего мира¹.

Локализация в переводе – лингвокультурная адаптация + креативность переводчика

Представляется необходимым указать на некоторые типичные приемы локализации как адаптации текста к особенностям страны, для которой он создается. Классическим примером может служить, в частности, локализация названия единиц измерения, которые или имеют устоявшийся эквивалент в языке перевода, или транслитерируются:

¹ URL: <https://www.behance.net>

AmE: Get 100 **GB** of cloud storage for file sharing and collaboration.

FR: Disposez de 100 **Go** d'espace de stockage dans le cloud pour le partage de fichiers et la collaboration.

DE: Hole dir 100 **GB** Cloud-Speicherplatz für deine Dateien.

RU: Получите облачное хранилище объёмом 100 **Гб** для обмена и совместной работы над файлами.

Адаптивность локализации рекламы программного обеспечения проявляется также в значимости стандартов страны, для которой осуществляется перевод:

AmE: The industry standard in professional film and video editing.

FR: Montez et produisez des vidéos pour le cinéma, la télévision et le web.

RU: Отраслевой стандарт в области профессионального монтажа видео и фильмов.

В тексте франкоязычной версии сайта отсутствует указание на отраслевой стандарт, так как эта информация или не является первостепенной для французского потребителя, или соответствие софта стандарту предполагается по умолчанию.

В следующем примере перевод на французский и немецкий языки, напротив, детализирован указанием на сферу применения ПО:

AmE: Design and publish elegant layouts for print and digital.

FR: Créez des mises en page pour l'impression et le digital (**logiciel PAO**).

DE: **Mit dem Branchenstandard** für Layout und Design kannst du Dokumente für Print und digitale Medien gestalten.

RU: Оформляйте и верстайте элегантные макеты для печати и цифровых медиа.

В оригинале и в переводе на русский нет указания на то, что ПО соответствует отраслевым стандартам (и здесь мы подчеркиваем конгруэнтность локализации программного обеспечения и локализации как составляющей перевода контента сайта транснациональной компании. Перевод на немецкий просто указывает на отраслевой стандарт в оформлении и верстке, а в тексте на французском указан *logiciel PAO / издательское ПО*: прием конкретизации служит прагматической эффективности слогана, экспликации призыва к получателю.

Этой цели успешно служит использование транскреации, которая способна сделать текст перевода более эффективным, чем оригинальный текст, поскольку качество рекламного текста в таком случае повышается привнесением необходимого акцента:

AmE: Adobe Portfolio. Create and customize your own portfolio website.

FR: Adobe Portfolio. Créez des portfolios professionnels sur ordinateur et sur appareil mobile.

DE: Adobe Portfolio. In wenigen Minuten ein Online-Portfolio erstellen

RU: Adobe Portfolio. Создайте и настройте собственный сайт-портфолио.

Sur ordinateur et sur appareil mobile во франкоязычном переводе помогает обозначить несомненное преимущество программы – доступность как на ПК, так и на мобильных устройствах, а немецкий вариант подчеркивает очень небольшое количество времени для создания собственного сайта-портфолио (*In wenigen Minuten*) – таким образом получатель пользуется текстом, который является креативным решением переводчика, которое может быть как необходимым (трансформация, связанная с диктатом целевой лингвокультуры), так и излишним («интуитивный» вариант для обеспечения целостности рекламного текста). Однако в любом случае транскреация является одним из самых эффективных приемов реализации апеллятивной функции рекламного текста.

Заключение

В результате проведенного анализа можно констатировать, что прагматику перевода текстов, реализующих рекламу продукции на глобальном рынке, определяют задачи интернационализации содержащегося в них призыва и максимального обеспечения общности задействованных средств. Интернационализация в переводе связана как с его глобализацией, ориентированной на максимальную близость к англоязычному исходному тексту и сохранение его инвариантных параметров, так и с локализацией как лингвокультурной и социопрагматической адаптацией. Отметим обязательность в использовании интернациональных номинаций всех связанных с рекламируемой продукцией терминов, аббревиатур, а также стремление сохранять заданную англоязычным оригиналом синтаксическую простоту

и лаконичность. Изменения в синтаксисе связаны, прежде всего, с необходимостью соблюдения нормы и узуса языка перевода. Локализация адаптирует и приближает текст к потребителям товара, поэтому широкое использование направленного семантического «развертывания», приема конкретизации, а также транскреации преследуют прагматическую цель выполнения апеллятивной функции рекламного текста в его разных языковых версиях. Таким образом, можно утверждать, что интернационализация как задача перевода рекламного текста запрограммирована на обязательное комбинирование приемов глобализации и локализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Демина М. А.* Интернационализация новостного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3 (792). С. 38–49. [Demina, M. A. (2018). Internationalization of news discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(792), 38–49. (In Russ.)].
- Зинкевич О. В.* Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия СПбГЭУ. 2018. № 3 (111). С. 135–137. [Zinkevich, O. V. (2018). Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 3(111), 135–137. (In Russ.)].
- Карасик В. И.* Самопрезентация в рекламном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 4 (20). С. 32–43. [Karasik, V. I. (2015). Self-presentation in advertising discourse. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 4(20), 32–43. (In Russ.)].
- Кирилина А. В., Гриценко Е. С., Лалетина А. О.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 18–37. [Kirilina, A. V., Gritsenko, E. S., Laletina, A. O. (2012). Linguistic aspects of globalization. Journal of Psycholinguistics, 15, 18–37. (In Russ.)].
- Митягина В. А.* Англицизм в рекламном тексте: знак глобализации? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 642. С. 169–177. [Mityagina, V. A. (2012). Anglicisms in advertisement texts: sign of globalization? Vestnik of Moscow State Linguistic University, 642, 169–177. (In Russ.)].
- Пырсигов А. С.* Локализация программного обеспечения в аспекте лингвистики и переводоведения // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XIV Международной научно-практической

конференции студентов и молодых ученых, г. Томск, 21–23 мая 2014 г.: в 3 ч. Томск: Изд-во ТПУ, 2014. Ч. 1. С. 207–215. [Pyrnikov, A. S. (2014). Lokalizatsiya programmnogo obespecheniya v aspekte lingvistiki i perevodovedeniya (Linguistic and translational aspects of software localisation). In: Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury (pp. 207–215): sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, Tomsk, 21–23 May 2014. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. (In Russ.)].

Ромадина И. Д. Глобальная версия туристического портала: особенности вербального контента // Homo Loquens: (Вопросы лингвистики и транслятологии): сб. ст. Вып. 9. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. С. 53–61. [Romadina, I. D. (2016). Globalization of content of the international tourism website as a target of translation (by the material of English-language websites). Homo Loquens (Voprosy lingvistiki i translyatologii), 9, 53–61. Volgograd: Volgograd State University Publishing house. (In Russ.)].

Cadieux P., Esselink B. GILT: Globalization, Internationalization, Localization, Translation. In: Globalization Insider. 2004. Vol. XI, 1.5. P. 1–5.

Пут А. Localization and linguistics. In: ResearchGate. 2001, January. URL: https://www.researchgate.net/publication/228937630_Localization_and_Linguistics (accessed: 21.12.2020).

Н. М. Нестерова, Д. Д. Курушин

Нестерова Н. М., доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермского национального исследовательского политехнического университета
nest-nat@yandex.ru

Курушин Д. Д., магистрант факультета современных иностранных языков
и литератур Пермского государственного национального
исследовательского университета
dmitry.kurushin@gmail.com

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ,
И / ИЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК**

В статье рассматриваются лингвистические проблемы, вызванные глобализационными процессами, происходящими в обществе. Предметом анализа являются лингвистическая глобализация и непосредственно связанная с ней экспансия английского языка, проявляющаяся в интенсивном процессе заимствования англицизмов, а также в интернационализации речевых практик. В работе особое внимание уделяется феномену формирования новой «глобализационной» языковой личности, требующей обращения к ее изучению с целью ее моделирования.

Ключевые слова: лингвистическая глобализация; экспансия английского языка; языковые заимствования; языковые контакты; межязыковая интерференция; эколингвистика; лингвоглобалистика.

N. M. Nesterova, D. D. Kurushin

Nesterova N. M., Doctor of Philology (Dr. habil.),
Professor at the Department of Foreign Languages,
Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University
nest-nat@yandex.ru

Kurushin D. D., Master's Degree Student,
Faculty of Modern Languages and Literatures,
Perm State National Research University
dmitry.kurushin@gmail.com

**LINGUAL GLOBALIZATION
AND / OR INTERNATIONALIZATION OF SPEECH PRACTICES**

The paper deals with the linguistic problems caused by the processes of globalization taking place in modern society. The subject of analysis is linguistic globalization and the expansion of the English language directly related to it. This expansion manifests itself in the intensive process of borrowing English lexis as well as in the

internationalization of speech practices. Special attention is paid to the phenomenon of the formation of a new "globalized" linguistic personality, which should be thoroughly studied and modeled.

Key words: linguistic globalization; expansion of the English language; linguistic borrowings; linguistic contacts; interlanguage interference; ecolinguistics; linguo-globalization.

There is a growing belief amongst language professionals
that the future will be a bilingual one,
in which an increasing proportion
of the world's population will be fluent speakers
of more than one language.

David Graddol
[Graddol 2000, с. 4]

Введение

Слова, вынесенные нами в эпиграф статьи, принадлежат британскому лингвисту Дэвиду Грэддолу, автору известного доклада «The Future of English?» [Graddol 2000]. Нам представляется, что в них заключена суть проблемы, которую мы собираемся обсудить в данной работе. Проблема изучения лингвоглобализационных процессов, которые мы наблюдаем в течение последнего времени, становится всё более острой и актуальной, привлекающей внимание не только лингвистов, но и философов, социологов, когнитологов. Связано это с тем, что на наших глазах формируется новый языковой ландшафт, а вместе с ним и новая языковая личность, которую уже назвали «глобализационной» языковой личностью, т. е. языковой личностью эпохи глобализации. Моделирование такой личности, на наш взгляд, можно рассматривать как одну из задач формирующейся новой лингвистической дисциплины – *лингвоглобалистики*. Вторая проблема связана с экологией языка, которая привела к появлению еще одной ветви лингвистики, получившей название *эколингвистика*.

Лингвоглобалистика и эколингвистика – лингвистические науки эпохи глобализации

Глобализационные процессы, как мы видим, охватили все формы нашего бытия, включая и язык, так что сегодня можно говорить

и о лингвистической глобализации, которая, прежде всего, связана с глобальным распространением английского языка. Дэвид Кристал отмечает беспрецедентную языковую ситуацию, которая заключается в том, что число говорящих на английском языке как на иностранном в три раза превышает количество людей, говорящих на нем как на родном [Кристал 2001]. Это количество постоянно растет и будет расти, и если ориентироваться на исследование Дэвида Грэддола, этот процесс будет продолжаться приблизительно до 2050 г. Таким образом, можно считать неоспоримым тот факт, что общество идет к билингвизму как универсальному явлению. Возникает и соответствующий вопрос: каким будет этот билингвизм?

Сегодня очевидны следующие факты:

- 1) стремительно формируется глобальный язык – английский, который уже получил название GLOBISH;
- 2) английский язык интенсивно вторгается в большинство национальных языков в виде многочисленных заимствований самого разного уровня, прежде всего лексических, но и морфологических, фразеологических, синтаксических;
- 3) формируются самые разнообразные национальные «изводы» английского языка;
- 4) английский язык, язык одной из величайших литератур мира, имеющий самый богатый словарный фонд, сам становится «жертвой» своей глобальности, утрачивает свой литературный британский стандарт на всех языковых уровнях, в связи с чем появилось выражение «британский акцент», носителей которого становится всё меньше и меньше.

Эти факты и связанные с ними проблемы стали предметом изучения и анализа новых лингвистических наук – эколингвистики и лингвоглобалистики. Эколингвистика явилась «исследовательским откликом на один из важнейших запросов современного общества – запрос на обеспечение культурного и языкового разнообразия мира, а также безопасности языков» [Трошина 2020, с. 4]. Именно «охрана» национальных языков с целью их сохранения и волнует сейчас лингвистов, в том числе и русистов. А охранять языки, по мнению многих, нужно от английского языка, который был уже назван «тиранозавром», «языком-убийцей», его распространение характеризуют как «лингвистический геноцид» [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012; Phillipson

1992; Phillipson 2001]. Агрессивность английского языка подчеркивается и в книге «English Language as Hydra: Its Impacts on Non-English Language Cultures» [English Language ... 2012]. Такое отношение к английскому языку провоцирует потребность в защите от агрессивного монстра.

Однако нам представляется, что не меньшей «охраны» требует самому английскому языку, который можно также считать жертвой лингвистической глобализации. Как отмечает Д. Грэддол, «As the world is in transition, so the English language is it self taking new forms» [Graddol URL]. Какие же новые формы принимает английский язык?

З. Г. Прошина в своей работе «Концепции глобализации английского языка» анализирует различные концепции формирования английского языка как языка глобального, среди которых хочется выделить «концепцию упрощенного языка» и «футуристические концепции». Упрощение английского языка мы уже наблюдаем и в речи, и в современной литературе, а футуристические концепции, рассматриваемые З. Г. Прошиной, звучат далеко не оптимистично: английскому языку предрекается деградация и даже гибель, вызванные тем, что он распадется на самостоятельные языки, значительно расходящиеся друг от друга [Прошина 2018]. Появляется всё больше «новых разновидностей» английского языка. Не случайно Дэвид Кристал говорит не о будущем английского, а о будущем английских языков («the Future of Englishes»). При этом он называет такие варианты английского, как нигерийский, индийский и сингапурский. В 2001 г. он пишет, что «возможно, мы являемся свидетелями возникновения первых признаков «английской языковой семьи»» [Кристал 2001, с. 6].

Всё сказанное свидетельствует о том, что нужно не только спасать национальные языки от экспансии английского, но и стараться сохранить сам английский язык от упрощения, от «вливания» в него разноразличных элементов, от распада его на множество разновидностей и от утраты им статуса British English – языка Шекспира, Байрона, Уальда, Джойса. Спасение языков – это и есть экологическая задача, которую должна решать эколингвистика.

А что такое лингвоглобалистика? На наш взгляд, лингвоглобалистика – это междисциплинарное исследовательское направление, предполагающее обращение к социолингвистике, психолингвистике, лингвистике универсалий, антрополоингвистике, дискурсивной

лингвистике, глобалистике. Совершенно очевидно, что одной из центральных задач лингвоглобалистики является изучение формирования и распространения так называемого глобального языка, т. е. английского.

«Экспансия» английского языка

Современное распространение английского языка как глобально часто называют экспансией, а порой и «вторжением» в другие языки и культуры.

«Начиная с 60-х гг. распространение английского языка как действительно всемирного языка (и это признается практически всеми странами) привело к тому, что он начал играть беспрецедентную роль во всем мире. Подобная ситуация возникла впервые в истории, и последствия ее непредсказуемы...», – отмечает Дэвид Кристал [Кристал 2001, с. 5].

С 1960-х гг. прошло уже более полувека, и сегодня, в 2021 г., можно смело сказать, что английский стал тем самым всемирным языком, что, в свою очередь, позволяет критиковать его и называть, как уже отмечалось выше, «тиранозавром» и «языком-убийцей». Мы не ставим цель оценить сложившуюся ситуацию, а хотим попытаться разобраться, в чем именно выражается экспансия английского языка.

Совершенно очевидно, что пока не представляется возможным вынести «окончательный приговор» проявлениям и последствиям мирового «господства» английского языка, но мы считаем, что сегодня можно выделить два вида проявления экспансии английского языка. Первое очевидное свидетельство – это, бесспорно, массовый приток так называемых англицизмов практически во все языки и замещение ими имеющихся в национальном языке аналогов.

Хорошо известно, что процесс заимствования из других языков – это неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка и один из основных источников пополнения его словарного фонда. Изучение и классификация заимствований уже давно привлекает внимание лингвистов, и не одно столетие ведутся споры о «чистоте» языка. Все мы помним пушкинское «Шишков, прости, не знаю, как перевести». Вот и сейчас вышла книга М. Елифёровой с говорящим названием «#Панталоныфракжилет»

и подзаголовком: «Что такое языковые заимствования и как они работают» [Елифёрова 2020]. Свой занимательный анализ заимствований разного уровня автор заканчивает блестящим резюме: «Язык реализуется только в общении, а заимствования – признак того, что общение успешно работает» [Елифёрова 2020, с. 247]. Сегодня как никогда мы видим эту работу межъязыкового общения.

Поэтапное вхождение заимствований в систему принимающего (заимствующего) языка хорошо описаны Л. П. Крысиным [Крысин 1991, с. 74–75]. Одни заимствования могут быть достаточно удачными и легко входить в чужой язык. Другие же с трудом проходят (или совсем не проходят) процесс адаптации. Интерес представляет топ-20 самых «неуклюжих» заимствованных слов, размещенный на сайте Института русского языка имени А. С. Пушкина. Среди них есть такие, которые вряд ли войдут в наш язык: *воркаут, воркшоп, квиз, коворкинг, коливинг, коммитмент, нетворкинг, эндаумент*.

Появление такого множества заимствований, несомненно, является результатом интенсивного языкового контактирования, которое мы наблюдаем сегодня. Считаем, что сказанное выше можно назвать экспансией английского языка на уровне языковой системы. Но, на наш взгляд, более интересным для изучения является другой процесс – процесс влияния английского языка на формирование языкового сознания и, соответственно, на формирование языковой личности эпохи глобализации. Это тоже связано с усилением языковых контактов, причем контактов именно с английским языком, которые начинаются с раннего детства. Мы имеем в виду формирование языкового сознания современного ребенка, который с раннего детства смотрит мультфильмы (в том числе англоязычные), слышит неродную речь и далеко не всегда «регистрирует» в своем сознании языковые границы. Он становится носителем своеобразного смешанного языка (русско-английского) и порождает такие миксированные «гибриды»:

Хосю дринк корову (молоко), Лук, это воте (water), хосю пить ти, о! какая вандерфул, яблоко грин лайк арбуз.

Эти «гибридные» детские высказывания (автору которых три года) представляют собой результат языкового контактирования и отражают первый этап формирования билингвального языкового сознания новой языковой личности.

Современный билингвизм: как он выглядит?

Прогноз Дэвида Грэддола о том, что будущее человеческое общество будет билингвальным, на наш взгляд, постепенно становится реальностью. Сегодня мы достаточно часто наблюдаем «двуязычие» не только у детей, но и во взрослой (особенно молодежной) части нашего общества. В значительной степени это двуязычие искусственно создается и поддерживается различными общественными институтами, и владение английским языком считается если не обязательным (а где-то и обязательным), то уж точно желательным, во всяком случае престижным. В результате мы видим активную интернационализацию речевых практик. Представляется, что кроме процесса заимствования активные языковые контакты и экспансия английского языка ведут к процессу интерферирования, происходящему в языковом сознании носителей русского языка.

На наш взгляд, далеко не все используемые англоязычные слова в русской речи являются заимствованиями. Многие из них употребляются неосознанно, практически автоматически. Нами был собран небольшой корпус таких интернационализированных реплик из разных источников (медиа, речь окружающих нас людей, в частности, студентов). Поскольку примеры собирались не только из устных, но и из письменных источников, нами был выявлен интересный факт: написание одних и тех же английских слов может быть как на латинице, так и на кириллице. Вот примеры такого двойного написания:

1. С механической коробкой это, по-моему, борщ, это прям *too much*...
2. Но, с другой стороны, невозможно жалко эту самостийную педагогиню, хотя с двенадцатилетним стажем работы (*ту мач*... – Н. Н., Д. К.).

В нашем корпусе достаточно много примеров гибридных фраз со словами, которые стали частотными в русском языке. Это слова типа «experience», «background», «message», «case», «go»:

1. Это был интересный *experience*;
2. Они естественны, они нормальны, потому что действительно у разных людей разный *бекграунд*, разные представления о современной жизни, и то, что у людей есть разные политические цели – это совершенно нормально;

3. Поставьте *ремайндер*.

Довольно часто можно встретить явление, когда английские слова используются в своей исконной орфографической и фонетической форме. Однако так же часто английские слова используются, приспособившись к системе русского языка, т. е. получают род, начинают склоняться или спрягаться, приобретают русские окончания, другими словами, русифицируются. Ниже приводятся примеры обоих вариантов использования английских слов:

1. Интрига. *Suspence*.
2. Просто фантастический у нас закат в небе над Германией. Просто нереально. *Unbelievable*.
3. То есть человек из Советского Союза, оттуда, со всем *бэкграундом*, и успешным, который был там.

Бросается в глаза то, что в гибридных высказываниях очень часто используются не отдельные слова, а целые готовые формулы (например, сочетание модального и смыслового глаголов). Это типичные формулы для рекламы одежды или шоу-мероприятий. Так появляются книги, которые *must read*, фильмы, которые *must see*, свитера, которые *must have*.

К приведенным в небольшом количестве примерам можно добавить еще один – реплику ведущих программы (на радио «Эхо Перми»). Прозвучала она так: «Передачу вели Константин Лях *and* Анна Букатова».

Несомненно, билингвизм, который мы сегодня наблюдаем, это не тот билингвизм, каким мы представляли его раньше и носителями которого были писатели-билингвы, такие как Владимир Набоков и Джозеф Конрад. Интенсивное использование английских слов не означает владение английским языком. Как нам представляется, это результат неуправляемого проникновения этих слов в языковое сознание носителя русского или другого национального языка и «смешения» с ним.

На наш взгляд, достаточно точное определение данному билингвизму дал А. В. Лемов, назвав его «маргинальным» [Лемов 2015]. С таким определением можно, как нам кажется, согласиться, поскольку английский язык у большинства людей занимает маргинальную позицию в языковом сознании, ограничивающуюся «присвоением» определенных разговорных формул.

Заключение

Наблюдение за современными речевыми практиками и процессами лингвистической глобализации позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Во-первых, экспансия английского языка, с которой связывают лингвистические процессы, происходящие в мире, является вполне естественным явлением, имеющим как отрицательные, так и положительные последствия. Отрицательные связаны с тем, что жертвами глобализации английского языка становятся, с одной стороны, национальные языки, а с другой – сам английский. Но положительным эффектом можно считать тот факт, что реализуется «мечта человечества» о всемирном языке и разрушении языковых барьеров между людьми.

Во-вторых, на наших глазах происходит интернационализация речевых практик, которая находит отражение в появлении всё большего количества межъязыковых гибридных высказываний, порождаемых все большим количеством людей разных возрастов и разных социальных групп. Это свидетельствуют о том, что формируется новый тип языковой личности, которая уже была названа, с одной стороны, глобализационной, а с другой – сетевой. Представляется, что изучение этого феномена и моделирование такой личности является одной из центральных задач лингвоглобалистики.

В заключение хочется привести слова Дэвида Кристала, который писал: «Настоящий лингвист должен испытывать большое удовлетворение от того, что является свидетелем столь стремительных перемен в языке. Ведь именно это предоставляет ему обширное поле деятельности для решения языковых проблем» [Кристал 2001, с. 8]. Сегодня мы являемся свидетелями того, как лингвистическое сообщество пытается решать языковые проблемы, возникающие в эпоху глобализации. Главная задача данной эпохи – найти баланс между формированием всемирного языка и сохранением родных национальных языков и любви к ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Елифёрова М. Панталоньфракжилет: Что такое языковые заимствования и как они работают. М.: Альпина, 2020. [Elifyorova, M. (2020). Pantalonyfrakzhilet: Shto takoe yazykovye zaimstvovaniya i kak onirabotayut. (What are language borrowings and how they work). Moscow: Al'pina. (In Russ.)].

- Кирилина А. В., Гриценко Е. С., Лалетина А. О.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 18–37. [Kirilina, A. V., Gricenko, E. S., Laletina, A. O. (2012). Globalizaciya v aspekte lingvistiki. (Globalisation in the aspect of linguistics). Journal of Psycholinguistics, 1(15), 18–37. (In Russ.)].
- Кристал Д.* Английский язык как глобальный / пер. с англ. Н. В. Кузнецовой. М.: Весь мир, 2001. [Crystal, D. (2001). Anglijskij yazyk kak global'nyj. (English as a global language), transl. by N. V. Kuznecova. Moscow: Ves' mir. In Russ.)].
- Крысин Л. П.* Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78. [Krysin, L. P. (1991). Etapy osvoeniya inoyazychnogo slova. (The stages of a foreign word adaptation). Russkij yazyk v shkole, 2, 74–78. (In Russ.)].
- Лемов А. В.* О языковой личности билингвов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 383–385. [Lemov, A. V. (2015). O yazykovoj lichnosti bilingvov (About the bilingual language personality). Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, 2, 383–385. (In Russ.)].
- Прошина З. Г.* Концепции глобализации английского языка // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2 (32–33). С. 12–30. [Proshina, Z. G. (2018). Konceptcii globalizacii anglijskogo yazyka. (The concepts of English language globalization). Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty, 1–2(32–33), 12–30. (In Russ.)].
- Трошина Н. Н.* Экология языка. Аналитический обзор. М. : РАН. ИНИОН. 2020. [Troshina, N. N. (2020). Ekologiya yazyka. Analiticheskij obzor. (The ecology of language. An analytical review). Moscow: RAN. INION. (In Russ.)].
- Graddol D.* The Future of English? A guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century. URL: <https://www.britishcouncil.jp/sites/default/files/eng-future-of-english-en.pdf> (accessed: 10.03.2021).
- Phillipson R.* English for globalization or for the world's people? // International review of education. 2001. Vol. 47. № 3/4. P. 185–200.
- Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University press, 1992.
- Rapatahana V., Bunce P.* (eds.). English Language as Hydra. (Its impacts on non-English language cultures) Bristol: Multilingual Matters, 2012.

И. С. Парина

кандидат филологических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой теории и практики немецкого языка и перевода
Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова
parinai@yandex.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОСТИ РУССКИХ
КОММУНИКАТИВОВ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
(на материале корпусов параллельных текстов НКРЯ)**

В статье на материале немецко-русского подкорпуса в составе Национального корпуса русского языка рассматривается вопрос о том, являются ли коммуникативы *дудки, очень надо, держи карман, вот еще, еще чего, ну прямо, черта с два* лингвоспецифичными относительно немецкого языка. Установлено, что разнообразие моделей и стимулов перевода, считающееся признаком лингвоспецифичности, у репликовых частиц объясняется переводческими решениями, а не уникальностью семантики рассматриваемых лексических единиц.

Ключевые слова: параллельные корпуса; коммуникативы, лингвоспецифичность; контрастивный анализ; НКРЯ.

I. S. Parina

PhD (Philology), Assistant Professor,
Head of the Department of German and Translation Studies,
Higher School of Translation and Interpreting,
State Linguistics University of Nizhny Novgorod
parinai@yandex.ru

**STUDY OF LANGUAGE SPECIFICITY
OF RUSSIAN COMMUNICATIVES AS COMPARED TO GERMAN
USING THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS**

The article is devoted to the study of language-specificity of Russian communicatives with the use of Russian National Corpus, German-Russian subcorpus. In corpus studies, a large number of different “models” and “stimuli”, i. e. correspondences of a language unit in contexts from the parallel corpora, is considered to be a marker of its language specificity. The communicatives possess this feature, but it might be due to the translators’ decisions, rather than the uniqueness of the semantics of the lexical units under consideration.

Key words: parallel corpora; communicatives; language-specificity; contrastive analysis; RNC.

Введение

Статья посвящена использованию корпусов параллельных текстов для изучения вопроса о том, являются ли некоторые русские коммуникативы лингвоспецифичными относительно немецкого языка.

Под коммуникативами мы, вслед за С. В. Мосалевой и И. А. Шароновым, понимаем слова и словосочетания, которые используются говорящими для совершения разнообразных ответных речевых действий в диалоге: выражения согласия с мнением собеседника, принятия предложения, выражения удовлетворения, удивления или радости. Коммуникативы – это функциональный класс, в который входят лексемы, разнородные с грамматической точки зрения: репликовые частицы, знаменательная лексика и устойчивые сочетания со знаменательными словами [Мосалева, Шаронов 2017, с. 46].

Коммуникативы по своему лексическому составу близки к дискурсивам-частицам, модальным наречиям и вводным словам – и в словаре нередко описываются вместе с ними, в рамках одного толкования. Однако между ними есть различие: в дискурсивной функции языковая единица выступает в качестве модификатора высказывания, а в репликовой – выполняет самостоятельный ответный речевой акт [Шаронов 2016, с. 607–608].

И. А. Шаронов отмечает недостаточный охват коммуникативов толковыми и специальными словарями, связанный, по всей видимости, с тем, что в качестве иллюстративного материала для словарей традиционно используются нарративные тексты, в которых частотность диалогических употреблений языковой единицы невелика [Шаронов 2016, с. 606].

Анализ некоторых крупных русско-немецких словарей [РНСПОЛ; ЛЕО; PONS; Langenscheidt] показал, что коммуникативам в них уделено недостаточно внимания. Так, ни один из рассмотренных коммуникативов (*дудки!*, *очень надо / нужно*, *держи карман [шире]*, *вот еще, еще чего, ну прямо, чёрта с два*) не зафиксирован в словаре издательства PONS для пары языков немецкий-русский объёмом свыше 550.000 единиц [PONS]. Эквиваленты только для одного из рассмотренных коммуникативов предлагаются в русско-немецком словаре издательства Langenscheidt объёмом 230.000 единиц [Langenscheidt]. В пользовательском многоязычном онлайн-словаре «Мультитран» представлены пять коммуникативов, и к каждому из них предлагается несколько

Таблица 1

Соответствия для коммуникативов в русско-немецких словарях

коммуникатив	Langenscheidt	РНСПОЛ	LEO	PONS	Мультигран
Дудки!	nichts da!, Abfahrt!	Pustekuchen!	Du bekommst keine Extrawurst gebraten! Du kriegst keine Extrawurst gebraten!	нет	gepiffen!; Denkste! Pustekuchen! Von wegen
очень надо / нужно	нет	нет	нет	нет	нет
держи карман [шире]	нет	нет	Du bekommst keine Extrawurst gebraten! Du kriegst keine Extrawurst gebraten! Man wird dir einen Storch braten!	нет	Ich werde ihm etwas husten! Man wird dir einen Storch braten! Für dich gibt's keine Extrawurst; Ich werde dir etwas niesen; Ich pfeif dir was! Pustekuchen! Darauf kannst du lange warten!
вот еще	нет	Das fehlte noch!	Das fehlte (gerade) noch!	нет	Nanu! Warum nicht gar! Ach wo!; I wo!; Oi; Das wäre ja noch schöner!;
еще чего	нет	нет	нет	нет	Kommt nicht in Frage! Das wäre noch besser! Hat sich was! So siehst du aus! Das wäre ja noch schöner! Das hätte noch gefehlt!
ну прямо	нет	нет	нет	нет	нет
чёрта с два	нет	So siehst du aus; Pustekuchen!	Das fehlte (gerade) noch! Von wegen!	нет	Das fehlte gerade noch. Denkste! Nichts dergleichen; von wegen!

соответствий [Мультитран URL]. Однако и в русско-немецком сегменте этого словаря нет сведений о коммуникативах *ну прямо и очень надо / нужно* (см. табл. 1).

При сравнении немецких соответствий можно заметить, что некоторые из них указаны в одном и том же словаре для нескольких коммуникативов (*Pustekuchen! Das fehlte (gerade) noch!*), в то время как соответствия, предлагаемые для одного и того же коммуникатива в разных словарях, различаются. В качестве одной из возможных причин непоследовательного описания коммуникативов в двуязычных словарях может рассматриваться отсутствие у этих слов и словосочетаний точных и полных эквивалентов в немецком языке, их лингвоспецифичность.

Лингвоспецифичность представляет собой компаративную категорию и выявляется на основании сопоставления лексической единицы с ее возможными соответствиями в одном или нескольких языках. Анна А. Зализняк определяет лингвоспецифичную лексическую единицу как лексему, которая содержит уникальную концептуальную конфигурацию, так что во всех существующих ее переводных эквивалентах не хватает какого-то семантического компонента или обязательно присутствует «лишний» компонент [Зализняк 2015]. В семантике лингвоспецифичных слов, как правило, присутствуют компоненты, связанные с «ключевыми идеями» языковой картины мира. Так, трудно найти лексические аналоги в других языках для культурно-значимых слов-концептов *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012]. Однако авторы отмечают, что этот признак не является обязательным, и к лингвоспецифичной лексике также относятся труднопереводимые слова, в семантике которых отсутствует явная связь с «ключевой идеей» [Зализняк 2015]. А. Д. Шмелев отмечает, что безэквивалентная лексика часто заимствуется и получает однозначное соответствие в переводящем языке, поэтому более интересны с точки зрения лингвоспецифичности лексемы, которые носители языка используют в повседневной речи, например, дискурсивные слова, такие, как *же, ведь, ну, вот* [Шмелев 2015]. Так, нами на основе анализа контекстов из немецко-русского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) была показана лингвоспецифичность частицы *ишь* относительно немецкого языка [Парина 2019].

Материалы и методы исследования

Для установления лингвоспецифичности лексем русского языка в исследованиях Д. О. Добровольского, Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [Добровольский 2015; Зализняк 2015; Шмелев 2015] используются корпуса параллельных текстов в составе НКРЯ [Национальный корпус русского языка URL].

Параллельные корпуса – это машиночитаемые базы данных, содержащие тексты в оригинале и, по меньшей мере, одном переводе. Результатом поиска в параллельном корпусе является подборка контекстов с искомым словом или словосочетанием как из оригиналов, так и из переводов, с сопоставленными им фрагментами перевода и оригинала, соответственно. Контексты снабжаются метаразмечкой – данными об авторе, переводчике, времени создания оригинала и перевода. Корпус параллельных текстов в составе НКРЯ включает в себя преимущественно художественные произведения, а также содержит небольшое количество газетных статей. Объём немецко-русского и русско-немецкого подкорпуса НКРЯ составляет более 28 миллионов слов в 261 документе, созданном с 1774 года по настоящее время [Национальный корпус русского языка URL].

Анна А. Зализняк выделяет ряд признаков лингвоспецифичности лексем, которые могут быть установлены на материале корпусов параллельных текстов. Так, лингвоспецифичность лексической единицы тем более вероятна в следующих случаях:

- чем больше у нее «моделей перевода» (под моделью перевода понимается слово или словосочетание, используемое в качестве эквивалента рассматриваемой лексической единицы в переводах), имеющих приблизительно равную частотность,
- чем больше среди этих моделей словосочетаний;
- чем чаще соответствие в переводе относится к иной части речи, чем в оригинале;
- чем больше есть «стимулов перевода» (стимул перевода – слово или словосочетание, в качестве реакции на которое появляется искомая единица в обратном переводе) с приблизительно равной частотностью;
- чем в большей доле случаев в иностранном оригинале отсутствует единица-стимул, которую можно было бы сопоставить появляющейся в переводе на русский язык лексической единице;

- чем больше список моделей для данной лексической единицы отличается от списка стимулов перевода;
- чем более частотной является лексическая единица по сравнению с ее моделями перевода [Зализняк 2015].

Результаты корпусного анализа

Для изучения вопроса о лингвоспецифичности русских коммуникативов *дудки!*, *очень надо / нужно*, *держи карман [шире]*, *вот еще*, *еще чего*, *ну прямо*, *чёрта с два* относительно немецкого языка методом сплошной выборки были выделены контексты с ними из немецко-русского и русско-немецкого подкорпуса НКРЯ и из них отобраны все случаи использования искомым единиц в функции коммуникативов.

Для словосочетания *ну прямо* примеров репликового употребления в корпусе параллельных текстов выявлено не было, хотя в одноязычном сегменте НКРЯ контексты с этим коммуникативом встречаются (1).

- (1) Как будто и не жил!.. – Ну прямо! – басыла мама. – Не жил!..
(Б. Е. Клетинич. *Мое частное бессмертие // «Волга», 2016*)

Для коммуникатива *очень надо / нужно* был найден только один пример (2):

- (2) «Will ich auch gar nicht», erklärte Lenz.» Ich will friedlich altern.
(E. M. *Remarque. Drei Kameraden, 1936*)
– Очень надо, – заявил Ленц. – Ничего не имею против того, чтобы благополучно состариться (Ю. Архипов, 1989).

Количество случаев репликового употребления в корпусе параллельных текстов для других коммуникативов составило от четырех (*держи карман*) до 35 (*вот еще*); контексты датировались 1835–2012 гг.; большинство из них относилось ко второй половине XX века. Ввиду небольшого общего количества выявленных контекстов, анализу были подвергнуты все они, независимо от даты создания.

Для коммуникативов *дудки!*, *держи карман [шире]*, *вот еще*, *еще чего*, *чёрта с два* в контекстах из корпуса представлены модели и стимулы, имеющие различную грамматическую структуру и отличающиеся от зафиксированных в словарях (см. табл. 1) эквивалентов.

Еще чего:

- модели: *Das fehlte noch. Kommt gar nicht in Frage! Das hättest du wohl gern!*
- стимулы: *Das hättest du wohl gern! Nichts da! Wo gibt's denn so was! Blödsinn! Quatsch*

Вот еще:

- модели: *Das wäre ja noch schöner! Wieso! Auch das noch! Na aber! Was du dir einbildest!*
- стимулы: *Unsinn! Ach wo! Ei was! Ach was!*
- дудки!
- модели: *Quatsch! Alles Redensarten!*
- стимулы: *O nein. Basta! Das paßt mir gar nicht, Das war eine Illusion! So blau!*
- держи карман [шире]
- модели: *Ja, Schnecken!*
- стимулы: *Das könnte euch so passen!*
- **чёрта с два** (употребление в качестве коммуникативов только в переводах),
- стимулы: *Einen Schmarren. Herrschaftseiten. Nee, det gloob ick nicht. Es is halt a Kreuz!*

На первый взгляд, эти коммуникативы отвечают критериям лингвоспецифичности: модели перевода неоднословны, наблюдаются расхождения между списками моделей и стимулов перевода.

Также были выявлены примеры, в которых рассматриваемые коммуникативы отвечали еще одному критерию лингвоспецифичности: в оригинале отсутствовала лексема или словосочетание – стимул для коммуникатива в переводе (3, 4)

- (3) Denkst du, ich fress' trocken Brot zum Vesper?
(*E. Strittmatter. Tinko, 1954*).

– Вот еще! Что я, один черный хлеб на ужин ем, что ли?
(*Вс. Розанов, 1956*).

- (4) «Ihr könnt im Lesebuch nachsehn, wenn ihr's nicht glauben wollt.»
«Vielleicht schleppen wir ein Lesebuch in den Chausseegraben!» (*E. Strittmatter. Tinko, 1954*).

Давайте посмотрим в учебнике, если не верите! – Еще чего! Учебник хочет тут в канаве рассматривать! (*Вс. Розанов, 1956*).

Однако на наш взгляд, добавление коммуникативов в переводе обусловлено решением переводчика использовать лексические средства для компенсации экспрессивности оригинала.

При анализе контекстов также было замечено, что коммуникативы используются переводчиками для компенсации диалектной окрашенности высказывания в оригинале. Так, в примере (5), (6) персонажи в оригинале говорят на берлинском диалекте.

- (5) Bei die Brüder? So blau! Die sind ja noch schlimma wie Vata! Imma bloß schimpfen un kommandieren! Nee, danke für Backobst, det is nischt für mich! (*H. Fallada. Jeder stirbt für sich allein, 1947*).

К этим-то? – протянул он. – Нет, дудки! Эти хуже отца. Только и знают, что ругаются и командуют! Нет уж, туда меня, не заманишь, спасибочки! (*Н. Касаткина, В Станевич, И. Татарина, 1971*).

- (6) Nee, det gloob ick nicht. Verrückt wollen sie eenen machen (*Alfred Döblin. Berlin Alexanderplatz, 1929*).

Черта с два. Только голову человеку морочат (*Г. А. Зуккау, 1935*).

Кроме того, подбор соответствия для того или иного коммуникатива во многом определяется индивидуальными предпочтениями переводчика.

Так, коммуникатив *вот еще* появляется в качестве соответствия для немецкого *Ach was* в переводе произведения К. Функе «Tintenblut», выполненном М. М. Сокольской, в пяти из пятнадцати контекстов (в остальных случаях используются соответствия *Подумаешь! Да ладно! Да брось. Ерунда все это!* и другие). Коммуникатив *Ach was!* также 18 раз встречается в книге К. Функе «Herr der Diebe», однако переводчик этого произведения – М. Л. Рудницкий – ни разу не передает его с помощью словосочетания *вот еще* и использует другие коммуникативы, выражающие несогласие: *Да что там! Да быть не может! Еще чего! Ерунда. Да ну! Да брось ты! Не говори глупости! Да ладно* (7, 8).

- (7) Ach was!«, erwiderte Elinor barsch – obwohl sie genau wusste, dass er Recht hatte (*C. Funke. Tintenblut, 2005*).

– Вот еще! – недовольно фыркнула Элино́р, хотя отлично знала, что он прав (*М. М. Сокольская, 2007*).

- (8) Ach was! Der wird uns nicht aufstöbern. Wespe rieb sich die Nase
(*C. Funke. Herr der Diebe, 2002*).
– Ерунда! Никого он не накроет. – Оса энергично потерла нос
(*М. Л. Рудницкий, 2004*).

Заключение

Несмотря на наличие некоторых внешних, количественных, признаков лингвоспецифичности (разнообразие моделей и стимулов, неоднословность моделей, появление коммуникативов в переводе при отсутствии стимула в оригинале), рассмотренные коммуникативы не являются лингвоспецифичными. Они не содержат уникальной концептуальной конфигурации и выполняют функцию совершения определенного ответного речевого действия. Сохранение этой функции при переводе с русского языка на немецкий и с немецкого языка на русский не представляет трудностей, и переводчики делают выбор из арсенала имеющихся лексических средств в соответствии с особенностями оригинала и индивидуальными предпочтениями.

В то же время исследование коммуникативов на материале корпусов параллельных текстов может быть полезно тем, что позволяет выявить для них соответствия, не зафиксированные в существующих лексикографических источниках, а также определить тактики, к которым переводчики прибегают для компенсации особенностей прямой речи в оригинале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Добровольский Д. О.* Лингвоспецифичная лексика в корпусах параллельных текстов // Речевые жанры современного общения: тезисы докладов Международной конф. «11-е Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015)». М.: ИРЯЗ им. В. В. Виноградова, 2015. С. 47–49. [*Dobrovolskii, D. O.* (2015). *Lingvospetsifichnaya leksika v korpusakh parallel'nykh tekstov* (Language-specific lexical units in parallel corpora). In: *Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniya. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii «11-e Shmelevskie chteniya (23–25 fevralya 2015)»* (pp. 47–49). Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Зализняк Анна А.* Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конф.

- «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.): в 2 т. 2015. Вып. 14 (21). Т. 1. С. 683–695. [Zalizniak, Anna A. (2015). Lingvospecificichnye edinicy russkogo jazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza (Russian Language-specific Words as an Object of Contrastive Corpus Analysis). In: Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii, 14(21), vol. 1, 683–695. (In Russ.)].
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. [Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2012). Konstanty i peremennye russkoj jazykovoj kartiny mira. (Constants and variables of the Russian language picture of the world). Moscow: LRC Publishing House (In Russ.)].
- Мосалева С. В., Шаронов И. А.* Особенности употребления коммуникативов группы подтверждения и согласия // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. Вып. 11 (32). С. 46–56. [Mosaleva, S. V., Sharonov, I. A. (2017). Osobennosti upotreblenija kommunikativov grupy podtverzhdenija i soglasija. (Pragmatic peculiarities of communicatives, expressing confirmation and agreement). RSUH/RGGU Bulletin: Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies, 11 (32), 46–56. (In Russ.)].
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (Russian National Corpus)]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 21.02.2021).
- Парина И. С.* Использование корпусов параллельных текстов в исследовании лингвоспецифичной лексики // Германистика сегодня: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 16–17 октября 2018 г.). Казань: Изд-во Казанского университета, 2019. С. 155–159. [Parina, I. S. (2019). Ispol'zovanie korpusov parallel'nykh tekstov v issledovanii lingvospetsifichnoi leksiki (Using parallel corpora in the study of language-specific lexical units). In: Germanistika segodnya (pp. 155–159). Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russ.)].
- Мультитран [Multitran] URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 21.02.2021).
- Цвиллинг М. Я.* Русско-немецкий словарь по общей лексике (РНСПОЛ). 150 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005. [Tsvilling, M. Ya. (2005). Russko-nemetskii slovar' po obshchei leksike. 150 tys. slov i slovosochetanii. (Russian-German dictionary of general vocabulary. 150 thousand words and phrases). Moscow: Russkii yazyk-Media. (In Russ.)].
- Шаронов И. А.* Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). 2016.

Вып. 15 (22). С. 605–615. [Sharonov, I. A. (2016). Diskursivnye slova i kommunikativy. (Discursive Words and Communicatives). In: Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii, 15(22), 605–615. (In Russ.)].

Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.): в 2 т. 2015. Вып. 14 (21). Т. 2. С. 584–595. [Shmelev, A. D. (2015). Russkie lingvospecifichnye leksicheskie edinicy v parallel'nyh korpusah: vozmozhnosti issledovaniya i «podvodnye kamni» (Russian Language-specific Lexical Units in Parallel Corpora: Prospects of Investigation and «Pitfalls»). In: Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii, 14(21), vol. 2, 584–595. (In Russ.)].

Langenscheidt Online-Wörterbuch. URL: <https://de.langenscheidt.com/deutsch-russisch/> (дата обращения: 21.02.2021).

LEO [LEO's dictionaries]. URL: <https://dict.leo.org> (дата обращения: 21.02.2021).

PONS [PONS dictionary. Definitions, Translations and Vocabulary]. URL: <https://ru.pons.com> (дата обращения: 21.02.2021).

Р. И. Проклов

преподаватель МГУ им М. В. Ломоносова,
аспирант кафедры португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
Fermoso@list.ru

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
В БРАЗИЛЬСКОМ РОМАНЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА
(на материале романа «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы»)**

В статье анализируются лексические единицы бразильского варианта португальского языка, используемые в тексте романа известного бразильского писателя Афонсо Энрике де Лима Барreto, «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы», для вербализации этнического самосознания. Устанавливается их номенклатура, выявляются наиболее частотные лексические единицы, маркирующие этническое самосознание, приводятся их качественная и количественная характеристики.

Ключевые слова: этническое самосознание; культурная идентичность; этническая идентичность; художественный дискурс; бразильская литература.

R. I. Proklov

Lecturer, Lomonosov Moscow State University,
PhD Student, Department of the Portuguese Language,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University
Fermoso@list.ru

**LEXICAL MEANS OF ETHNIC CONSCIOUSNESS
FORMING IN BRAZILIAN NOVEL OF THE FIRST THIRD
OF THE XX CENTURY**

The article explores lexical units of Brazilian Portuguese used in the novel «The Sad End of Policarpo Quaresma» by the famous Brazilian writer Afonso Henriques de Lima Barreto to verbalize ethnic identity. The focal point of the study is to establish and analyse lexical means which contain elements of Brazilian ethnic consciousness. These means were listed and submitted to quantitative and qualitative analysis.

Key words: ethnic consciousness; ethnic identity; cultural identity; artistic discourse; Brazilian literature.

Введение

Проблема этнического самосознания и идентичности служит на протяжении долгих лет предметом спора среди ученых. Размышления на эту тему мы можем встретить в трудах таких ученых, как А. Д. Тойнби, С. Хантингтон, О. Шпенглер, а в одной из последних работ Ю. Н. Харари выдвигается идея о том, что мы идем к «единой цивилизации» [Харари 2020, с. 142].

Применительно к Латинской Америке некоторые специалисты отмечают, что в настоящее время в этом регионе наблюдаются процессы становления этнического самосознания и поиска национальной идентичности [Мартынов 2008].

Объектом нашего исследования является бразильский художественный дискурс. Мы понимаем, что в современной лингвистике нет четкого определения понятия «дискурс», более того, некоторые ученые придерживаются мнения, что к художественному тексту оно «неприложимо» [Дымарский 1998, с. 24]. Однако мы полагаем, что художественный дискурс можно рассматривать как «диалогическую и динамическую мыслительно-речевую практику», обладающую следующими характеристиками: «местом, временем, культурно-историческим и социально-психологическим контекстом говорения и слушания, характером намерений говорящего и слушающего, характеристиками объекта, особенностями специализированных языков, которыми кодируется сообщение, а также особенностями языков декодирования» [Миловидов 2016, с. 13]. Каждая литература стремится отразить национальную специфику, в основе которой находятся исторические и национальные особенности, а ее главная задача заключается в формировании «своей собственной самобытности» [Coutinho 2002, с. 55].

Выбор в качестве предмета исследования лексических единиц, выражающих этнокультурную специфику, обусловлен тем, что «между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит, имеется весьма четкая связь» [Вежбицкая 1999, с. 263]. А. Вежбицкая приводит примеры, связанные с номинацией еды, обычаев и традиций. Она приходит к выводу о том, что для понимания культуры необходимо изучение лексического состава языка данной культуры [Вежбицкая 1999]. В свою очередь, мы используем теоретические положения, предложенные А. Вежбицкой, в отношении художественного текста, написанного на бразильском варианте португальского языка.

Актуальность нашего исследования объясняется происходящими в настоящее время в Латинской Америки процессами становления этнического самосознания и поиском национальной идентичности.

В работе мы предпринимаем попытку выявить наиболее частотные лексические единицы, содержащие элементы этнического самосознания, осуществить их количественный и качественный анализ, а также интерпретировать полученные результаты.

Материал и методы

Роман «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы» (*Triste fim do Policarpo Quaresma*) с 1911 г. выходил в виде фельетонов в «Журнал ду Комерсио», сама книга была опубликована в 1915 г. Действие романа разворачиваются в эпоху первых лет Бразильской Республики (1889–1930).

Композиционно роман разделен на три части, в которых описывается судьба майора Поликарпа Куарезмы, пытающегося на протяжении всей книги ответить на два ключевых вопроса: кто такие бразильцы, и где место Бразилии в мире?

Роман привлекает внимание множества зарубежных исследователей: речь идет о десятках, если не о сотне научных работ, включая весьма объёмные монографии, в которых анализируются различные языковые характеристики данного художественного произведения. В большинстве работ затрагиваются вопросы, связанные с национальной или этнической идентичностью. Только в 2020 году было подготовлено около десятка исследований на материале «Печальной судьбы Поликарпо Куарезмы». Однако несмотря на высокий интерес со стороны зарубежных ученых в отечественной филологии существует лишь несколько литературоведческих работ, в которых упоминается произведение Лима Баррето. Найти лингвистические работы, подготовленные на материале романа, в открытом доступе было невозможно.

В ходе исследования мы использовали метод непосредственной выборки, а также специализированное программное обеспечение для обработки естественного языка WordSmith 8.0. В качестве эмпирического материала выступает роман «Печальная судьба Поликарпа Куарезмы», изданный «Editora Nova Fronteira» в 2014 г. При передаче лексических единиц на русский язык мы опираемся на перевод, выполненный

В. Петровым [Баррето 2015]. Общий объём корпуса исследования составляет около 57000 слов, или около 395000 знаков с пробелами.

Лингвокультурные параметры исследования

Одним из объектов лингвокультурологии выступает прецедентный текст, представляющий «культурный минимум», знание которого обязательно для представителей данной культуры [Карасик 2002, с. 124]. По этой причине для лингвокультурологического анализа нами был выбран художественный текст, отвечающий критериям прецедентности. Роман Лимы Барретто «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы» следует отнести к национальной интертекстуальной энциклопедии [Денисова 2003], что обусловлено его высокой значимостью в бразильском культурном пространстве, где эта книга регулярно переиздается и была экранизирована, а посольство Бразилии в Москве поддержало его перевод на русский язык и публикацию в России.

Жанр бразильского романа первой трети XX в. имеет ряд специфических черт, что обусловлено сложившейся культурной ситуацией рубежа XIX–XX вв., которая ощутимо соотносится с концептуализацией национального смысла, идеологией самоидентификации, развивающейся с момента провозглашения государственной независимости в 1822 году [Надьярных 2007]. В начале XX в. появляется ряд художественных произведений, ставящих вопрос об этнической идентичности. Эти произведения впоследствии стали классическими произведениями бразильской литературы, например, произведения Серганы Эуклидеса да Кунья, Ханаан Грасы Араньи и т. д. В свою очередь роман Лимы Барретты рассматривается как попытка «разработки таких ментальных категорий, как “родина” и “национализм»» [Germano 2000, с. 19]. Таким образом, можно говорить о том, что одной из главных отличительных особенностей бразильского романа начала XX в. является поиск национальной идентичности.

В настоящем исследовании мы рассматриваем лингвокультурные параметры бразильского варианта португальского языка с позиции «взаимосвязи языка и концептуализаций, которые являются конструктами культуры и объективируются в языке» [Питерс 2017, с. 39]. При этом язык выступает в качестве «хранилища коллективного опыта

и является составной частью культуры», так как «язык не отражает мир, а интерпретирует его» [Карасик 2002, с. 122].

Этническое самосознание и идентичность

В исследовании мы исходим из того, что идентичность не может быть отделена от субъективной реальности, она является ее ключевым элементом, который связан с социумом и формируется под его воздействием. В работе мы опираемся на положения, выдвинутые П. Бергером и Т. Лукманом, которые считают, что идентичность – это социальный конструкт, в основе которого лежит «диалектическая взаимосвязь индивида и общества» [Бергер, Лукман 1995, с. 280]. Мы рассматриваем лексико-семантические единицы как часть этого конструкта, которая может быть вербализована при помощи языковых средств, маркирующих этническое самосознание.

Развивая данный тезис, мы отмечаем, что, согласно определению Н. Н. Трошиной, «культурная идентичность – это отождествление с культурной традицией общества, а этническая идентичность – отождествление себя с определенной этнической группой» [Трошина 2000, с. 61]. Иными словами, культурная традиция общества равно, как и этническая принадлежность, могут быть «сконструированы», что мы и пытаемся подтвердить результатами исследования.

Этническое самосознание понимается нами, вслед за В. Хотинец, как «относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих признаков жизнедеятельности человека. В итоге формирования данной системы человек осознает себя в качестве представителя этнической общности» [Хотинец 2000, с. 88]. Необходимо, исходя из вышеупомянутого, установить некоторые «этнодифференцирующие признаки», вербализуемые языком и хранящиеся в прецедентных текстах, а, значит, получившие широкое распространение и признание в бразильском культурном пространстве.

Лексические средства вербализации бразильского этнического самосознания

В ходе проведенного нами анализа были выделены три лексико-семантические группы реалий: географические реалии и эндемики,

общественно-исторические реалии, а также этноспецифические реалии.

В первой группе мы можем выделить репертуар лексических средств, используемый для вербализации ландшафта, флоры и фауны, сельскохозяйственных культур и природных ископаемых. Рассмотрим нижеперечисленный список лексем.

Географические реалии и эндемики

1. *Ландшафт:*

rampas do Sul (южные пампы), altura da Paulo Afonso (возвышенности Паулу-Афонсу), Amazonas (Амазонка).

2. *Флора:*

beijos-de-frade (бальзамин), palmas-de-santa-rita (гладиолус), quaresmas (тибухин), manacás melancólicos (брунфельсия питанга).

3. *Фауна (животные и птицы):*

Saguinus (тамарины), tatus броненосцы, cutias (агути), preás (бразильские свинки), cobras variadas (змеи различных видов), saracuras (погоньши), coleiros (рисовые и вьюрковые овсянки), tiés-vermelhos (танагры), apuns (ани), caítitus (пекари), jacus (пенелопы), onça (ягуары), golas (горлицы), sanhaçus (трауписы).

4. *Сельскохозяйственные культуры:*

batatas-doces (картофель), aipins (сладкий маниок), laranjeiras (апельсиновые деревья), abacateiros (авокадо), pessegueiros (персиковые деревья), abacaxis (ананасы), abóboras (тыквы), jabuticabas negras (черные жабутикабейры), melancias (арбузы), as mangas (плоды манговых деревьев), saju (кешью), jacas (плоды хлебного дерева), jambos (жамбо), café de São Paulo (кофе Сан-Паулу), árvore de borracha em Mato Grosso (каучуконосы, растущие в Мату-Гросу).

5. *Природные ископаемые:*

argilas (глина), areia (песок), blocos de granito (глыбы гранита), o ouro e os diamantes de Minas (золото и алмазы Минас-Жерайса), petróleo na Bahia (нефть в Байте).

Отметим, что как в количественном, так и качественном отношении преобладают лексические единицы, связанные с сельским

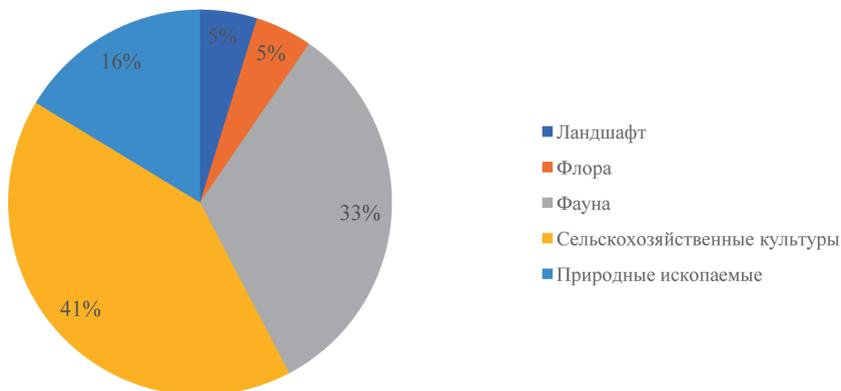

Рис. 1. Географические реалии и эндемики

хозяйством и животным миром. На графике (см. рис. 1) мы можем проследить, что более 40% от общего количества единиц данной тематической группы приходится на лексические единицы, связанные с сельскохозяйственными культурами, затем следуют наименования животных и птиц.

В меньшей степени бразильцам интересно их культурное и культурно-историческое наследие. Ниже представлен список лексических единиц второй группы, который разбит на соответствующие тематические блоки.

Общественно-исторические реалии

1. Культурно-исторические реалии:

Guerra do Paraguai (Парагвайская война),
guerras holandesas (сражения с голландцами).

2. Народные песни и танцы:

Tangolomango (Танголоманго), modinha (модинья),
Viçho Tutu (Вишо Туту (чудовище)).

3. Праздники:

День непорочного зачатия (Festa da Conceição),
карнавал (carnaval).

4. *Гастрономия:*

Frango com petit-pois (цыпленок с голубиным горохом), manteiga (масло (из молока, а не из жиров)), álcool puro (водка), vinho do Rio Grande (вино из Риу-Гранди), toucinho (сало, шпик), arroz (рис).

5. *Архитектура:*

Quinta de Pedro (Дворец Педру); Itamaraty (Дворец Итамарати); Praça da República (Площадь Республики).

6. *Литература:*i. *Персонажи:*

Ubirajara (Убиражара).

ii. *Художественные произведения:*

Bento Teixeira («Prosopopeia») Бенто Тейшейра («Прозопопейи»), Gregório de Matos (Грегориу де Матос), Basílio da Gama (Базилиу да Гама), Santa Rita Durão (Санта-Рита Дуран), José de Alencar (Жозе де Аленкар), Macedo (Маседу), Gonçalves Dias (Гонсалвес Диас).

iii. *История Бразилии:*

Hans Staden (Ганс Штаден), Jean de Léry (Жан де Лери), Saint-Hilaire (Сент-Илер), Martius (Марциус), Príncipe de Neuwied (принц Нойвид), John Mawe (Джон Мейв), von Eschwege (фон Эшвеге), Agassiz (Агассис), Couto de Magalhães (Коту де Магальяйнс), Darwin (Дарвин), Freycinet (Фрейсине), Cook (Кук), Bougainville (Бугенвиль), Pigafetta (crônica da viagem de Magalhães) Пигафетта (хроники путешествия Магеллана), Gabriel Soares (Габриэл Соарес), Gândavo (Гандаво), Vicente do Salvador (Висенте ду Салвадор), Armitage (Армитажи), Aires do Casal (Айрес ду Казал), Pereira da Silva (Перейра да Силва), Handelman «Geschichte von Brasilien» (Гандельман), Melo Moraes (Мело Мораес), Capistrano de Abreu (Капистрано де Абреу), Southey (Сауси), Varnhagen (Фарнхаген), Rocha Pita «História da América Portuguesa» (Роша Пита «Истории Португальской Америки»), revistas do Instituto Histórico, no Fernão Cardim (журналы Исторического института, трактаты Фернана Кардима), cartas de Nóbrega (письма Нобреги), anais da Biblioteca (ежегодники Национальной библиотеки).

Мы можем констатировать отсутствие лексико-семантических групп, связанных с народным творчеством, изобразительным искусством и прочими видами искусств. В рамках данной работы мы

не можем с уверенностью сказать, с чем это связано, однако, по нашему мнению, данный факт заслуживает внимания исследователей и должен быть рассмотрен в дальнейших работах по данной проблематике. Тем не менее мы не можем не отметить то, что в обозреваемый период основные культурные институты только находились в процессе своего формирования [Fanini 2010].

Практически отсутствуют лексические единицы, связанные с фольклором, за исключением народных песен, что свидетельствует об отсутствии устоявшихся дискурсивных и социокоммуникативных практик в обществе, связанных с этой сферой, что подтверждается словами автора романа: «Почти все традиции и песни оказались заимствованными за рубежом, в том числе и “Танголоманго”. Поэтому следовало создать нечто свое, оригинальное; вещь, выросшую на бразильской почве и напоенную бразильским воздухом» [Баррето 2015, с. 43].

Мы хотели бы подробнее остановиться на литературе, так как в самом произведении эта тема активно затрагивается, что свидетельствует о том, что в бразильской культуре уже сложился некий набор прецедентных художественных текстов, большая часть из которых написана португальцами в XVII–XVIII вв., однако в тексте романа упоминается и много бразильских писателей, например, Санта-Рита Дуран, Грегориу де Матос, Жозе де Аленкар и др. «Его национализм – результат долгих лет чтения и исследований Бразилии» [Freire 2012, с. 55].

Наравне с художественными произведениями отметим и сформировавшийся набор прецедентных историографических текстов. В представленном выше списке отмечены упоминаемые в романе произведения авторов и издания, посвященные истории Бразилии, среди этих авторов есть представители различных национальностей, в том числе, немцы и французы. Данные факты свидетельствуют об уже сложившемся взгляде на историю, а упоминание этих работ говорит об их релевантности для бразильского культурного пространства. Однако такой взгляд был сформирован иноземцами, колонизаторами, о чем рассказывается в самом произведении. Автор приводит в тексте романа наименования некоторых специализированных изданий по истории Бразилии, которые только начинают издаваться в Республике, что демонстрирует начало процесса интерпретации и пересмотра истории в бразильском обществе первой трети XX века.

Мы бы хотели отметить отсылку к другому прецедентному тексту – произведению Жозе де Аленкара «Убиражара», написанному в 1874 г. Лима Барретто называет Поликарпа – Убиражара, главного героя одноименного романа, чье имя в Бразилии стало тождественным всему исконно бразильскому.

На графике (см. рис. 2) представлен количественный анализ упомянутых ранее лексических единиц. Мы бы хотели отметить, что основные тематические блоки среди культурных реалий представлены лексическими единицами, используемыми для обозначения народных песен, литературных и историографических работ.

Существенным пластом лексических единиц, вербализующих этническое самосознание, являются этноспецифические реалии, к которым мы относим следующие лексемы: *caboclo* (кабоккло), *tupi-guarani* (тупи-гуарани), *língua do tupi-guarani* (язык тупи-гуарани).

Необходимо пояснить, что кабоккло – это человек смешанного происхождения, чье предки были представителями «коренного населения Бразилии и европейцев» [Aurélio 2010, с. 371]. Тупи-гуарани – группа племен, населявших и населяющих Бразилию [Houaiss 2015, с. 944].

В тексте романа главный герой неоднократно обращается к проблеме национального языка, постоянно утверждая, что язык племен тупи-гуарани является подлинным государственным языком Бразилии «и просит Национальный конгресс объявить тупи-гуарани государственным и национальным языком бразильского народа» [Барретто 2015, с. 69].

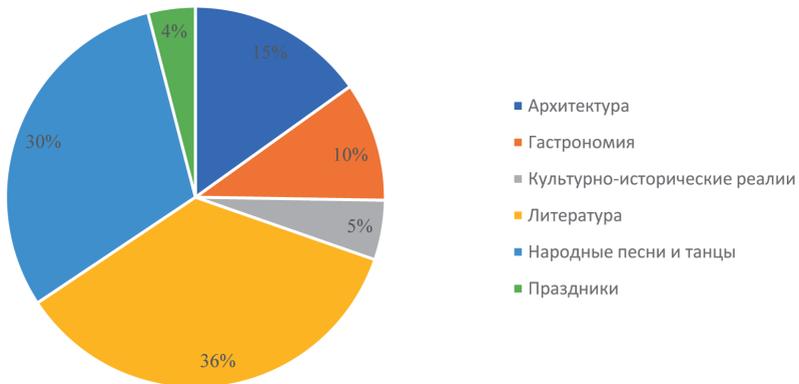

Рис. 2. Общественно-исторические реалии

На графике (см. рис. 3) представлены количественные характеристики данного лексико-семантического поля. Принимая во внимание полученные результаты, мы можем констатировать, что вопрос о государственном языке стоит достаточно остро, португальский язык рассматривается в данном произведении как часть навязанного, колониального наследия.

Заключение

В ходе исследования на материале одного из **прецедентных художественных текстов** был установлен предполагаемый репертуар лексико-семантических средств, вербализующих этническое самосознание бразильцев в первой трети XX века. Основываясь на частотности употребления соответствующих языковых единиц в проанализированном романе, мы можем выделить три доминирующие лексико-семантические группы реалий, связанных с фауной, сельскохозяйственными культурами и литературой, а именно: *бальзамин, гладиолус, тибухин, брунфельсия питанга, тамарин, броненосец, агути, бразильские свинки, змеи различных видов, погоньи, овсянка, танагр, ани, пекарь, пенелопа, ягуар, горлица, траупис, Убиражара* и др.

На основе вышесказанного можно предположить, что в начале прошлого века бразильское этническое самосознание в значительной

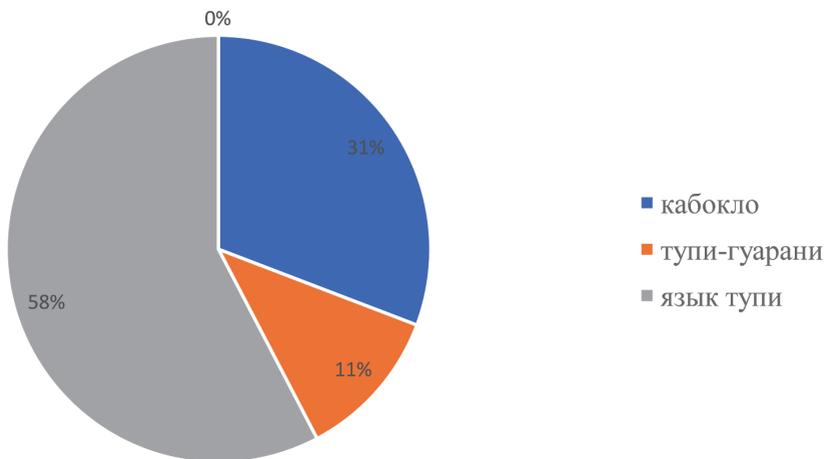

Рис. 3. Этноспецифические реалии

степени определялось природным разнообразием страны. Культурная традиция в Бразилии на тот момент формировалась под влиянием европейского культурного наследия. По этой причине мы можем говорить о том, что в тот период в Бразилии еще не были сформированы устойчивые представления о собственной культуре. Культурно-историческая традиция была выражена слабо, однако уже существовала историческая память о войнах и иных значимых событиях. Описанные выше факты позволяют констатировать, что вопрос о поиске и осознании себя как этнической группы уже остро стоял в бразильском обществе в начале XX века и являлся предметом литературного осмысления в жанре бразильского романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Барreto Л.* Печальная судьба Поликарпо Куарезмы. М.: Симпозиум, 2015. [Barreto, L. (2015). Pechalnaya sudba Polikarpo Kuarezmy. (The Sad End of Policarpo Quaresma). Moscow: Simpozium. (In Russ.)].
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. [Berger, P., Luckmann, T. (1995). The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. Moscow: Mosk. filos. fond. (In Russ.)].
- Везбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. [Vezhbickaya, A. (1999). Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov. (Semantics: Primes and Universals). Moscow: Yazyki russkoj kultury. (In Russ.)].
- Денисова Г. В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. [Denisova, G.V. (2003). V mire interteksta: yazyk, pamyat, perevod. (In the world of intertext: language, memory, translation). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].
- Дымарский М.Я.* Текст – дискурс – художественный текст // TEXTUS. 1998. №3-1 (3). С. 18–26. [Dymarskij, M. Ya. (1998). Tekst – diskurs – hudozhestvennyj tekst (Text – discourse – literary text). TEXTUS, 3-1(3), 18–26. (In Russ.)].
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V. I. (2002). Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. (Language circle: personality, concepts, discourse). Volgograd: Peremena. (In Russ.)].
- Мартынов Б. Ф.* Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. М.: Наука, 2008. [Martynov, B. F. (2008). Braziliya – gigant v globaliziruyushchemsya mire. (Brazil in globalizing world). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Миловидов В. А.* Семиотика литературно-художественного дискурса. М.: БУКИ ВЕДИ, 2016. [Milovidov, V. A. (2016). Semiotika literaturno-hudo-

zhstvennogo discursa. (Semiotics of literary-and-artistic discourse). Moscow: BUKI VEDI. (In Russ.)].

Надъярных М. Ф. Бразильская литература XX века: проблема становления национальной традиции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. [Nadyarnyh, M. F. (2007). Brazilskaaya literatura XX veka: problema stanovleniya nacionalnoy tradicii (Brazilian literature in XX century: the issue of national traditional formation): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Путерс Б. Прикладная этнолингвистика – это лингвокультурология, но лингвокультурология ли? // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 37–50. [Peeters, B. (2017). Prikladnaya etnolingvistika – eto linvokul'turologiya, no linvokul'turologiya li? (Applied ethnolinguistics is cultural linguistics, but is it cultural linguistics)? Zhanry rechi, 1(15), 37–50. (In Russ.)].

Трошина Н. Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М. : РАН. ИНИОН, 2000. С. 59–82. [Troshina, N. N. (2000). Tema nacional'no-kul'turnoj identichnosti v diskurse massmedia (Topic of national-cultural identity in media discourse). In: Etnokul'turnaja specifika rechevoj dejatel'nosti (pp. 59–82). Moscow: RAN INION. (In Russ.)].

Харари Ю. 21 урок для XXI века М.: Синдбад, 2020. [Harari, Yu. (2020). 21 urok dlya XXI veka. (21 lesson for 21 century). Moscow: Sindbad. (In Russ.)].

Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. [Hotines, V. Yu. (2000). Etnicheskoe samosoznanie (Ethnic conscience). St. Petersburg: Aletejja. (In Russ.)].

Coutinho F. E. Discurso literário e construção da identidade brasileira // Lêgua & meia: revista de literatura e diversidade cultural. 2002. № 1. P. 54–63.

Dicionário Aurélio da Língua Portuguesa. Curitiba: Positivo Editora. 2010.

Fanini M. A. A (in)elegibilidade feminina na Academia Brasileira de Letras: Carolina Michaëlis e Amélia Beviláqua // Tempo Social. 2010. № 22(1). P. 149–177.

Freire M. O problema da identidade nacional em Triste fim de Policarpo Quaresma 2012 // UNIABEU Belford Roxo. 2012. № 5 (10). P. 51–66.

Germano I. M. P. Alegorias do Brasil: imagens de brasilidade em Triste fim de Policarpo Quaresma e Viva o povo brasileiro. 2000.

Pequeno Dicionário Houaiss da Língua Portuguesa / ed pela M. F. Jacinto [et al.]. São Paulo: Instituto Antonio Houaiss De Lexicografia. 2015.

М. Б. Раренко

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела языкознания
Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук
rarencо@rambler.ru

**РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ ДИСКУРСА
СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ**

В статье рассматриваются речевые практики развивающегося в настоящее время в России дискурса социальной гармонии – социальная реклама, социальный перевод и социально ориентированная художественная литература; определяется их коммуникативный потенциал. При всех их различиях данные речевые практики объединяются своей прагматической направленностью, а именно – способствуют установлению и поддержанию социальной гармонии в обществе.

Ключевые слова: дискурс социальной гармонии; социальная реклама; социальный перевод; социально ориентированная художественная литература; миграционные процессы; миграционная лингвистика; (социальная) справедливость; процессы гуманизации.

M. B. Rarenko

PhD (Philology), Senior Research Fellow,
the Centre for Linguistics, Institute of Scientific Information
for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences
rarencо@rambler.ru

**SPEECH PRACTICES
OF SOCIAL HARMONY DISCOURSE**

The article examines the speech practices of the social harmony discourse, which is currently developing in Russia, such as: social advertising, social translation (community interpreting) and socially oriented fiction; their communicative potential is also determined. Despite all their differences, these speech practices are united by their pragmatic orientation, namely, they contribute to the maintenance and establishment of social harmony in the society.

Key words: social harmony discourse; social advertising; social translation; socially oriented fiction; migration processes; migration linguistics; (social) justice; humanization processes.

Введение

Для стабилизации социальных отношений в обществе большое значение имеют речевые практики, направленные на гуманизацию атмосферы в обществе, т. е. практики дискурса социальной гармонии. Их адресатами являются социальные группы, положение которых в обществе нередко близко к социальной изоляции: граждане страны, имеющие серьезные проблемы со здоровьем, мешающие им активно участвовать в социальной жизни общества (например, инвалиды по слуху и зрению); пожилые и несовершеннолетние; одинокие люди, а также мигранты, вынужденные покинуть прежние места проживания в силу разных причин – политических, экономических, культурно-социальных и пр. Все они нуждаются в более толерантном отношении к себе. Цель гуманизации состоит в том, чтобы создать условия для гармоничного развития как отдельной личности, так и общества в целом. Процессы общественной гуманизации нуждаются в поддержке социальных институтов и целенаправленном формировании дискурса социальной гармонии.

Поле, в рамках которого появляются новые речевые практики, мы предлагаем обозначить как дискурс социальной гармонии в противовес агрессивному дискурсу, который также стремительно развивается, являясь реакцией людей на внутреннюю неудовлетворенность происходящими в обществе процессами (в том числе и на межличностном уровне).

В качестве основных практик дискурса социальной гармонии на настоящий момент следует признать социальную рекламу, социальный перевод и социально ориентированную художественную литературу.

Социальная реклама как ресурс дискурса социальной гармонии

Нет сомнений в том, что социальная реклама имеет мощный потенциал для формирования общественного мнения, его корректировки и манипулирования им. Истоки современной социальной рекламы следует искать в рекламе коммерческой, а также политической (частным случаем которой следует признать политический плакат). В начале XX века, когда в России стал формироваться новый социальный строй, большие усилия были предприняты для того, чтобы

сформировать у граждан страны привлекательный образ нового государства, основанного, прежде всего, на принципе социальной справедливости – категории, к которой в русской лингвокультуре всегда относились и относятся с большим пиететом, считая ее, без преувеличения, базовой ценностью русской культуры.

Таким образом, развитие социальной рекламы на протяжении всего XX в. в России было политически мотивировано. Однако на рубеже XX–XXI вв. социальная реклама немного меняет своего адресата: если до этого она обращалась к обществу в целом, ориентировалась на его интересы и потребности, то теперь адресатом становится отдельная личность или конкретная социальная группа.

К главным темам социальной рекламы относятся:

- 1) уважение к социально незащищенным категориям граждан (пожилым, несовершеннолетним, малообеспеченным, одиноким, людям с особенностями здоровья, мигрантам и пр.);
- 2) права и взаимные обязательства граждан;
- 3) гармоничные отношения в семье как особой гуманитарной ценности современного общества.

В основе трактовки этих тем в рамках дискурса социальной гармонии лежит понятие социальной справедливости.

Каналами социальной рекламы являются: наружная (уличная) реклама, телевидение, печатные СМИ, Интернет и (в меньшей степени) радио. Большое значение имеет размещение социальной рекламы на билбордах, поскольку такая реклама охватывает большой спектр адресатов. Используя вербальные и невербальные средства передачи информации, социальная реклама наглядно показывает, как потенциально «плохая» ситуация может превратиться в «хорошую».

В основе механизма работы социальной рекламы лежит простая бинарная оппозиция «плохо» / «хорошо». Социальная реклама направлена на формирование у адресатов определенной системы ценностей, т. е. «плохое» подвергается осуждению; «хорошее», напротив, возводится в социальной рекламе в принцип «как следует поступать». Описывая в левой части плаката изначальную «плохую» ситуацию, социальная реклама апеллирует к свойственной русской лингвокультуре положительной ассоциации с понятиями «правый» и, соответственно, «справа» как к чему-то хорошему, заслуживающему одобрения, признания, похвалы (*дело правое, быть правым*)

и отрицательной – с понятием «левый» (*левые доходы; сходить на лево*). Такое пространственное размещение вербальной и визуальной информации в социальной рекламе – слева направо – должно укрепить уверенность адресанта в правильности его выбора.

Социальная реклама является высоко эффективным информационным каналом, благодаря, во-первых, охвату широкой аудитории; во-вторых, благодаря лежащему в ее основе относительно простому принципу манипуляции человеческим сознанием; в-третьих, благодаря заложенной уже в самом тексте рекламы «подсказке» – как нужно поступать, чтобы не допустить «плохого» развития сценария.

Социальный перевод как новая разновидность устного перевода

В конце XX в. устный перевод «прирастает» еще одной разновидностью, которая может быть квалифицирована как социальный перевод (его англоязычным аналогом служит «community interpreting», более подробно см.: [Бабанина 2016; Раренко 2018; Ertl, Pöllabauer 2010; Hrehovcik URL; Perez URL]), т. е. перевода, осуществление которого происходит в осложненных социальных условиях (незнание культуры принимаемого общества, в том числе его традиций, обычаев, морали, ценностей, приемлемых и неприемлемых правил поведения и пр.). Цель социального перевода заключается в языковом посредничестве между представителями некоренного населения страны (мигрантами) и властными, а также социально-политическими институтами – визовыми центрами, коммунальными службами, юридическими конторами, медицинскими центрами и т. д. Данное языковое посредничество, как правило, осуществляется не профессиональными (дипломированными, сертифицированными) переводчиками, а волонтерами, в разной степени владеющими иностранными языками (и, что немаловажно, знанием социальных и политических реалий, а также законов и т. д.). Появлению и распространению такого вида переводческой деятельности способствовала интенсивная миграция населения, вызванная, в первую очередь, экономическими и политическими причинами. В поисках «лучшей» жизни жители стран, оказавшихся в сложных условиях, стремились перебраться в более благополучные страны, где говорят на других языках, имеют существенные различия в культуре,

исповедают другую религию. Оказавшись в условиях иноязычия и иной культуры, мигранты испытают существенные трудности в процессе адаптации к новому месту жительства и новым условиям проживания даже в том случае, когда они эти различия осознают и готовы интегрироваться в новое общество.

Волонтеры-переводчики, выступая не только в качестве языковых медиаторов, но и помогая понять иные социокультурные реалии, безусловно, оказывают огромную поддержку и мигрантам, и принимающему их лингвокультурному сообществу, поскольку помогают снять социальное напряжение.

Миграционные процессы – реальность современности, следствие глобализации. Гармоничное развитие общества возможно лишь при условии взаимного сотрудничества коренного населения страны и мигрантов, выработки речевых практик, способствующих адаптации мигрантов к новым условиям и принятию «новых» граждан «старыми».

Особое значение имеет институализация практики социального перевода. Деятельность переводчиков-волонтеров, как правило, не регулируется никакими нормативными актами и как таковая не подлежит оцениванию. Между тем отсутствие норм не всегда благоприятно сказывается на качестве предоставляемых переводчиками-волонтерами услуг, в отдельных случаях это даже способно привести к эскалации межличностных и межнациональных конфликтов и, как следствие, к возникновению в обществе еще большей социальной напряженности.

Выработка общих требований к работе специалистов в области социального перевода и разработка программы подготовки специалистов в этой области с последующей заменой ими переводчиков-волонтеров должна стать задачей ближайшего будущего, поскольку, по прогнозам специалистов в области миграционных процессов, миграционные потоки в разных частях земного шара будут только увеличиваться.

Обращаясь к проблемам миграции с языковой точки зрения, лингвисты активно разрабатывают новое направление лингвистических исследований, получившее название миграционной лингвистики [Миграционная лингвистика в современной научной парадигме ... 2019а; Миграционная лингвистика в современной научной парадигме ... 2019б; Миграционная лингвистика в современной научной

парадигме ... 2020]. Возможно, проблемы социального перевода будут рассматриваться и в рамках этого направления.

Однако сфера использования социального перевода, на наш взгляд, не ограничивается работой с мигрантами. Необходимость в социальном переводе в обществе возникает и в случае коммуникации людей с ограниченными возможностями зрения и слуха. Таким образом, частными случаями социального перевода в случае коммуникации людей, имеющих проблемы со зрением, следует признать аудиовизуальный перевод и его разновидности – тифлокомментирование и аудиодескрипцию; граждане, имеющие проблемы со слухом, нуждаются в сурдопереводе и его разновидностях – жестовом языке и субтитрах.

Современная социально ориентированная художественная литература как индикатор отношений в обществе

Нельзя не отметить, что художественная литература в России всегда занимала особое положение, а литераторы считались не только одними из самых образованных ее граждан, но и «совестью» эпохи. Поднимая социальные проблемы, представляя их на страницах своих произведений и обличая социальные пороки общества, русские писатели (Ф. М. Достоевский, И. А. Тургенев, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов и др.), создали «золотой фонд русской литературы».

XX век познакомил читателей с новыми литературными жанрами: фантастикой, фэнтези, антиутопией, триллером и пр. Активно развивается во второй половине XX века постмодернистская литература. На этот же период приходится расцвет так называемой массовой литературы в противовес элитарной.

Наблюдаемый в настоящее время в России литературный процесс дает все основания полагать, что литераторы осознают социальную напряженность в обществе и, отражая ее в произведениях, намечают возможные пути ее устранения, то во всяком случае снижения. Художественный метод, используемый сегодня, заключается не в обличении проблем, как в критическом реализме, а направлен на описание возможных способов их устранения. Показывая, как ситуация в художественном тексте разрешается от «худшего» к «лучшему» (метод, используемый также в социальной рекламе), писатели

утверждают возможность снижения и разрешения социальных противоречий в современном российском обществе.

Среди основных тем современной российской социально ориентированной художественной литературы присутствуют темы, непосредственно связанные с социальными проблемами, наблюдаемыми в обществе: во-первых, это так называемые вечные темы, например, воспитание детей (в том числе, с особенностями здоровья и развития), отношения между членами семьи (муж – жена, родители – дети, пожилые родители – взрослые дети, братья – сестры и пр.); во-вторых, темы, получающие особое звучание сегодня: положение в обществе инвалидов (в том числе детей и подростков) и отношение к ним здоровых членов общества; вопросы взаимоотношений полов; отношение к животным (в том числе бездомным); вопросы эвтаназии (шире – права человека распоряжаться своей жизнью); отношения между людьми, принадлежащими к разным социальным (например, богатые и бедные) группам. При этом особое место в современной литературе занимает национальный вопрос. На страницах произведений современных российских авторов представлены возможные способы снижения и разрешения этих противоречий.

Среди современных писателей, работающих в данном тематическом русле, можно, например, назвать Н. Абгарян (романы «С неба упали три яблока», «Люди, которые всегда со мной», «Симон», повести «Зулали», «Сало красоты «Пери»» и пр.); Г. Служителя (роман «Дни Савелия»); А. Герасимова (роман «Дом на Озерной», рассказы «Жанна», «Нежный возраст» и пр.); А. Иванова (роман «Ненастье»); З. Прилепина (роман «Санька») и др. Тематизация социальной справедливости / несправедливости, затрагивающей каждого члена общества, является очевидным вектором современного российского литературного процесса.

Заключение

Описанные речевые практики дискурса социальной гармонии при всем их различии представляют собой разные способы реализации одной социальной программы, поскольку в их основе лежит одна и та же цель – способствовать гармонизации социальных и общественных процессов. Рассчитанные на самую разную аудиторию, эти речевые

практики охватывают все общество – представителей всех возрастов и слоев населения. Социальная реклама апеллирует к адресату непосредственно – посредством простого бинарного противопоставления «плохо» – «хорошо». Благодаря практике социального перевода происходит интеграция в общество граждан (в том числе потенциальных), ранее исключенных из него.

Мир художественной литературы воспитывает в читателях толерантное отношение к людям, непохожим на них, описывая конкретные ситуации и поведение людей в этих ситуациях. В отличие от социальной рекламы, где мир представлен в монохромной гамме, мир художественных произведений более ярок. Сложные жизненные ситуации, неоднозначные поступки героев и часто драматические развязки заставляют читателей размышлять над реальными событиями своей жизни и принимать обдуманные решения.

Таким образом, чутко реагируя на социальные и общественные изменения в обществе, говорящие, используя различные языковые средства, вырабатывают речевые практики, способствующие более гармоничному развитию общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бабанина Т. М.* Введение в устный социальный перевод = Introduction to community interpreting: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2016. [Babanina, T.M. (2016). Vvedenie v ustnyj social'nyj perevod = Introduction to community interpreting: uchebno-metodicheskoe posobie. (Introduction to community interpreting)]. Ekaterinburg: UrFU (In Russ.)]
- Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, А. С. Киндеркнехт, Köck Jh. / науч. ред. д. филол. наук, проф. О. А. Радченко; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. [Электронные данные]. Пермь, 2020. [Shustova, S. V. et al. (2020). Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika. (Migration linguistics in modern science paradigm: discursive practices, translation, didactics), nauch. red. d. filol. nauk, prof. O. A. Radchenko. Perm. gos. nac. issled. un-t. [Elektronnye dannye]. Perm'. (In Russ.)].
- Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография / С. В. Шустова, М. Р. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, В. М. Костева, А. С. Черноусова; науч. ред. А. М. Амапов / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019а.

- [Shustova, S. V. et al. (2019). Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: mediacionnye praktiki. (Migration linguistics in modern science paradigm: media practices), nauch. red. A. M. Amatov. Perm. gos. nac. issled. un-t. Perm'. (In Russ.)].
- Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, А. В. Иценко, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, С. В. Шустова; науч. ред. д. филол. наук, проф. Т. И. Ерофеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019b. [Zubareva, E. O. et al. (2019). Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme. (Migration linguistics in modern science paradigm), nauch. red. d. filol. nauk, prof. T. I. Erofeeva. Perm. gos. nac. issled. un-t. Perm'. (In Russ.)].
- Раренко М. Б.* «Community interpreting» vs «социальный перевод» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (791). С. 160–168. [Rarenko, M. B. (2018). «Community interpreting» vs «social'nyj perevod» («Community interpreting» vs «social'nyj perevod (social interpreting)»). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(791), 160–168. (In Russ.)].
- Ertl A., Pöllabauer S.* Training (medical) interpreters – the key to a good practice. MedInt: a joint European training perspective // Journal of Specialised Translation. 2010. No. 14. P. 165–193.
- Hrehovcik T.* Teaching community interpreting: A new challenge? URL: https://www.pulib.sk/elpub2/FF/Ferencik2/pdf_doc/21.pdf (дата обращения: 15.01.2014).
- Perez I.* Interpreting. URL: <https://www.llas.ac.uk/resources/gpg/316> (дата обращения: 15.01.2014).

Е. А. Северина

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета
ratriniada@mail.ru

**ГИБРИДНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ФЕЛЬЕТОНА**

Статья посвящена исследованию гибридного характера современного немецкоязычного фельетона. Целью исследования является определение характеристик гибридной природы данного жанра. Гибридизация жанра осуществляется на уровне композиционно-речевого построения текста посредством взаимопроникновения и комбинирования следующих форм: дескриптивной, реферативной, нарративной и аргументативной. Это выявляет смешение различных функциональных стилей и гетерогенность данного жанра. Развитие современного немецкоязычного фельетона осуществляется под влиянием изменчивости современного информационного общества.

Ключевые слова: фельетон; гибридный характер; композиционно-речевые формы; публицистический дискурс.

E. A. Severina

Senior Lecturer, Department of a Second Foreign Language,
M. Thorez Institute of Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University
ratriniada@mail.ru

**HYBRID CHARACTERISTICS
OF THE MODERN GERMAN-SPEAKING FELUETONAL ARTICLE**

The article is devoted to the study of the hybrid nature of the modern German-speaking satirical article. The aim of the study is to determine the characteristics of the hybrid nature of this genre. Hybridization of the genre is carried out at the level of compositional-speech construction of the text through the interpenetration and combination of the following forms: descriptive, abstract, narrative and argumentative. This brings out the confusion of different functional styles and the heterogeneity of the genre. The development of the modern German-speaking satirical article is carried out under the influence of the variability of the modern information society.

Key words: satirical article; hybrid character; compositional speech forms; journalistic discourse.

Введение

На сегодняшний день определяющими векторами формирования новых тенденций в жизни общества являются стремительный технологический прорыв и экономические изменения в сфере производства и потребления. Кардинальные изменения в социальной сфере неизменно ведут к трансформации в медиаиндустрии. Современная журналистика преобразуется, становясь полемической и персонифицированной.

Развитие отдельных жанров прессы и публицистики проявляется наиболее ярко и репрезентативно. В представленной статье рассмотрим гибридные изменения жанра современного немецкоязычного фельетона. Подача материала в полемическом и персонифицированном стиле является характерной чертой данного жанра. Вышеназванные приёмы, помогают фельетонисту реализовывать установку на утверждение собственной позиции, оказывая воздействие на аудиторию. Персонификация освещает события «через конкретную человеческую историю» [Кевбрин 2011], что повышает интерес читателей к поставленной проблеме. «Живая» история воздействует на читателя сильнее, чем «сухой» анализ фактов, статистические данные или мнения компетентных лиц. Описание событий от первого лица способствует более глубокому пониманию вопроса, усиливает эмоциональную вовлеченность читателя. Заинтересованность реципиента стимулируется наглядностью материала и эмоциональной составляющей текста [Фролова 2003].

В условиях высокой конкуренции среди журналистов крайне важно сохранить доверие и лояльность читательской аудитории, поэтому фельетонист неизменно опирается на реальные факты. Фельетонист, стремясь завладеть вниманием неоднородного круга читателей, нередко прибегает к приёмам полемического стиля прессы. В основу полемического текста ложится реальный факт, который сочетается с рефлексией оппонента. Иными словами, автор моделирует дискуссию по представленному вопросу с реципиентом, опровергает предполагаемые утверждения адресата, прогнозирует возможные возражения и подбирает в соответствии с ними аргументы. В полемическом тексте журналист противопоставляет «верное» авторское суждение мнению оппонента, убеждая его в правильности собственной

позиции. Интернет-журналистика с расширением возможностей для поиска и транслирования информации способствует дальнейшей персонификации и полемичности фельетонного текста.

Нарастающая информатизация современного общества и переход СМИ в Интернет неизбежно ведут к трансформации медиаиндустрии и гибридизации отдельных жанров, в том числе современного немецкоязычного фельетона. Принцип коммуникации между автором и читателем в глобальном информационном пространстве способствует активному развитию полемического стиля прессы. В основе этих перемен находится доступ к мировым информационным ресурсам. Переход печатных изданий от бумажного носителя на площадку Интернета привел к изменению самой природы текста. «Вкрапления» в текст «кликабельных» ссылок на другие источники, а также аудио-, видео-, фото- и других форматов позволяют автору приводить множество аргументов в пользу собственного мнения. Гипертекстовая структура полемического текста приводит к формированию диалога журналиста с аудиторией.

Электронные СМИ дали возможность читателю выражать свое мнение в публичной сфере по самому широкому кругу вопросов. Цифровой формат создал новые условия для подачи, распространения и получения материала. Исконно журналист являлся первоисточником информации, имел статус авторитетной фигуры с компетентным мнением. Веб-журналистика стирает границы «социальных и психологических ролей “автор – адресат”» [Шагдарова, Вильмова 2018, с. 64]. Аудитория стала активным участником коммуникативного процесса. Реципиент не только получает разнообразные сведения, но при помощи обратной связи задает интересующую его тематику, определяет предпочитаемый формат, формирует определенный стиль подачи материала. Таким образом, реципиент максимально вовлечен в редакционную деятельность, и диалог между автором и читателем стал более явственным и глубоким.

Вовлеченность аудитории в процесс создания новостей, активное участие в транслировании информации и влияние на подбор тематики выпуска характеризует процесс вербальной «демократизации публичного дискурса» [Трошина 2017, с. 205]. Реализация журналистики в Интернете приводит к гибридизации жанров и «размыванию» границ между ними.

Цели, задачи, материал исследования

Целью статьи является выявление гибридных характеристик журналистского текста на примере современного немецкоязычного фельетона. Основная задача – анализ композиционно-речевых форм современного немецкоязычного фельетона.

В рамках данной статьи мы провели методом случайной выборки анализ 20 современных немецкоязычных фельетонов, в основном, 2020 года, которые были опубликованы в различных немецкоязычных изданиях. Среди них публикации из немецких газет (*Süddeutsche Zeitung, Deutschlandfunk, Neue Rheinische Zeitung, Augsburger Allgemeine, Wolfsburger Allgemeine, Main Post* и др.); австрийских газет (*Salzburger Nachrichten*); швейцарских газет (*Neue Zürcher Zeitung, Basler Zeitung, Tagblatt, Der Bund*). Объём эмпирического материала подтверждает достоверность нашего исследования.

Композиционно-речевые формы современного немецкоязычного фельетона

Анализ современного немецкоязычного фельетона представляет нам интересным, так как разнообразие языковых форм и отсутствие унитарного структурно-композиционного строя формируют его жанроопределяющие особенности и межстилевую природу. Гибридные характеристики фельетона определяются его промежуточным положением между функциональным стилем публицистики и прессы, с одной стороны, и художественной литературы – с другой. Гибридизация современного немецкоязычного фельетона оказывает влияние на композиционно-речевые формы данного жанра.

Ряд характерных признаков современного немецкоязычного фельетона остается неизменным. Так, автор подбирает материал, рассчитанный на широкий круг читателей, и излагает его в простой и доступной форме. Актуальные темы и злободневные вопросы подаются в легкой и экспрессивной манере. Как отмечает немецкий журналист Х.-О. Шенк, фельетонист излагает собственное мнение в газете в полемическом, сатирическом или фельетонном стиле: «*Meinungsbeitrag in einer Zeitung ist durch seinen polemischen, satirischen oder feuilletonistischen Charakter unterscheidet*» [Schenk 2013, с. 3]. Высокая степень экспрессии жанра современного немецкоязычного фельетона

проявляется в метафоричности текста. Автор добивается эффекта, используя стилистические фигуры и обыгрывая необычную семантику лексических единиц и грамматических конструкций. Следует отметить, что для полной характеристики жанра недостаточно лишь анализа лексических выражений и грамматических структур, так как стилистическое использование различных лексических и грамматических единиц свойственно всем жанрам. Для более глубокого и всестороннего разбора жанровой характеристики современного немецкоязычного фельетона рассмотрим присутствующие в текстах данного жанра композиционно-речевые формы.

Вслед за Е. В. Копаевой, мы выделяем следующие композиционно-речевые формы в тексте современного немецкоязычного фельетона: дескриптивную, реферативную, нарративную, аргументативную [Копаева 2011, с. 158].

1. Дескриптивная композиционно-речевая форма

Для дескриптивной композиционно-речевой формы характерна краткая передача важной информации. Автор вводит читателя в курс дела, экономя время реципиента и передавая «выжимку» собранных данных. Фельетонист описывает конкретную ситуацию для данного момента времени, причем анализ текстов показывает превалирование пространственных связей над временными. Об этом можно судить по наличию статических глаголов (*leben, haben, kennen, gelingen* и др.). Например:

Der King ist nicht tot, er lebt mitten unter uns (*Koppelt. Podcast.de. 27.02.2020*). – «Король не умер, он живет среди нас»¹.

Журналист использует динамические глаголы в настоящем времени, избегая таким образом временных отсылок:

«Denn Trump, der Kurzstrecken-Rhetoriker, verliert halt oft nach dem zweiten Satz den roten Faden (*Orzessek. Deutschlandfunk. 13.08.2020*). – «Потому что Трамп, ритор ближнего боя, часто теряет общую нить после второго предложения».

Отличительной особенностью дескриптивной композиционно-речевой формы является частое использование обстоятельств места, а также перечисление топографических наименований:

¹ Зд. и далее перевод авт. – Е. С.

Warum wird eine Handvoll Staaten, die sich nicht dem Diktat dieser privaten Banken unterwirft, mit den schlimmsten Kriegen überzogen und vom Rest der Welt boykottiert, wie z.B. Iran, Syrien, Jemen, Venezuela, Nordkorea? (*Özöguz. Neue Rheinische Zeitung*. 20.01.2021). – «Почему горстка государств, которые не подчиняются диктату этих частных банков, вовлечены в худшие войны и бойкотируются остальным миром, например, Иран, Сирия, Йемен, Венесуэла, Северная Корея?»

Нередко при работе над материалом требуется обработка статистических данных для краткого их освещения в тексте. Таким образом, отличительной особенностью дескриптивной композиционно-речевой формы является передача обобщенных фактологических сведений. Данные приёмы характерны для таких сфер, как маркетинг, социология, машинное обучение и др.

2. Реферативная композиционно-речевая форма

Реферативная композиционно-речевая форма также широко встречается в текстах современного немецкоязычного фельетона. Фельетонист в сжатой форме передает содержание описываемого вопроса, излагает основные тезисы. В отличие от дескриптивного анализа реферативный обзор дает более полное представление о проблеме, демонстрируя ее с разных позиций. Данный вид анализа современный немецкоязычный фельетон перенял из таких сфер, как составление различных дайджестов, каталогов, отчетов и т. д. Этот принцип широко применяется также в преподавании. Это один из распространенных методов обучения иностранному языку в вузе.

В современном немецкоязычном фельетоне реферативные фрагменты текста воссоздают статичную картину произошедшего. Фельетонист также может делать акцент на непосредственном личном присутствии в описываемой ситуации. Следует отметить, что в некоторых случаях дескриптивная и реферативная композиционно-речевые формы пересекаются, поэтому не всегда возможно четкое выделение границ между ними.

Отличительной чертой реферативной композиционно-речевой формы является отсутствие выводов и критической оценки описываемого события. Однако она не сводится лишь к описательной функции, автор систематизирует и обобщает полученные сведения. Главным отличием реферативной композиционно-речевой формы можно

считать ее структуру. Журналист кратко передает фактографический материал. В качестве примера данной композиционно-речевой формы рассмотрим неоднородность новостных поводов в Германии в зависимости от сезона. Дело в том, что в Германии в летние месяцы журналисту крайне трудно найти интересный материал для публикации. Это связано с тем, что в это время политики, спортсмены и другие известные личности уезжают из страны, соответственно, лишая журналистов информационных поводов, которые неизменно сопровождают публичных людей. Встает вопрос: чем заполнять газетные колонки? Именно эта дилемма обыгрывается автором фельетона в свойственной данному жанру манере:

Achtung! Das ist eine dringende Durchsage des Sommerlochs. Stadtpräsident Anders Stokholm wacht um 1.17 Uhr auf – wegen Erdbeben! Schäden seien bei einem Erdbeben dieser Stärke in der Regel nicht zu erwarten. Heisst es. In der Regel heisst es, dass es möglicherweise noch Schäden geben wird. Am Rathaus Frauenfeld. Online-Redaktoren werden gebeten, sich für den Liveticker aufzuwärmen. Schäden in Frauenfeld – mutmasslich hervorgerufen durch Erdbeben. 3,7 auf der Richterskala! Drei, Komma, Sieben! Liveticker, marsch. Stokholm schlaflos – steckt Klimawandel dahinter? Ärzte warnen: Schlafmangel erhöht Risiko für Fettleibigkeit (*Frei. Tagblatt. 31.07.2019*).

«Внимание! Срочное объявление летнего информационного затишья. Мэр Андерс сообщает: Стокгольм проснулся в 1:17 – из-за землетрясения! Землетрясение такой силы обычно не наносит ущерба. Так считается. Как правило, считается, что возможны разрушения. У ратуши Фрауэнфельда. Онлайн-редакторов просят разогреться перед выходом в эфир. Разрушения во Фрауэнфельде – предположительно из-за землетрясений. 3,7 по шкале Рихтера! Три запятая семь! Живой эфир, марш. Стокгольм не спит – связано ли это с изменением климата? Врачи предупреждают: недостаток сна увеличивает риск ожирения».

За основу автор берет несуществующее землетрясение, причем автор излагает материал в характерном для реферативной композиционно-речевой формы стиле. Кратко передается фактическая информация, однако отсутствует личная оценка автором происходящего. В то же время повторы и, казалось бы, внезапные и резкие переходы от одной темы к другой делают текст более динамичным и ироничным, что свойственно фельетонному жанру. Таким образом, фельетонист высмеивает коллег, которые во время летнего

информационного локдауна формируют новостной контент «на пустом месте», не имея для публикации материала ни тем, ни фактов.

3. Нарративная композиционно-речевая форма

В нарративной композиционно-речевой форме фельетонист передает события в развитии. С одной стороны, опираясь на фоновые знания и уже известные факты, автор подготавливает реципиента к восприятию новой информации. В то же время немаловажной является демонстрация результата проведенного журналистского расследования по конкретному вопросу. В данном случае это делает нарративный блок в современном немецкоязычном фельетоне схожим с жанром отчета по своей структуре и подбору языковых средств. Автор не ограничивает себя только регистрацией событий, он включается в повествование как действующее лицо.

Нарративные фрагменты текста последовательно демонстрируют развитие описываемой в фельетоне ситуации. При этом первостепенная роль отводится хронологической последовательности событий. Отношения темпоральности выражаются придаточными предложениями времени и обстоятельствами времени:

Nach der Stiftung Preußischer Kulturbesitz soll jetzt auch die Deutsche Bank aufgelöst werden (*Friedenberger: Bankingclub.de. 10.07.2020*). – «После того, как был распущен Фонд прусского культурного наследия, на очереди Дойче банк».

Автор придерживается хронологии событий, прибегая для этого в тексте к временным маркерам, например это могут быть конкретные даты или обстоятельства времени:

Seit 1966 (*Fessner: Main Post. 27.12.2020*) – «с 1966»;

Do, 26. Oktober 2017 um 12:41 Uhr (*там же*). –

Чт. 26. Октября 2017 г. 12:41.

Erinnern Sie sich noch an die Zeit vor genau einem Jahr? (*там же*) – «Вы помните, что было ровно год назад?»

Нарративная композиционно-речевая форма активно используется как в жанрах художественной литературы, так и в публицистических жанрах, например, в репортаже, обзоре, зарисовке, эссе, фельетоне.

Фельетонист использует данный композиционно-речевой приём для подробного описания ситуации, которая требует более детального освещения в тексте.

4. Аргументативная композиционно-речевая форма

Современный немецкоязычный фельетон всегда опирается на достоверные факты и увлекает читателя ярким и экспрессивным стилем текста. Однако немаловажную роль играет умение адресанта подтвердить реципиенту правильность и логичность авторской точки зрения, привести аргументы, которые смогут убедить широкую читательскую аудиторию. Аргументативные рассуждения имеют ряд отличительных признаков. В первую очередь, это упорядоченность изложения и организованная структура текста. Автор излагает ряд логически связанных аргументов, обосновывая таким образом некоторые положения. Он ищет доказательства для подтверждения истинности собственной точки зрения или выяснения причин случившегося [Купина, Матвеева 1993, с. 25]. Для достижения поставленной цели автор использует определенный ряд приёмов.

В подтверждение собственной позиции автор нередко ссылается на известные современной публике источники, например:

Eine US-Studie stellt die These auf: Facebook und Twitter werden von ungebildeten Leuten genutzt, Instagram von gebildeten (*Skinny. Rap.de. 15.04.2015*). – «Согласно американскому исследованию, “Facebook” и “Twitter” используют необразованные люди, в то время как “Instagram” – образованные».

В некоторых случаях для обоснования собственных убеждений автор приводит личные данные. Таким образом, автор стремится создать собственный положительный образ, заслуживающий доверия. Раскрывая определенную личную информацию, например, семейное положение, место учебы, хобби или какие-нибудь пристрастия, фельетонист сокращает дистанцию между собой и реципиентом:

Nach meinem Studium in Kommunikationswissenschaft und BWL, habe ich gerade meinen ersten Job in einer kleinen PR- und Marketingagentur begonnen (*Eins C. 01.2021*). – «После моей учебы в сфере коммуникации и бизнес-администрирования я только начал свою первую работу в небольшом PR- и маркетинговом агентстве».

Подобный приём располагает читательскую аудиторию к публицисту и позволяет эффективнее наладить диалог между автором и читателем.

Популярность жанра современного немецкоязычного фельетона по социально-политической тематике определяет его использование в специализированной прессе по конкретной отрасли, например в таких изданиях, как: «*Karriere-Jura*» (юриспруденция), «*Aerzteblatt.de*» (медицина), «*Psychosozial-Verlag*» (психология), «*Epikur Journal für Gastrosophie*» (философия и гастрономия) и др. Это способствует заимствованию жанром современного немецкоязычного фельетона тактик и стратегий аргументации из различных научных направлений, например, из логики и философии, риторики и юриспруденции, коммуникативной лингвистики и когнитивной психологии и др.

Заключение

Анализ эмпирических данных подтвердил межстилевой характер современного немецкоязычного фельетона. Обзор специальной литературы свидетельствует об актуальности вопроса о гибридном характере современных жанров средств массовой информации и жанра фельетона, в частности, это открывает перспективу дальнейшего исследования данного жанра в этом направлении. Анализ композиционно-речевых форм текстов современного немецкоязычного фельетона выявляет гибридные характеристики жанра фельетона. Гибридизация жанра осуществляется на уровне композиционно-речевого построения текста посредством взаимопроникновения и комбинирования указанных в статье форм (дескриптивной, реферативной, нарративной и аргументативной).

Таким образом, лингвопрагматический анализ современных немецкоязычных фельетонов по социально-политической тематике наглядно выявляет гибридизацию данного жанра. Этот процесс является следствием происходящих в обществе изменений. Переход современного немецкоязычного фельетона в Интернет способствует трансформации данного жанра. Гибридная природа современного немецкоязычного фельетона реализуется в слиянии различных функциональных стилей, что проявляется в использовании признаков литературно-письменной и разговорной речи. В условиях демократизации электронных СМИ

фельетонисты нередко используют иронические отступления при за-трагивании серьезной тематики, что облегчает коммуникацию автора с читательской аудиторией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кевбрин И. И.* Прием персонификации как инструмент воздействия на аудиторию в социальной тележурналистике // Конференция Ломоносов 2011, МГУ, 2011. URL: <https://clck.ru/EWNpX/> (дата обращения: 2.02.2021) [Kevbrin, I. I. (2011). Priem personifikacii kak instrument vozdejstviya na auditoriyu v social'noj telezhurnalistike. (Reception of personification as a tool for influencing the audience in social television journalism). (In Russ.)].
- Корчаева Е. В.* Структурно-композиционные особенности жанра эссе (на материале англоязычных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Современная стилистика как научная парадигма исследования текста. 2011. Вып. 17 (623). С. 148–162. [Korchaeva, E. V. (2011). Structural and compositional features of the essay genre (based on English-language texts). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 17(623), 148–162. (In Russ.)].
- Купина Н. А., Матвеева Т. В.* От культуры речи к новой русской риторике // Саратов. Вопросы стилистики. 1993. Вып. 25. С. 45–54. [Kupina, N. A., Matveeva, T. V. (1993). Ot kultury rechi k novoi russkoi ritorike. (From the culture of speech to the new Russian rhetoric. Style issues). Voprosy stilistiki. 25, 45–54. (In Russ.)].
- Трошина Н. Н.* Стилиевая система культуры и публичный дискурс в условиях социокультурной трансформации общества // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. Вып. 1–2. С. 201–213. [Troshina, N. N. (2017). Stilevaya sistema kul'tury i publichnyj diskurs v usloviyah sociokul'turnoj transformacii obshchestva. (The style system of culture and public discourse in the context of socio-cultural transformation of society). Human: Image and essence. Humanitarian aspects, 1–2, 201–213. (In Russ.)].
- Фролова Т. И.* Социальная журналистика и ее роль в общественном диалоге. М. : Пульс, 2003. [Frolova, T. I. (2003). Social'naya zhurnalistika i eyo rol' v obshchestvennom dialoge. (Social journalism and its role in public dialogue). Moscow : Puls. (In Russ.)].
- Шагдарова Б. Б., Вильмова К. К.* Интернет-журналистика и новые медиа // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 4. С. 64–68. [Shagdanova, B. B., Vil'mova, K. K. (2018). Internet-zhurnalistika i novye media. (Online journalism and new media). Vestnik of Buryat State University, 4, 64–68. (In Russ.)].

- Eins C.* Büro zu Hause. First business travel // Eins C. 2021, Januar 01. URL: <https://www.fbt-einsc.de/aktuelle-ausgabe/glosse.html/> (дата обращения: 2.02.2021).
- Fessner S. S.* Wie man sich endlich mal wieder richtig aufregen kann // Main Post. 2020, Dezember 27. URL: <https://www.mainpost.de/regional/wuerzburg/glosse-wie-man-sich-endlich-mal-wieder-richtig-aufregen-kann-art-10545965/> (дата обращения: 2.02.2021).
- Frei M.* Frauenfelds innerer Feind: Schlafmangel! // Tagblatt. 2019, Juli 31. URL: <https://www.tagblatt.ch/ostschweiz/frauenfeld/frauenfelds-innerer-feind-schlafmangel-ld.1139697/> (дата обращения: 2.02.2021).
- Friedenberger T.* Nach der Stiftung Preußischer Kulturbesitz soll jetzt auch die Deutsche Bank aufgelöst werden // Bankingclub.de. 2020, Juli 10. URL: <https://www.bankingclub.de/news/ueber-den-tellerrand-2/glosse-nach-der-stiftung-preussischer-kulturbesitz-soll-jetzt-auch-die-deutsche-bank-aufgeloeset-werden/> (дата обращения: 2.02.2021).
- Koppelt T.* Elvis lebt! Wann kommt sein neues Album? // Podcast.de. 2020, Februar 27. URL: <https://www.podcast.de/episode/478846199/Elvis%20lebt%2521%2BWann%2Bkommt%2Bsein%2Bneues%2BAlbum%253F/> (дата обращения: 2.02.2021).
- Orzessek A.* Wer, bitte schön, ist Michelangelo? // Deutschlandfunk. 2020, August 13. URL: https://www.deutschlandfunk.de/trump-und-die-medien-wer-bitte-schoen-ist-michelangelo.2907.de.html?dram:article_id=482277/ (дата обращения: 2.02.2021).
- Özoguz Y.* Warum Kapitalismus? // Neue Rheinische Zeitung. 2021, Januar 20. URL: <http://www.nrhz.de/flyer/beitrag.php?id=27236&css=print/> (дата обращения: 2.02.2021).
- Schenk H.-O.* Stadtrandnotizen. Lokalglossen. Anno-Verlag. Ahlen. 2013.
- Skinny.* Studie: Facebook ist out – folgt mir auf Instagram // Rap.de. 2015, April 15. URL: <https://rap.de/allgemein/57939-studie-facebook-ist-out-folgt-mir-auf-instagram-glosse/> (дата обращения: 2.02.2021).

Е. М. Силаева

аспирантка кафедры немецкого языка Института иностранных языков
Московского педагогического государственного университета
emsilaeva@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЯЗЫКЕ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ НЕМЦЕВ В ПЕРИОД ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ (на материале художественного текста)

В настоящей статье на материале художественного текста анализируются различные языковые единицы в лингвокультурологическом ракурсе, т. е. как элементы языка, несущие в себе культурный компонент на денотативном и коннотативном уровне и связанные с семантикой социально-политических процессов и изменений, происходивших в Германии в период после объединения (Nachwendezeit). Показано, в каких формах и на каких уровнях языковой системы отражены идеологические и культурные трансформации в языке жителей страны в тот исторический переломный момент времени.

Ключевые слова: лингвокультурология; языковые трансформации; лингвокультурологические элементы; немецкая языковая картина мира; художественный текст.

Е. М. Silaeva

PhD Student, Department of the German Language,
Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University
emsilaeva@yandex.ru

LINGUOCULTURAL ASPECT OF LANGUAGE TRANSFORMATIONS IN THE LANGUAGE OF EASTERN AND WESTERN GERMANS IN THE PERIOD AFTER THE REUNIFICATION OF GERMANY (on the material of a literary text)

In this article, based on the material of a literary text, various linguistic units are analyzed from a linguistic and cultural perspective, i.e. as elements of the language that carry a cultural component at a denotative and connotative level and that are associated with the semantics of socio-political processes and changes that took place in Germany in the period after the reunification (Nachwendezeit). It is shown in what forms and at what levels of the language system ideological and cultural transformations in the language of the country's inhabitants at that historical turning point in time are reflected.

Key words: cultural linguistics; language transformations; linguistic and cultural elements; German language worldview; literary text.

Введение

Культурные трансформации в Германии мы можем связать с проблемой поиска немецкой национальной идентичности, истоки которой кроются в исторических и политических процессах, происходящих в стране. Говоря о проблеме немецкой национальной идентичности, ученые, как правило, разделяют этот процесс на два этапа: период после окончания Второй мировой войны до 1990 г., когда Германия фактически представляла две нации, идущие каждая своим курсом, и период после объединения 3 октября 1990 г., когда страна столкнулась сначала с проблемой консолидации этнической нации (восточные и западные немцы, возвращение этнических немцев-переселенцев), а позже с вопросом интеграции иммигрантов в немецкое общество [Грошева 2014], который в последние годы, как мы знаем, становится все острее.

Смена идеологических режимов, исторические потрясения, социальные вызовы и культурные трансформации, естественно, находят свое отражение в живом языке, закрепляясь в его лексике, грамматике, синтаксисе, фонетике и стилистике. Но порой подобные события проходят, хоть и весьма ощутимо для социума, но очень быстро, и язык, словно поймавший фотокадр эпохи и сохранивший его, вслед за жизнью развивается дальше. Для лингвистов же интереснейшей задачей становится изучение подобных языковых трансформаций, их анализ и описание.

Изучать исторические и социальные процессы, равно как и культуру, посредством языка, и наоборот, представляется крайне важным, поскольку именно языковой материал чаще всего становится тем источником информации, который необходим для глубокого понимания человека и мира, в котором он живет. И говоря о культурном своеобразии и о том, как оно проявляется в языке, мы, конечно же, обращаемся в первую очередь к лингвокультурологии. Именно эта область лингвистики исследует как исторические, так и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры [Маслова 2001], и, ориентируясь на взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка, использует в качестве материала, источника культурной информации «живые» коммуникативные процессы, а также различные дискурсы (фольклорные, литературные, религиозные, философские) [Верещагин, Костомаров 2005].

Художественный текст как материал для лингвокультурологических исследований

В настоящей статье мы обратимся к художественному тексту как косвенному документу тех нескольких лет, которые пришлось на период после объединения Германии (*Nachwendezeit*), когда произошла очередная культурная трансформация, отразившаяся в слиянии языков двух народов одной страны – восточных и западных немцев. Возможно, изучение и осмысление этого процесса поможет современным лингвистам лучше разобраться в том, что происходит в немецком языке сейчас и, экстраполируя полученный опыт и результаты, спрогнозировать его будущее.

Художественный текст – это фикциональный текст, он существует вне времени, не может устареть или стать неактуальным. В то же время это прекрасный материал для лингвокультурологических исследований, поскольку создается автором и воспринимается реципиентом в контексте взаимосвязи и взаимопроникновения культуры, языка и мышления.

Только художественный текст способен передавать дух времени, дух эпохи таким образом, каким это не могут сделать, например, историки, оперирующие сухими фактами. Однако надо учитывать, что для адекватного восприятия текста читателю необходимо иметь представление об историческом контексте и культурном бэкграунде, составляющем фон для описываемых событий.

Для иллюстрации наших идей мы выбрали роман известного современного немецкого писателя Уве Тимма «*Johannisnacht*» (в русском переводе «Ночь чудес»), вышедший в свет в 1996 г. и повествующий о путешествии главного героя во вновь объединенный Берлин, где он встречается с людьми и оказывается вовлечен в события, непосредственно связанные с историческими событиями этого периода, с теми политическими, социальными, мировоззренческими изменениями, которые происходят в тот момент в Берлине.

«*Johannisnacht*» – это *Nachwenderoman* (т. е. роман, написанный после объединения Германии), а особенности такого явления, как *Nachwendeliteratur*, сводятся к определенной сюжетной тематике: падение Берлинской стены, объединение ГДР и ФРГ, утраченные идеалы и стереотипы, привычки, уклад жизни жителей восточного

блока страны. Это своеобразный «момент памяти», прощание с эпохой и поиск начала новой жизни для миллионов людей [Силаева 2020].

Главному герою во многом присущи биографические черты самого автора, в чем, несомненно, состоит некий художественный прием, благодаря которому У. Тимму удается создать у читателя ощущение реальности, правдивости происходящего. Подобные ощущения подкрепляются также активным использованием в тексте произведения лингвокультурологических элементов, выраженных различными языковыми единицами, содержащими в своем значении культурный компонент на денотативном или коннотативном уровне. Кроме того, такие лингвокультурологические элементы (или реалии) служат определенным культурным фоном, подчеркивающим происходящие в жизни страны перемены и определяющим поступки и поведение героев.

Анализ лингвокультурологических элементов

Лингвокультурологический анализ языковых единиц лексикона восточных и западных немцев в период после объединения Германии проводится на основе выявленных из текста романа элементов, представленных национально-специфическими реалиями. Кроме того, единицы, обозначающие некий культурный референт и выявляющие их информационно культурный фон, рассматриваются в контексте их национально-культурного своеобразия с описанием стереотипных образных ассоциаций, объяснением процесса раскодирования и трансляции культуры через язык.

Уже неоднократно среди лингвистов высказывалось мнение, что объединение Германии оказало существенное влияние на словарный состав именно восточных немцев, практически не затронув язык западных немцев. Общественно-политическая лексика, ориентированная на реалии ГДР, стала выходить из употребления. Прежде всего, это касалось общественно-политических терминов и советизмов: *die Weißen* «белые», *die Bolschewiken* «большевики», *der Kommunist* «коммунист», *der Marxist* «марксист», *der Parteiauftrag* «партийное поручение», *der Generalsekretär* «Генеральный секретарь», *das Zentralkomitee* «центральный комитет», *die Kommandowirtschaft* «командная экономика», *das Politbüro* «политбюро», *Held der Arbeit* «Герой труда». Сюда же можно отнести излюбленные в странах соцблока

сложносокращенные слова (слоговые аббревиатуры): *Agitprop* (сокращение от *Agitation* и *Propaganda*), *Proletkult* (сокращение от *proletarische Kultur*) и т. д. На смену им приходят новые политические термины и демократизмы: *die kapitalistische Gesellschaft* «капиталистическое общество», *die Liberalen* «либералы».

Вместе с самими государственными и политическими организациями уходят из активного употребления в языке, становясь историзмами, названия этих учреждений: *Akademie der Wissenschaften* или *die Wissenschaftliche Akademie der Deutschen Demokratischen Republik* «Академия наук ГДР», основанная в 1946 г. и прекратившая свое существование в 1990–1991 гг. по идеологическим и политическим причинам; *die Volksarmee* «Народная армия ГДР», созданная в 1956 г. и расформированная 2 октября 1990 года, накануне Дня объединения Германии; *die Treuhand* – правовое учреждение, созданное в ГДР в 1990 г. для защиты государственных компаний в период приватизации, преобразованное в 1995 г. в *Bundesanstalt für vereinigungsbedingte Sonderaufgaben (BvS)* «Федеральное агентство по особым задачам, связанным с объединением Германии».

Автор активно использует исторические и общественно-политические реалии для того, чтобы подчеркнуть связь времен, указать на причины для развития тех или иных идей, для формирования определенного мировоззрения и способа действий немцев.

О приходе нового общественно-политического строя и тех изменениях, которые он с собой приносит, говорят такие слова и словосочетания: *der Fall der Mauer* – «падение Берлинской стены» (конец 1989 г.), событие, возвестившее о начале процесса объединения Германии; *der Zusammenbruch der UdSSR* – «прекращение существования СССР как государства»; *die Wiedervereinigung* или просто *die Vereinigung* – долгожданное объединение ФРГ и ГДР 3 октября 1990 года (интересно, что немцы почти никогда не добавляют «Германии», для них *Vereinigung* – это всегда то самое историческое событие); *die Wende* – также не просто какой-то поворот, а тот, что повлиял на ход истории; *die Privatisierung* – процесс преобразования государственной собственности в частную, начавшийся в странах бывшего соцлагеря после распада СССР.

Разберем на примере такой общественно-политической реалии, как *der Forschungsauftrag* те важнейшие перемены, которые происходили

в Германии в первые годы после объединения. Понятие *Forschungsauftrag*, которое еще в 1980-е гг. в ГДР могло означать некий госзаказ на проведение научного исследования, необходимого социалистическому государству для обеспечения в рамках плановой экономики тех или иных собственных нужд и поддержания соответствующей идеологии, в 1990-е гг. приобрело другую коннотацию. *Der Forschungsauftrag* после 3 октября 1990 года – это специальный грант на исследования, который правительство ФРГ стало выдавать ученым из бывшего ГДР, чтобы временно поддержать научных сотрудников и науку в восточногерманских землях. Грант был ограничен двумя годами, потом, как правило, людей увольняли. Исключение составляли случаи, когда правительство ФРГ могло посчитать научное исследование полезным и перспективным, но такое происходило крайне редко – многие отрасли науки на Востоке страны сильно отстали от уровня их развития на Западе или не считались перспективными для изучения, поэтому в их финансировании отказывали. Чаще такой грант всё же подразумевал искусственную дотацию, отсрочивавшую неизбежность: «...*danach hätte er Taxi fahren müssen*» («...после этого ему пришлось бы водить такси»), – говорит один из персонажей романа о своем друге, ученом-агрономе. Также нам встречается в тексте *promovierter Taxifahrer* – таксист со степенью кандидата наук, очевидно, бывший сотрудник какого-то исследовательского института, вынужденный теперь оставить призвание и пойти туда, где можно заработать деньги, и где обычно не требовалась высокая квалификация.

Изменения коснулись не только социально-политической сферы и идеологии: на повседневном, бытовом, уровне также происходили перемены. В лексикон восточных немцев начинают входить слова, обозначающие новые для этой части страны реалии и предметы, связанные с элитарностью, комфортом, обеспеченностью быта западного общества: названия шикарных отелей и ресторанов – *Hilton, Kempinski*, люксовых автомобилей – *Landrover, BMW, Jaguar*, дорогих алкогольных напитков – *Bombay, House of Lords, Laurent-Perrier* и т. д.

Чтобы подчеркнуть разницу между двумя обществами, показать различия в образе жизни немцев в разных регионах, автор намеренно противопоставляет элитные вещи, которыми пользуются люди на Западе, дешевым некачественными товарам из социалистических

стран: брендированная одежда от *Hermes* и *Chanel* контрастирует с простыми сандалиями из братского Вьетнама – *volkseigene Sandalen aus Vietnam*, а дорогие марки кубинских сигар *Cohiba* – с дешевыми, некачественными, губящими здоровье папиросами *Caro*, прозванными в народе *Stalins Rache* («Мечь Сталина»).

Любопытно, что бывшие граждане ГДР прекрасно осознают разницу, им хорошо известны громкие бренды, они так же, как и люди на Западе, любят и очень ценят качественные вещи, просто не имеют возможности (прежде всего, финансовой) пользоваться ими.

Желание бывших граждан ГДР одеваться дорого и красиво, покупать брендовые вещи, средств на которые не хватало, сформировало нишу, которую быстро заполнила контрафактная продукция и подделки разных товаров. Например, купленная героем с рук кожаная куртка, которая растворилась в дождь прямо на нем, или продававшиеся тогда в Берлине на каждом углу *Armani-Anzüge* и *Schweizer-Uhren aus Leningrad* – «костюмчики от Армани и швейцарские часы из Ленинграда». Всё это характеризует то время, дает читателю представление о том, как нелегко дались Германии перемены, связанные с объединением и уходом в прошлое социалистической эпохи.

Вполне закономерным представляется употребление в речи персонажей иностранных заимствований, и в первую очередь американизмов, что обуславливается существенным влиянием США на все процессы, происходящие в Западной Европе, как в сфере политики и экономики, так и в социальной жизни. Заимствованные слова являются важнейшим источником пополнения лексического состава языка и всегда обусловлены культурно-историческими причинами.

Чаще всего заимствования приходят вместе с реалиями – предметами и объектами чужой культуры: *Mikrochips*, *Laptop*, *Notebook*, *Software*, *Partys*, *Hairstylist*, *Chill out*, *Videoclips*, *Brunch*, *Jazzband*. С середины 90-х гг. прошлого века эти слова прочно вошли в немецкий язык, имена существительные ассимилировались и стали писаться с заглавной буквы.

Но встречаются в тексте романа и американизмы, не связанные с конкретными реалиями, например: *political correctness*, *totally wrong*, *slow*, *quick*, *deep inside*, *stupid* и т. п. Их используют в речи только немногие молодые немцы из западной части города, а для бывших граждан ГДР употребление этих слов совсем не характерно. Поэтому

можно говорить, что американизмы, в данном случае, являются маркерами сленга западногерманской молодежной субкультуры, на которую американская культура оказывает сильное влияние. Другими словами, использование заимствований определяется социальной структурой немецкого общества, представлениями этого общества о престижности, воздействием американской культуры на немцев и их язык.

С лингвокультурологической точки зрения интересным является тот факт, что, несмотря на происшедшее пять лет назад объединение Восточного и Западного Берлина, описание событий в романе оставляет впечатление, что город всё еще разделен на две части, в которых люди не чувствуют себя по-настоящему единой нацией – слишком разнятся уровень жизни, способ мышления и мировидение. Это впечатление подкрепляется неоднократным употреблением в тексте топонимов *Westberlin / Ostberlin* или *Ostteil Berlins / Westteil Berlins* («Восточный Берлин / Западный Берлин»), а также сленгизмов *Ossi, Wessi* («осси» / «весси» – обозначение жителей из восточной и западной части страны). Граница между *Ostberlin* и *Westberlin* всё еще существует, только уже не в виде бетонной стены, а как психологический барьер в головах у людей.

Однако лингвокультурологический анализ языковых особенностей на фонетическом уровне позволяет нам посмотреть на ситуацию с несколько иной стороны. Берлинский метролект, включенный в прямую речь почти всех персонажей романа Уве Тимма, удивительным образом показывает, что язык сплавливает, объединяет берлинцев сильнее, чем политическое решение от 3 октября 1990 года: жители как Восточного, так и Западного Берлина говорят на одном и том же наречии – *Berlinerisch*, или *Berlinisch*.

Другими словами, именно язык в своем фонетическом аспекте является тем маркером, благодаря которому мы видим единство, если не всей немецкой нации, то, по крайней мере, одного города, в котором никакие политические разногласия не уничтожили общности языковой идентификации. Показательно также, что использование в тексте *Hochdeutsch* в речи персонажей почти всегда маркирует человека приезжего, не берлинца.

В качестве примеров берлинского метролекта из текста романа «*Johannisnacht*» приведем фразы персонажей романа как из Восточного Берлина: «*Was macht er denn? – Nix. Jelegenheitsarbeiten, nachdem*

er von euch n Tritt jekriegt hat», «Waren jerade de Professoren, die ihn da rausjeschmissen ham. <...> Jetzt liejen all die Doktoren uf de Neese» (о положении дел в научной сфере в восточно-немецких землях), так и из Западного Берлина: «Mann, ... det fehlt uns jerade noch. Wir tun wat für de einheimische Industrie in Jamaika» (речь официантки в ночном баре) или «...is doch ne fremde Stadt, andere Jebräuche, andere Sitten» (западный немец (таксист) о том, почему он не ездит в Восточный Берлин).

Итак, мы видим, что язык в данном случае выступает в роли индикатора национальной идентичности, он объединяет разных людей с различным миропониманием, что обусловлено политическими, экономическими и социальными причинами, вытекающими из условий жизни в прошлом и настоящем.

Лингвокультурологический анализ языковых особенностей, выполненный на материале художественного текста, был бы неполным, если бы мы не упомянули о различных стилистических образных средствах. Они представляют собой богатый материал для лингвокультурологических исследований, поскольку дают информацию для выявления стереотипных представлений в рамках языковой культуры, отражающих культурно-исторический опыт народа, его мировидение и миропонимание, его национальную языковую картину мира, подразумевающую у носителей языка наличие определенных фоновых знаний, благодаря которым происходит связь культурно-маркированной единицы с культурным явлением, что наиболее ярко выражается в метафоре.

Например, метафора, описывающая Берлин как большой город, пристанище непохожих друг на друга людей, желающих изменить мир и полагающих, что начинать надо «с головы», со столицы: *ein Sammelpunkt für Aussteiger und Querköpfe*; или метафоры, характеризующие происшедшие политические, экономические, социальные и мировоззренческие перемены и жизнь страны после объединения: *Aggressionsstau* (намек на возросший в обществе общий градус агрессии, враждебности по отношению друг к другу), *Ehrenkleid an den Nagel hängen* (обозначение ненужности офицерского мундира армии ГДР в новых условиях).

Анализируемые с лингвокультурологической точки зрения примеры говорят о том, что метафору нельзя рассматривать только лишь как художественное средство, метафора – это своеобразный способ

видения мира человеком и при этом также способ представления национальной культуры.

Чувство ненужности, растерянности, грустной обреченности и производной от них скрытой агрессии персонажи романа Уве Тимма из Восточного Берлина выражают, активно используя в своей речи не только метафоры (*Totalausverkoop* «полная распродажа» (о распродаже бывшей национальной собственности ГДР), *Freiluftzoo* «зоопарк под открытым небом» (о небывалом наплыве в Берлин туристов, особенно из «западного мира», ведь из-за железного занавеса люди долгое время не могли посетить страны соцлагеря и теперь стремились наверстать упущенное), но и прочие образные средства:

1) перифразы – *jetzt bin ich selbständig* «теперь я самостоятелен» (о том, что у человека теперь есть свой бизнес, теперь он – предприниматель);

2) эвфемизмы – *abgewickelt, feiner ausgedrückt, evaluiert* «ликвидированы, или, лучше сказать, оценены» (часто употребляется в тексте романа по отношению ко многим учреждениям в бывшем ГДР, которые были расформированы или ликвидированы, а специалисты уволены);

3) метонимии – *Rußland hat ja schließlich den Krieg verloren* «Россия в конечном счете проиграла войну» (говорит продавец сувениров (деталей униформы и орденов распавшегося СССР) у Рейхстага, под *Krieg* метонимически следует понимать «холодную войну»).

Заключение

Подводя итог вышесказанному, хочется еще раз подчеркнуть, что язык в целом и язык художественного произведения в частности отражает специфические черты национальной ментальности, особенности мировидения и миропонимания немецкой нации в один из самых сложных периодов ее истории. Поэтому он может рассматриваться как разнообразный и богатый материал для лингвистических и лингвокультурологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. [Vereschagin, E. M., Kostomarov, V. G. (2005). *Yasyk i kultura. (Language and culture)*. Moscow: Indrik. (In Russ.)].

- Грошева Г. В.* К вопросу о периодизации процесса трансформации национальной идентичности в Германии второй половины XX–XXI вв. (по материалам российской историографии) // Сибирские исторические исследования. 2014. Вып. 1. С. 43 [Grosheva, G. V. (2014). K voprosu o periodizacii processa transformacii nacional'noj identichnosti v Germanii vtoroj poloviny XX–XXI vv. (po materialam rossijskoj istoriografii) (Periodization of national identity formation in Germany in the second part of the 20th-21st century, Russian historiography). Siberian Historical Research, 1, 43. (In Russ.)].
- Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. [Maslova, V. A. (2001). Linguokulturologia. (Linguoculturology). Moscow: Akademia. (In Russ.)].
- Силаева Е. М.* Художественный текст в лингвокультурологическом ракурсе // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. Вып. 3. С. 60–68. [Silaeva, E. M. (2020). Hudozhestvennyj tekst v lingvokul'turologicheskom rakurse (Literary text in a linguistic and cultural perspective). Eurasian Humanitarian Journal, 3, 60–68. (In Russ.)].

И. О. Ситникова, Е. А. Смолоногина

Ситникова И. О., кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена
iositnikova@ Herzen.spb.ru

Смолоногина Е. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена
easmolonogina@ Herzen.spb.ru

**ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ
НА РЕЧЕВУЮ ПРАКТИКУ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ**

В статье рассматриваются причины гендерной асимметрии в немецком языке и возможные пути ее устранения; механизмы реализации гендерной языковой политики в немецкоязычных странах и нормативно-правовая база, обеспечивающая реализацию принципа гендерной корректности в немецкоязычной коммуникации. На конкретных примерах прослеживается, как гендерная языковая политика влияет на речевую практику жителей немецкоязычных стран, насколько последовательно и какими средствами воплощается принцип гендерной корректности в разных сферах устной и письменной коммуникации на немецком языке.

Ключевые слова: гендерная языковая политика; немецкоязычные страны; гендерная асимметрия; несексистское употребление языка; мужской род в генерализующей функции.

I. A. Sitnikova, E. A. Smolonogina

Sitnikova I. A., PhD (Philology), Associate Professor,
Department of German Philology,
Herzen State Pedagogical University of Russia
iositnikova@ Herzen.spb.ru

Smolonogina E. A., PhD (Philology), Associate Professor,
Department of German Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia
easmolonogina@ Herzen.spb.ru

**THE IMPACT OF LANGUAGE GENDER POLICIES
ON SPEECH PRACTICES IN GERMAN-SPEAKING COUNTRIES**

The article deals with the causes of gender asymmetry in the German language and possible ways of its elimination, the mechanisms of gender language policy implementation in German-speaking countries and the legal framework that ensures

the obligatory implementation of the principle of gender correctness in German-speaking communication. The article also traces with concrete examples how the gender language policy influences the speech practices of German-speaking countries, how consistently and by what means the principle of gender correctness is implemented in different spheres of oral and written communication in the German language.

Key words: language gender policies; German-speaking countries; gender asymmetry; non-sexist language; generic masculine.

Введение

Гендерная языковая политика немецкоязычных стран, являясь одним из инструментов борьбы за равноправие полов, преследует цель реформировать немецкий язык таким образом, чтобы очистить его от гендерных асимметрий. Сторонники преобразований обосновывают их необходимость, ссылаясь на гипотезу языковой относительности Сепира-Уорфа, в соответствии с которой «язык формирует мировоззрение каждой личности в обществе, ее картину мира и тем самым определяет социальную реальность» [Шаров 2010, с. 31]. Таким образом, устранение гендерной асимметрии в языке должно способствовать установлению равноправия мужчин и женщин в обществе, основной причиной которых является мужской род в генерализирующей функции (МРГФ) (*нем.* generisches Maskulinum). Исследованию данного феномена, а также других факторов андроцентричности немецкого языка и возможностям их замещения гендерно-справедливыми формами посвящено большое количество работ, обстоятельный анализ которых сделала А. Хорншайдт [Hornscheidt 2006]. В данной статье представлен обзор законодательных и нормативно-правовых документов Германии, Австрии и Швейцарии, обеспечивающих закрепление гендерно-корректных языковых форм в письменной и устной коммуникации, а также прослеживается на отдельных примерах, как данные формы внедряются в немецкоязычные речевые практики в сфере политики и государственного управления, а также в СМИ.

Гендерная асимметрия немецкого языка и способы ее устранения

В немецком языке гендерная асимметрия обусловлена, в первую очередь, таким феноменом, как МРГФ, суть которого сводится

к следующему: любое существительное мужского рода, номинирующее человека, например, по роду его деятельности, может использоваться для номинации не только лица (или группы лиц в случае множественного числа) мужского пола, но и лица или группы лиц без учета их пола. Тот факт, что генерализирующим значением наделен именно мужской род, интерпретируется представительницами феминистской лингвистики как отражение в языке доминирования мужчин над женщинами. Посредством грамматики происходит отождествление понятий «человек» и «мужчина» [Trömel-Plötz 2007]. В результате вышеназванной семантической бифункциональности бывает сложно однозначно интерпретировать словоформы мужского рода. По данным целого ряда исследований, реципиенты интерпретируют существительные мужского рода преимущественно не в генерализирующем, а в специфицирующем ключе, т. е. у них возникают ассоциации с представителями только мужского пола, что ставит под сомнение действенность принципа включенности женского рода в мужской [Braun 2002].

С целью элиминировать из немецкого языка МРГФ был разработан целый арсенал гендерно-корректных альтернатив МРГФ, которые можно разделить на две группы в зависимости от реализуемого ими способа устранения гендерной асимметрии: посредством спецификации или нейтрализации семантики пола.

Спецификация семантики пола достигается посредством обозначения лиц обоих полов: парного именованья (*Lieber Besucher, liebe Besucherin, Liebe Besucherinnen und Besucher*) или сплиттинга, при котором происходит стяжение форм мужского и женского рода в одну. Сплиттинг используется преимущественно в письменной речи и существует в нескольких разновидностях, отличных по графическому способу выделения суффикса женского рода в составе словоформы. В качестве графического гендерного маркера могут использоваться косая черта, заглавная буква I, астериск, нижнее подчеркивание, двоеточие, скобки.

Нейтрализация семы пола может реализовываться посредством использования: а) композитов, состоящих из гендерно-нейтральных производящих основ: *Lehrkraft*; б) субстантивированных прилагательных и причастий во множественном числе: *die Kleinen, die Teilnehmenden*; в) безличных наименований учреждений и должностей: *Polizei*,

Feuerwehr; d) пассивных конструкций в предложениях: *Wie ist eine Waffenbesitzkarte zu beantragen?* [Gäckle 2014].

Перечисленные выше предложения по использованию гендерно-корректного немецкого языка начали разрабатываться в 1970-е гг. в рамках гендерной лингвистики и изначально предусматривались для внедрения только в письменную официально-деловую коммуникацию. Данные предложения публиковались в форме «Руководств по несексистскому употреблению языка» (*нем.* «Richtlinien zu einem nichtsexistischen Sprachgebrauch»), которые носили рекомендательный характер и были адресованы тем, кто по долгу своей профессиональной деятельности имеет дело с письменным словом и стремится воплощать в речи принцип гендерной корректности. Первое подобное руководство увидело свет в 1980 г. и было составлено основоположницами немецкой феминистской лингвистики [Linguistische Berichte 1980].

Нормативно-правовая база гендерной языковой политики в Германии, Австрии и Швейцарии

За более чем сорок лет с момента публикации первого руководства по использованию гендерно-корректного языка сформировалась нормативно-правовая база, обеспечивающая реализацию гендерной языковой политики в Германии, Австрии и Швейцарии, насчитывающая многие десятки законодательных и нормативных актов разного характера: как обязательных к исполнению, так и носящих рекомендательный характер.

В Германии требование соблюдать принцип гендерной корректности в языке содержится в законах федерального уровня и отдельных федеральных земель. Оно распространяется преимущественно на сферу юридического языка, а также на внутреннюю и внешнюю официально-деловую коммуникацию сотрудников государственных учреждений. Так, согласно §4 Федерального закона о равноправии ФРГ «нормативно-правовые предписания федерального значения должны отражать принцип равноправия женщин и мужчин, в том числе и посредством языкового оформления. Данное требование распространяется и на служебную переписку»¹ [Gesetze im Internet

¹ Зд. и далее перевод авторов статьи. – И. С., Е. С.

URL]. С 2011 года в § 42 Совместного регламента федеральных министерств закреплено следующее требование к законопроектам: «Формулировки законопроектов должны быть корректными с точки зрения языковой нормы и понятными для каждого. Законопроекты должны посредством языкового оформления отражать принцип равноправия женщин и мужчин» [Verwaltungsvorschriften im Internet URL]. На региональном уровне следовать принципу гендерной корректности в языке обязывают Законы о равноправии пяти федеральных земель: Бранденбурга, Гессена, Мекленбурга-Передней Померании, Северной Рейн-Вестфалии и Тюрингии. В некоторых из них данное требование сформулировано даже более развернуто, чем в Федеральном законе. Например, в законе о равноправии федеральной земли Тюрингия есть отдельный параграф, посвященный языку (§28), который гласит: «Государственные учреждения и службы должны в указах, предписаниях, формулярах, служебных документах и в объявлениях о вакансии на должность использовать гендерно-нейтральные обозначения лиц» [Landesrecht Thüringen URL].

Государственных служащих Швейцарии обязует использовать гендерно-корректные формулировки принятый в 2007 году закон о языке: «Федеральным ведомствам следует стремиться к адекватному, ясному и дружественному по отношению к гражданам языку и уделять внимание гендерно-корректным формулировкам» [Fedlex. URL].

В Австрии необходимость использовать гендерно-корректные формулировки закреплена на законодательном уровне в очень ограниченном объеме. В 1997 году 7 статья Федерального конституционного закона Австрии была дополнена следующей фразой: «Обозначения должностей могут быть сформулированы так, чтобы они отражали пол должностного лица. Данное правило распространяется и на звания». В 2003 г. данный перечень был расширен за счет академических степеней и обозначений профессий. Кроме того, в 2001 г. Совет министров издал постановление, которое обязывает все министерства и подведомственные им учреждения использовать гендерно-корректный язык.

Помимо законов в Германии, Австрии и Швейцарии регулярно публикуются руководства и памятки по использованию в деловой коммуникации гендерно-корректного языка, содержащие, в отличие от

законов, конкретные примеры и предложения. Эти руководства адресованы государственным служащим и составляются по заказу федеральных и региональных правительств, министерств по социальным вопросам или других ведомств. В качестве примера федерального уровня можно назвать руководство «Гендерно-справедливый язык», которое было переработано и дополнено в 2009 году Федеральной канцелярией Швейцарии [Bundeskanzlei URL]. Самый «свежий» региональный пример – составленная по заказу сенатора по финансам Бремена и опубликованная в 2020 г. брошюра «Гендерно-чувствительный язык в администрации Бремена» [Pressestelle der Senatskanzlei Bremen URL].

Гендерный аспект речевого поведения регулируется не только в государственно-административном секторе, но и в таких сферах, как СМИ и экономика. Обладая специфическими возможностями влияния, СМИ воздействуют на общественное мнение и личностное мировоззрение, а в силу своей всеобщности и всеохватности способны формировать облик каждого нового поколения, что позволяет говорить о современности как об эпохе «медиакратии», власти средств массовой информации [Акимова 2009]. Многие медиакомпании и издательства призывают своих сотрудников руководствоваться в профессиональной деятельности принципом гендерной корректности. Так, в 2020 году редакция немецкого журнала *Spiegel* разместила на сайте издания «Правила редакционной работы», в которых целый раздел посвящен гендерно-справедливому языку. В нем постулируется отказ от МРГФ и стремление отражать в текстах оба пола. Немецкая радиоккомпания *Deutschlandradio* опубликовала в 2019 году рекомендации по использованию гендерно-справедливого языка, которыми должны руководствоваться сотрудники радиоккомпания как в процессе внутренней и внешней деловой коммуникации, так и во время работы в эфире [Deutschlandradio URL].

В завершение обзора документов, образующих нормативно-правовую базу гендерной языковой политики в Германии, а также Австрии и Швейцарии, необходимо отметить, что ни в одном из документов нет строгого предписания использовать определенные гендерно-корректные языковые средства, а есть лишь более или менее полный перечень альтернатив МРГФ, которые предлагается использовать по своему усмотрению, применяя творческий подход.

Гендерно-справедливые речевые практики в административно-политическом дискурсе

Поскольку язык официально-деловой коммуникации в сфере государственного управления регламентирован на законодательном уровне, тексты всех законодательных документов составляются с учетом требования гендерной корректности. Приведем в качестве примера три документа, изданных в Германии, Австрии и Швейцарии в связи с эпидемиологической ситуацией.

Во «Втором распоряжении об учетном периоде пособия в связи с сокращением рабочего времени» Федерального министерства труда и социальных вопросов содержится всего одно упоминание субъекта права и оно оформлено парным именованием *Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer* (*Zweite Verordnung über die Bezugsdauer für das Kurzarbeitergeld. 20.10.2020*). В Распоряжении Федерального министерства просвещения, образования и науки Австрии, включающем в себя перечень мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в школах, также фигурирует парное именование – *Schülerinnen und Schüler* – которое последовательно используется в тексте документа 16 раз. Кроме того, в тексте данного Распоряжения встречаются гендерно-нейтральные номинации *Person, Schulleitung* (*Änderung der COVID-19-Schulverordnung 2020/21.04.02.2021*). В законе Швейцарии о кредитах с солидарной ответственностью в условиях коронавируса для обозначения заемщиков последовательно используется парное именование *Kreditnehmerin oder Kreditnehmer*, а для обозначения кредиторов используется только существительное женского рода *Kreditgeberin*, поскольку в качестве кредиторов выступают банки, а немецкое существительное *Bank* женского рода (*Bundesgesetz über Kredite mit Solidarbürgschaft infolge des Coronavirus. 18.12.2020*).

Процесс укоренения гендерно-корректных форм можно наблюдать и в устной коммуникации. Проследим, как данные формы становятся неотъемлемой составляющей устной речевой практики на примере нескольких выступлений Петера Альтмайера – министра экономики и энергетики Германии и депутата немецкого Бундестага. Представляя 04.06.2020 правительственную программу помощи, министр использовал для обращения к гражданам Германии парное именование *Bürgerinnen und Bürger*:

Das verdanke ich Ihnen, Bürgerinnen und Bürger des Landes;
Wir lassen den Bürgerinnen und Bürgern die Wahl, wo und wie sie das Geld ausgeben.

В ответах П. Альтмайера во время интервью молодежному онлайн-порталу *Pointer* фигурируют в общей сложности девять раз гендерно-справедливые парные именованья *Studentinnen und Studenten, Schülerinnen und Schüler, Kommilitoninnen und Kommilitonen, Zuschauerinnen und Zuschauer, er oder sie*. И лишь два раза в речи министра «проскальзывает» МРГФ: *ausländische Studenten, deutsche Studenten*. И, наконец, очень показателен случай спонтанного высказывания, сделанного П. Альтмайером в стрессовой ситуации. Перед дверью лифта в здании Бундестага депутата атаковала политическая активистка, несогласная с его позицией. Отвечая на ее нападки, П. Альтмайер дважды использует гендерно-корректную парное именование *Wählerinnen und Wähler*:

Ich vertrete meine Wählerinnen und Wähler. Und meine Wählerinnen und Wähler möchten, dass ich heute zustimme.

Таким образом, можно говорить о наблюдаемой в речи политика тенденции к последовательному соблюдению принципа гендерной симметрии.

Гендерно-справедливые речевые практики в СМИ

Речевые практики в СМИ в гендерном аспекте строго не регламентированы, многочисленные руководства для журналистов по использованию гендерно-справедливых языковых форм носят, как правило, рекомендательный характер. Несмотря на отсутствие обязательной нормативно-правовой базы как в печатных СМИ и их онлайн-версиях, так и в радио- и телеэфире прослеживается очевидная тенденция к гендерно-корректному оформлению речи. Однако принцип гендерной симметрии реализуется весьма непоследовательно. В выпуске одного и того же издания гендерно-корректные тексты могут соседствовать с текстами, содержащими исключительно МРГФ, а нередко смешение гендерно-симметричных формулировок с гендерно-несимметричными можно наблюдать в рамках одного газетного материала. Приведем в качестве примера обзор «Angriffe auf Politikerinnen

und Politiker haben weiter zugenommen», опубликованный на сайте газеты *Spiegel* 08.02.2021. С одним и тем же референтом – политиками, ставшими жертвами нападений – в тексте соотносится как гендерно-симметричное парное именование *Politikerinnen und Politiker*, так и существительные в форме мужского рода: *Parteivertreter*, *Repräsentanten deutscher Parteien*. Также автор статьи прибегает к форме МРГФ – *Angreifer* – для обозначения нападавших, хотя среди них могли быть и женщины. В то же время другая группа жертв нападений – беспартийные бургомистры – обозначается не только посредством парного именования *Bürgermeisterinnen und Bürgermeister*, но также при помощи существительного в форме женского рода *Bürgermeisterinnen*, хотя из контекста нельзя сделать заключение, что речь идет о женщинах-бургомистрах.

Стоит отметить, что наряду с парными именованиями в печатных и онлайн-СМИ иногда встречается и стяжение с применением различных графических коннекторов – двоеточия, астериска или нижнего подчеркивания. Так, например, в материалах *Frankfurter Rundschau*, согласно новой редакционной политике, последовательно применяется двоеточие:

Rücksichtslose Entmietung in Frankfurt – Bewohner:innen erheben schwere Vorwürfe gegen Investor [Frankfurter Rundschau, 08.02.2021].

В речи немецких теле- и радиоведущих также уже стали нормой парные именования, которые в обязательном порядке употребляются при обращении к зрителям или слушателям. Например, ведущий ток-шоу *Nachtcafé* Михаэль Штайнбрехер в начале каждой передачи обращается к своей зрительской аудитории со следующим приветствием: «Herzlich willkommen im Nachtcafé, liebe Zuschauerinnen und Zuschauer». С недавнего времени некоторые теле- и радиоведущие стали вводить в речевую практику акустический вариант стяжений: роль графического коннектора в устной речи перенимает гортанная смычка, с которой произносится гласный [i] в суффиксе *-in*. Смычка маркирует стык «мужской» и «женской» составляющих словоформы. Гендерную смычку можно услышать в новостях радиоканала *Deutschlandfunk Nova* и в эфире молодежного радио *Radio Fritz* на канале *gbb*. На телевидении использование гендерной смычки практикует ведущая программы *Heute* на канале *ZDF* Петра Герстер.

Заключение

Проведенный анализ законодательных и нормативных документов Германии, Австрии и Швейцарии позволяет сделать вывод, что в данных странах заложена нормативно-правовая база для внедрения принципа гендерной корректности в сфере юридического языка и официально-деловой письменной коммуникации государственных служащих. Кроме того, идея о необходимости гендерно-корректно оформлять речь «прививается» обществу посредством многочисленных руководств по гендерно-справедливому употреблению немецкого языка, которые не имеют законодательной силы. В результате проводимой в Германии, Австрии и Швейцарии языковой политики, направленной на устранение гендерных асимметрий в немецком языке, в ключевых сферах общественной жизни данных стран – политике, государственном управлении, СМИ – наблюдаются многочисленные примеры гендерно-корректных речевых практик, что позволяет констатировать постепенное формирование у носителей немецкого языка привычки к гендерно-корректному речевому поведению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Акимова И.А.* СМИ как фактор формирования идентичности личности в обществе // Сервис Plus: сетевой журн. 2009. №1. [Akimova, I. A. (2009). SMI kak faktor formirovaniya identichnosti lichnosti v obshchestve. (The media as a factor in shaping the identity of individuals in society). Servis Plus, 1 (In Russ.)].
- Шаров К.С.* На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 30–43. [Sharov, K. S. (2010). Na temnoy storone politkorrektnosti: genderno-neytralnyy novoyaz. (On the dark side of political correctness: gender neutral language). Voprosy filosofii, 3, 30–43. (In Russ.)].
- Braun F.* Das generische Maskulinum und die Alternativen. Empirische Studien zur Wirkung generischer Personenbezeichnungen im Deutschen / F. Braun, S. Sczesny, D. Stahlberg In. Germanistische Linguistik. Hildesheim: Olms, 2002. №167/168. S. 77–87.
- Bundeskanzlei. URL: <https://www.bk.admin.ch/bk/de/home/dokumentation/sprachen/hilfsmittel-textredaktion/leitfaden-zum-geschlechtergerechten-formulieren.html> (дата обращения: 15.02.2021).
- Deutschlandradio. URL: <https://www.deutschlandradio.de/index.media.88a3b3350e3d0b3f5d2173f69cd3f753> (дата обращения: 15.02.2021).

- Fedlex. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2009/821/de> (дата обращения: 15.02.2021).
- Gäckle A.* ÜberzeugENDERe Sprache. Leitfaden für eine geschlechtersensible und inklusive Sprache. Köln: Universität zu Köln, 2014.
- Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bglegig_2015/_4.html (дата обращения: 15.02.2021).
- Guentherodt I., Hellinger M., Pusch L., Trömel-Plötz S.* Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs. In: Linguistische Berichte. Heft 69. 1980. S.15–21.
- Horscheidt A.* Linguistik / Gender Studien. Eine Einführung. 2. Auflage. Verlag J. B. Metzler, 2006. S. 270–284.
- Landesrecht Thüringen. URL: <https://landesrecht.thueringen.de/bsth/document/jlr-GleichstGTH2013pP28> (дата обращения: 15.02.2021).
- Pressestelle des Senats. URL: <https://www.senatspressestelle.bremen.de/six-cms/detail.php?id=350369&asl=bremen02.c.732.de> (дата обращения: 15.02.2021).
- Trömel-Plötz S.* Frauensprache: Sprache der Veränderung – Frauenoffensive, 2007.
- Verwaltungsvorschriften im Internet. URL: <https://www.verwaltungsvorschriften-im-internet.de/> (дата обращения: 15.02.2021).

Н. Н. Трошина

старший научный сотрудник, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела языкознания
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
troshinat@mail.ru

МОНОЯЗЫЧИЕ vs МНОГОЯЗЫЧИЕ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Анализируются причины актуальности языкового выбора в сфере современной науки и экономические основания этого выбора в пользу английского языка. Характеризуется ситуация межкультурной коммуникации, осложнившаяся с введением английского языка как языка обучения. Доминирование английского языка связано с ориентацией экономики и международной политики англоязычных стран на новый мировой порядок, предполагающий введение единой картины мира и системы ценностей. Дается краткий экскурс в историю моноязычия в немецкой науке.

Ключевые слова: моноязычие; многоязычие; интернационализация; научный дискурс; коммуникативно мощный язык; Болонская реформа высшего образования.

N. N. Troshina

PhD (Philology); Leading researcher of Linguistic Department
of Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences
troshinat@mail.ru

MONOLINGUALISM vs MULTILINGUALISM IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE OF THE ERA OF GLOBALIZATION: PERSPECTIVES OF THE GERMAN LANGUAGE

The article gives the reasons for the urgency of the language choice in the field of modern science and the economic reasons for this choice in favour of the English language. It describes the situation of intercultural communication in German universities, which has become more complicated with the introduction of English as the language of education. The dominance of the English language is associated with the orientation of the economy and international politics of the English-speaking countries to a new world order, which presupposes the introduction of a unified picture of the world and a system of values. A brief overview of the history of monolingualism in the German science is given.

Key words: monolingualism; multilingualism; internationalization; scientific discourse; communicatively powerful language; Bologna reform of higher education.

Введение

Общество в современных развитых странах может быть охарактеризовано в различных аспектах, но в первую очередь как общество, в котором используются коммуникативно мощные языки, и как общество с высоким уровнем научных исследований. К коммуникативно мощным языкам относятся «разработанные языки с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющие давнюю письменную традицию и функционирующие в экономически и культурно развитых европейских странах» [Кирилина 2015, с. 77]. К таким языкам относятся английский, немецкий, французский, русский, испанский и итальянский. Однако по степени вовлеченности в научную коммуникацию они значительно различаются, причем английский язык резко противостоит в этом отношении всем остальным.

English only! Spitzenforschung spricht English! Если первое широко известное выражение отражает востребованность английского языка во всех важных сферах жизни, кроме бытовой, то второе относится непосредственно к сфере науки. Оно принадлежит Хуберту Марклю – бывшему президенту Немецкого научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG). Эти выражения стали своего рода паролями эпохи глобализации, и отражая востребованность английского языка, и усиливая ее, т. е. формируя и укрепляя моноязычие всемирной лингвосферы. Однако моноязычие как коммуникативный феномен не является изобретением наших дней, и оно не всегда было связано с живым языком.

Из истории многоязычия в немецком научном дискурсе

В Средневековье и почти до конца XVIII века языком европейской науки была латынь, понятийных ресурсов которой вполне хватало для схоластически ориентированной науки того времени, представлявшей собой трактовку канонических текстов. Когда же объектом изучения стала живая природа, возникла необходимость в использовании живых языков, чтобы вести содержательно новую дискуссию.

Сегодня английский язык нередко сравнивают с латынью, определяя и то, и другое как *lingua franca* современной науки, что, однако, вызывает возражение в силу разной степени доступности этих идиомов. Для *lingua franca* характерна упрощенная структура, что обеспечивает легкость его использования и, следовательно, его общедоступность. Латынь же трудно назвать «простым» языком; кроме того, латынью, в отличие от *lingua franca*, пользовался лишь очень ограниченный круг образованных людей – церковнослужители, ученые, врачи. Лишь по одной причине современный английский язык глобального общения (Globish, basic English, Broken English, Euro-English) может быть назван *lingua franca* – по причине его упрощенности как вербального кода. Однако для коммуникации в научной сфере такой язык неприемлем – нужны развитые языки с их возможностями передачи смысловых деталей и логических построений.

Честь введения немецкого языка в сферу науки принадлежит Кристиану Томазиусу – профессору философии и права Лейпцигского университета. Немецкий язык занял прочные позиции в науке в эпоху Просвещения и достиг своего максимального признания в этой области во второй половине XIX века, заняв ведущие позиции как в гуманитарной сфере, так и в естественно-научной, а также в медицинской. Лидерство немецкий язык сохранял до середины XX века. Владеть немецким языком считалось само собой разумеющимся: когда Зигмунд Фрейд в 1909 году был приглашен в Массачусетский университет для чтения лекций по психоанализу, он выступал на немецком языке, и американские коллеги вполне его понимали.

Резкий спад востребованности немецкого языка в науке приходится на период между двумя мировыми войнами XX века, когда державами-победительницами в Первой мировой войне ему был объявлен языковой бойкот (Sprachboykott), т. е. целенаправленное вытеснение из сферы международной научной коммуникации. Этому в немалой степени способствовал опубликованный ранее – 4 октября 1914 года – так называемый призыв к миру культуры („Aufruf an die Kulturwelt“) 93 ведущих немецких ученых – обращение, оправдывавшее начавшуюся незадолго до этого войну. За этим последовало «Заявление преподавателей высшей школы Германской империи» («Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches», 16 октября 1914 г.) аналогичного содержания, под которым стояло более 3000 подписей.

Таким образом, немецкое научное сообщество зарекомендовало себя как отрицающее ответственность Германии за развязывание войны и жестокость на полях сражений. В результате мировая научная общность создала новые международные научные организации, в которые категорически не принимались немецкие и австрийские ученые и запрещался немецкий язык как в устном, так и в письменном общении. Этот запрет распространялся на все естественно-научные дисциплины; в гуманитарной сфере делались некоторые уступки. Немецкое научное сообщество пыталось объявить встречный языковой бойкот (*Gegenboykott*) другим языкам, но безуспешно [Ammon 2015, с. 532–534]. По предположению ведущего немецкого социолингвиста Ульриха Аммона, немецкий язык так или иначе потерял бы свои лидирующие позиции, что привело бы к его статусному отставанию (*Statusrückstand*) в международной научной коммуникации, поскольку после окончания Второй мировой войны он не был включен в список официальных языков (*Amtssprachen*) Лиги Наций, в отличие от английского и французского.

Коренной перелом в востребованности немецкого языка для научных целей произошел в 80-е гг. XX века, когда в англоязычных странах перестали издаваться соответствующие учебники. Сегодня немецкий язык сохраняет свои позиции как язык «научных ниш» (*Sprache der Nischenfächer*) [Weinrich 1986; Ammon 2015, с. 540].

Причины привлекательности английского моноязычия для современного научного дискурса

Английский язык приобрел сегодня признак элитарности в Германии, потому что его использование поддерживает немецкая элита, ущемляя тем самым статус родного языка и культуры в иерархии языков и культур мира. Доминирование английского языка ориентировано на понятие нового мирового порядка. Если в XX веке концепция мирового порядка предполагала овладение важными территориями, то цель нового мирового порядка состоит в контроле и управлении капиталами и информацией, материальными ресурсами, услугами и людьми. Он связан с введением единой сетки категоризации мира и соответствующей системы ценностей. В языковом отношении это связано с контролем и управлением коммуникативными процессами

с целью «так де-территоризировать» (entterritorialisieren) мир в языковом и коммуникативном плане, чтобы информационные потоки стали управляемыми независимо от тех смысловых различий, которые приносятся в них национальными языками [Gehrmann 2015, с. 118].

Большинству носителей национальных языков этот процесс становится всё более заметен не только по речевым практикам в СМИ и массовой культуре, но уже и в бытовом общении. Изменения в научном общении заметны, прежде всего, ученым, и это вызывает у многих из них серьезное беспокойство, так как речевые практики являются проводником культурно чуждых установок и моделей мышления. Важно, что переход на английский язык происходит добровольно, потому что в его основе лежит ориентация на экономические преимущества, прежде всего, американского рынка научных исследований, т. е. на получение заказов на исследования, научных стажировок, на возможность публикации в престижных журналах, входящих в список Journal Citation Reports (JCR), составляемый в американском Институте научной информации (Institute for Scientific Information, ISI) Томаса Ройтера. В этот список включены, в основном, американские научные журналы, издаваемые только на английском языке. Заявки на гранты и все необходимые для этого документы требуется в подавляющем большинстве случаев подавать именно на английском языке, исключением является Швейцарский национальный фонд, принимающий заявки на любом из четырех официальных языков Швейцарии – немецком, французском, итальянском и ретороманском.

Использование языка науки как средства для получения нужного экономического результата, обеспечивающего новый мировой порядок, является, по мнению Зигфрида Германна (специалиста в области межкультурной коммуникации, профессора Загребского университета), основанием для трактовки научного языка как «экономической переменной (bildungsökonomische Variable) в сфере науки и образования» [Gehrmann 2015, с. 129].

Этой очевидной взаимосвязи языка и экономики была посвящена конференция «Язык науки и образования: Под руководством экономики?», которая состоялась в 2018 г. в баварском городе Тутцинг, в Академии политического образования и материалы которой представлены в одноименном сборнике [Die Sprache von Forschung und Lehre ... 2020]. Проблематика конференции привлекла далеко не одних

только немецких лингвистов: в ней участвовали также медики, физики, историки, биохимики, литературоведы, философы из различных европейских стран. В центре их внимания был именно немецкий язык в научной сфере, но сама постановка проблемы – ущемление коммуникативно мощных национальных европейских языков в науке – актуальна не только для немецкого языка. Перспективы этого языка как научного средства коммуникации являются настолько важной проблемой, что в 2007 г. ученые-исследователи и вузовские преподаватели объединились в «Обществе немецкого научного языка (Arbeitskreis Deutsch als Wissenschaftssprache, ADAWiS), чтобы воспрепятствовать англификации (Anglifizierung) науки, прежде всего, немецкой, а значит, и отделению / отдалению языка науки от немецкого языка, носители которого сделали величайшие научные открытия, чем внесли огромный вклад в мировую культуру.

Плюсы и минусы моноязычия в науке

Проблема выбора языка / языков в науке сегодня активно обсуждаются в специальной литературе, при этом в качестве претендента на моноязык называется только английский. Высказываются различные точки зрения, в частности, отмечается, что на разных этапах научной деятельности не всегда бывает нужен моноязык, т. е. нередко возникает различная степень необходимости в использовании английского языка. Практики использования английского языка, а также других национальных языков на разных исследовательских этапах анализирует юрист, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта Аксель Флесснер:

1. На первом этапе, т. е. при постановке научной проблемы и планировании исследования нет причин говорить о преимуществах английского языка, так как предстоящие исследования обдумываются необязательно на английском языке.

2. В ходе самих исследований их участники могут общаться на разных языках, даже используя пассивное многоязычие (когда все говорят на своих родных языках, слабо владея иностранными, но, тем не менее, все понимают друг друга).

3. Результаты исследования фиксируются в гуманитарных науках, в основном, в письменной форме; в естественных и эмпирических

социальных – в основном, в виде таблиц и графиков, т. е. язык нужен только для составления протоколов и пояснительных текстов.

4. При интерпретации и оценке полученных результатов и их связи с предшествующим знанием иностранные языки (т. е. не английский язык) могут быть помехой, но могут оказаться и полезными, если полученная ранее информация представлена именно на неанглийских языках.

5. Распространение полученных данных сначала среди узких специалистов, а затем и в более широких научных кругах происходит преимущественно на английском языке.

6. Убеждение научного сообщества и, тем более, широкой аудитории в ценности полученных результатов связано с умением аргументировать и риторическими навыками ученого, получившего эти результаты, что лучше всего удается на родном языке; поэтому использование английского языка в этой ситуации является, скорее, препятствием для успешной коммуникации [Flessner 2010].

С этой концепцией А. Флесснера согласны медик Ральф Моцикат (президент «Немецкого общества научного языка») и член этого общества биохимик Герман Х. Дитер, которые подчеркивают, что рождение и формулировка научной гипотезы происходит в языковом сознании на родном языке, так как только он с его развернутой сетью образов и коннотаций предоставляет нужный когнитивный ресурс для познавательного процесса. Полученные результаты могут быть изложены и на других языках, но это связано уже с «процессом перевода, который сам по себе является критическим осмыслением объекта исследования и, соответственно, уточняющим актом познания» [Mocikat, Dieter 2011, с. 28].

Язык выполняет не только коммуникативную функцию общения с внешним миром (*extra-kommunikative Funktion*), но и внутренне-когнитивную функцию (*intern-kognitive Funktion*), действуя как эвристический инструмент [Mocikat, Dieter 2011, с. 28]. Система метафор и образов родного языка определяет структуры мышления и задает направление аргументации – с этим согласны и другие ученые-естественники, так, например, биофизик Штефан Кляйн считает, что через языковые метафоры устанавливается эмоциональная связь человека с изучаемым объектом. Шт. Кляйн вспоминает, с каким восторгом он впервые услышал на лекции образные и потому такие

удобные (griffige) обозначения некоторых понятий в физике: *Kerne* «ядра», *Ringe* «кольца», *Verschränkung* – «переплетение». «Я сразу же смог зрительно представить себе эти понятия. Обозначение “квантовое переплетение”, используемое в квантовой физике, гораздо ярче воспринимаются ученым-носителем немецкого языка, чем английское *entanglement* [Klein 2007].

Обнаруживается весьма неожиданная связь между навязыванием исследователям, чьим родным языком английский не является (т. е. большей части научного сообщества), и невольным плагиатом в научных статьях. Не умея качественно формулировать свои мысли на чужом для себя английском языке, они используют английские выражения и обороты речи, которые они когда-то где-то услышали или прочитали и которые они считают удачными, со временем привыкают к ним, начинают считать своими. Такое явление медик профессор Р. Мосикат квалифицирует как вариант криптомнезии, т. е. состояния памяти, при котором источник языковых формулировок, а вместе с ними и идей забывается, и они кажутся человеку его собственными [Mosikat 2018; ср.: [Федоров URL]].

Моноязычие и Болонская реформа высшего образования

Проблема выбора между моноязычием и многоязычием часто напрямую связывают с реализацией Болонской реформы высшего образования в странах, подписавших Болонскую декларацию 1999 года. Согласно этой Декларации, должно быть сформировано общеевропейское пространство высшего образования, и ведущая роль в этом процессе должна принадлежать университетам. Однако языковой аспект этой реформы был проработан явно недостаточно, что и проявилось в проблеме языкового обеспечения программ, по которым обучаются иностранные студенты, охотно принимаемые в немецкие университеты, и которые так или иначе затрагивают и немецких студентов, и преподавателей. По данным Федерального статистического ведомства (Statistisches Bundesamt), в 2019 / 2020 гг. в Германии обучался 411601 иностранный студент из Китая, Турции, Индии, Сирии, Италии, Австрии, России, Ирана, Украины, Франции, Камеруна и Вьетнама, т. е. студенты, родным языком которых английский не является, кроме того, далеко не все они европейцы. В процентном

соотношении к общему числу студентов в Германии это составляет 14,2% [Anzahl der ausländischen Studierenden URL].

Решения о введении англоязычных учебных программ принимаются руководителями университетов, т. е. ни одна европейская ин-ституция этого не требует. Не требует этого и Болонская декларация. Такие решения связаны с неправильной трактовкой понятия интернационализации, на котором строится политика университетов. Болонская декларация признает необходимость сохранения национального языкового и культурного разнообразия, а также сохранения национальных образовательных систем. На практике же понятие интернационализации в сфере высшего образования и науки было настолько американизировано, что появилось понятие «американец с немецким паспортом» (Amerikaner mit deutschem Pass). Но появился и встречный призыв «Смелее реформировать реформу! (Nur Mut zu einer Reform der Reform!)» [Meyer 2009].

Проблема «моноязычие vs многоязычие» не лучшим образом характеризует ситуацию, сложившуюся в немецких университетах [Rösch, Tolkiehn, Lehnert 2019], так как перевод обучения по многим программам на английский язык повлек за собой снижение уровня образования и иностранных, и немецких студентов. Это связано с недостаточно высоким уровнем владения английским языком у студентов (это же нередко справедливо и в отношении языковой подготовки преподавателей). В результате выросло число несданных экзаменов, из программ изымаются некоторые сложные предметы, поскольку необходимые для них материалы есть только на немецком языке.

Существенно и то, что англофонизация (Anglophonisierung) высшего образования нарушает право немецких студентов на получение образования на родном языке, что гарантируется Основным законом ФРГ.

Заключение

Сегодня немецкие ученые, особенно гуманитарии, вынуждены решать: перейти на английский язык или быть вытесненными на периферию научного общения. Языки обладают своими семантическими особенностями, различаются в плане моделей аргументации, в национальных научных школах разработаны различные исследовательские

подходы. В этом, собственно, и состоит убедительность гуманитарных наук, но этим также обусловлена и их слабая защищенность перед экономически мотивированным управлением информационными потоками, характерным для XXI века [Gehrmann 2015, с. 128].

В гуманитарных науках сложилась парадоксальная ситуация: эти науки часто упрекают в том, что им не нужно особое финансирование, но «если выбивание спонсорских денег становится критерием качества науки, то неудачником оказывается тот, кому эти средства не нужны, так как ему достаточно головы, чтобы думать. Их (гуманитарных наук – *Н. Т.*) высочайшее научное качество (*ihre wissenschaftliche Exzellenz*) неоспоримо во многих областях при скромных финансовых ресурсах, и, тем не менее, их часто обвиняют в экономической бесполезности» [Liessmann URL]. По мнению процитированного автора, шанс на выживание у гуманитарных наук связан только с оказанием ими идеологических услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кирилина А. В.* Сходства в развитии коммуникативно мощных языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 77–89. [Kirilina, A.V. (2015). Shodstva v razvitii kommunikativno moschnyh yazykov v epohu globalizatsii (Similarities in the development of communicatively strong languages in the globalization epoch). Voprosy psiholingvistiki, 2(24), 77–89. (In Russ.)].
- Федоров Р.* Неосознанный плагиат, или потеря памяти: Криптомнезия – аномалия мозга, склоняющая людей к заимствованию. URL: <https://royalcheese.ru/psychology/neosoznannyj-plagiat-ili-poterya-pamyati-kriptomneziya-anomaliya-mozga-sklonyayushhaya-lyudej-k-zaimstvovaniyu/> (дата обращения: 01.12.2020). [Fyodorov, P. Neosoznannyj plagiat, ili poterya pamyati: Kriptomneziya – anomaliya mozga, sklonyayushhaya lyudej k zaimstvovaniyu. (Unconscious plagiarism, or amnesia: cryptomnesia – anomaly of brain inducing people to adoption). (In Russ.)].
- Anzahl der ausländischen Studierenden an Hochschulen in Deutschland im Wintersemester 2019 / 2020 nach Herkunftsländern. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/301225/umfrage/auslaendische-studierende-in-deutschland-nach-herkunftslaendern/> (accessed 19.11.2020)
- Ammon U.* Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin, München, Boston: de Gruyter, 2015.
- Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? In Kooperation mit ADAWIS. Baden-Baden: Nomos, 2020.

- Flessner A.* Die Bedeutung von Wilhelm von Humboldts Sprachdenken für die Rechtswissenschaft. In: Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin = History and the Present. Commemorative publication in Honor of the 200 Anniversary of the Law Department at the Humboldt University in Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft. Berlin: de Gruyter, 2010. S. 874–898.
- Gehrmann S.* Die Kontrolle des Fluiden: Die Sprachlichkeit von Wissenschaft als Teil einer neuen Weltordnung // Bildungskonzepte und Lehrerbildung in europäischer Perspektive. München, New York: Waxmann, 2015. S. 117–156.
- Klein St.* Wissenschaftssprache: Dämmer auf Englisch // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Frankfurt a.M., 06.07.2007.
- Meyer H. J.* Nur Mut zu einer Reform der Reform: Anmerkungen zum Bologna-Prozess // Forschung & Lehre. 2009. № 8. S. 574–577.
- Mocikat R.* Der Wert der Mehrsprachigkeit in den Naturwissenschaften // Mehrsprachigkeit im Wissenschaftsdiskurs: Ein Panorama der Möglichkeiten und Schwierigkeiten. Baden-Baden: Nomos, 2018. S. 269–282.
- Mocikat R., Dieter H. H.* Eine Universalsprache für die Naturwissenschaften? Ein kritischer Zwischenruf // Aviso. 2011. № 2. S. 26–31.
- Rösch O., Tolkiehn G.-U.* Zum Diskurs über die Sprache in der Wissenschaftskommunikation // Die Neue Hochschule. 2018. № 4: Zwischen Mission und Versuchung: Die Wissenschaft und die 'gute Sache'. S. 26–29.
- Rösch O., Tolkiehn G., Lehnert R.* Die Landessprache in der Lehre – Welche Bedeutung kommt ihr bei der Internationalisierung zu? // Die neue Hochschule: Internationalisierung der Hochschulen. 2019. Vol. 6. S. 12–15.
- Weinrich H.* Sprache und Wissenschaft // Deutsch als Wissenschaftssprache: 25. Konstanzer Literaturgespräch. Tübingen: Narr, 1986. S. 183–193.

Е. Б. Яковенко

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
ФГБУН Институт языкознания Российской академии наук
yakovenko_k@rambler.ru

ДЕМЕТАФОРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ КАК ПУТЬ К ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Со второй половины XX века получили распространение симплифицированные англоязычные библейские переводы, предназначенные для неофитов и / или лиц, не являющихся носителями английского языка. В таких переводах нередко наблюдается последовательный отказ от метафорических обозначений, замена метафор прямыми номинациями и более простыми тропами (сравнение, эпитет), что приводит к нивелированию языка и стиля и служит интернационализации перевода.

Ключевые слова: библейские переводы; симплификация языка; образные средства; тропы; метафора; интернационализация.

Ye. B. Yakovenko

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Leading Research Fellow
of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
yakovenko_k@rambler.ru

DEMETAPHORISATION OF MODERN ENGLISH BIBLICAL TRANSLATIONS AS A WAY TO THEIR INTERNATIONALISATION

The study focuses on English biblical translations of late 20th – early 21st c. displaying features of simplification and intended for neophytes and / or non-native speakers of English. Such translations witness consistent elimination of metaphorical nominations, replacement of metaphors by direct nominations and simpler tropes (comparison, epithet), which results in the flat style of the translation and, finally, its internationalisation.

Key words: biblical translations; simplification of language; expressive means; tropes; metaphor; internationalization.

Введение

Начиная с середины XX в. библейский перевод подвергается мощному натиску глобализации. Падение колониальной системы не только не остановило, но и, скорее, усилило интерес к Библии

и христианскому вероучению в странах третьего мира, подкрепляемый деятельностью библейских обществ и миссионерских организаций. Это привело к появлению значительного числа библейских переводов, предназначенных для неопитов и / или лиц, не являющихся носителями английского языка. Эти переводы, главным образом англоязычные, имеют выраженные признаки симплификации и не преследуют цель заменить авторитетные переводы прошлых эпох и современности, как, например, Библию короля Иакова (the King James Bible) или же the New International Version. К числу упрощенных англоязычных переводов, в частности, относятся the Bible in Basic English (BBE), the Easy-to-Read Version (ERV), the Good News Bible (GNB), the Plain English Version (PEV) и многие другие (см. далее).

Ключевые проблемы данной работы следующие: 1) выявление трансформационных процессов, которым подвергаются в современных упрощенных библейских переводах образные метафоры со структурой словосочетания или предложения, восходящие к тексту Ветхого или Нового Завета и ставшие благодаря Библии короля Иакова фразеологизмами английского языка; 2) влияние этих трансформаций на язык и стиль переводов; 3) установление связи между утратой образности в переводе и его интернационализацией.

Объектом исследования выступают разноструктурные метафоры, представленные в библейских текстах-источниках и переводах. Материал исследования составили греческий текст Нового Завета (Novum Testamentum Graece) (28-е издание Нового Завета Нестле-Аланда и сверенное с ним 12-е издание Нового Завета Объединенных библейских обществ), текст Библии короля Иакова (the King James Bible, KJB), цитируемый по стандартному 1769 г., и 20 современных библейских переводов, проявляющих признаки симплификации. Перечень последних включает: the Bible in Basic English (BBE, 1964), the Common English Bible (CEB, 2011), the Contemporary English Version (CEV, 1995), the Easy-to-Read Version (ERV, 1987), the Living Bible (TLB, 1971), the Good News Bible (GNB, 1976), God's Word Translation (GW, 1995), the Modern English Version (MEV, 2014), the Message (MSG, 2002), the New English Translation (NET, 1996), the New International Reader's Version (NIrV, 1996), the New Life Version (NLV, 1986), the New Living Translation (NLT, 1996), the New Testament for Everyone (NTE, 2011), the Open English Bible (OEB, 2010), the Plain

English Version (PEV, 2020), the Positive Infinity New Testament (PINT, 2004), the Passion Translation (TPT, 2017), the Voice (VOICE, 2012), the Worldwide English (New Testament) (WE, 1969), the World English Bible (WEB, 2000). Ввиду ограниченного объема работы перечень переводов не приводится в списке источников. Тексты цитируются по: [Bible Gateway 2020].

Настоящее исследование, выполняемое на стыке теории перевода и стилистики, опирается на общепризнанные работы по теории перевода [Nida 1964], библейскому переводу [Waard, Nida 1986] и теории метафоры, в том числе библейской [Lakoff, Johnson 1980; Soskice 2008], а также на более ранние (и весьма немногочисленные) труды, посвященные использованию образных средств в Св. Писании [Keach 1858; Bullinger 1898].

Метафора и ее трансформации в современном библейском переводе. Библейская метафора и подходы к ее изучению

Еще в 1682 г. Бенджамин Кич, баптистский писатель и проповедник, предложил в своем фундаментальном 4-томном труде «Tropologia: A Key to Open Scripture Metaphors», развернутую типологию библейских метафор [Keach 1858]. Кич не обращался к первоисточникам и, используя в качестве иллюстративного материала текст Библии короля Иакова, реже – более раннюю Женевскую Библию, рассматривал исключительно содержательную сторону библейских метафор.

Двумя столетиями позже Э. Буллингера, крупный теолог и библеист, писал о важности изучения библейской образности:

...An unusual form (figura) is never used except to add force to the truth conveyed, emphasis to the statement of it, and depth to the meaning of it. When we apply this science then to God's words and to Divine truths, we see at once that no branch of Bible study can be more important, or offer greater promise of substantial reward. It lies at the very root of all translation; and it is the key to true interpretation... [Bullinger 1898, c. vi].

Буллингер видел в систематизации библейских тропов новый подход к изучению Св. Писания:

There is great need, therefore, for a work which shall deal exhaustively with the great subject of Figurative Language; and, if possible, reduce the Figures to some kind of system (which has never yet been completely done either by the Ancients or Moderns), and apply them to the elucidation of the Word of God. <...> The mode of treatment is new and comprehensive. It is new; for never before has Figurative Language been taken as a subject of Bible study: it is comprehensive, for it embraces the facts and truths which lie at the foundation of the Christian faith [там же, с. ix].

Сожаление Буллингера по поводу того, что проблема библейской образности долгое время оставалась вне внимания переводчиков и комментаторов [там же, с. vi], не утратило своей актуальности: в настоящее время существует не так много работ, в которых бы библейская образность и, в частности, метафора рассматривалась с точки зрения своего языкового выражения как в источниках, так и в переводах.

Вслед за основателями теории концептуальной метафоры, мы понимаем метафору как важнейшее средство освоения объективной реальности и основание концептуальной системы, т. е. картины мира:

...Metaphor is not merely a matter of language. It is a matter of conceptual structure. And conceptual structure is not merely a matter of the intellect – it involves all the natural dimensions of our experience, including aspects of our sense experiences: color, shape, texture, sound, etc. [Lakoff, Johnson 1980, с. 235].

Библейская метафора оказывается еще более сложной: это средство освоения той реальности, которая не дана нам в ощущениях, это нить, связывающая материальный и духовный мир.

Как отмечает исследовательница религиозной метафоры Джанет Соскис, в религиозном языке метафоре отводится особое место как способу номинации тех сущностей, которые иначе никак не могут быть означены [Soskice 1987, с. ix]. В Библии метафора выступает как средство концептуализации божественного и взаимодействия человека с Богом, и ее использование представляется вполне оправданным:

Despite his utter inability to comprehend God, [the Christian] is justified in speaking of God and <...> metaphor is the principal means by which he does so [там же, с. x].

Метафоры, «пронизывая» (правильнее было бы сказать «конституируя») весь текст Библии, отличаются большим содержательным и структурным разнообразием. Их типология в целом соответствует общей типологии метафор: метафоры могут быть стертыми, общепотребительными образными и индивидуально-авторскими, простыми и развернутыми, номинативными, образными и когнитивными. Кроме того, различаются собственно метафоры и их особые разновидности (олицетворение, аллегория и др.). Библейские метафоры служат для обозначения предметов, процессов, явлений земного и небесного миров; в зарубежной библеистике различаются также метафоры, служащие номинации человека ('human metaphors') и Бога ('divine metaphors'). В следующей части работы будут выявлены типы библейских метафор, подвергающиеся наибольшему трансформациям в переводах – вплоть до полного их разрушения.

Трансформации библейских метафор в переводе

Выборочный контрастивный анализ метафор в библейских текстах-источниках и их переводческих эквивалентов позволяет установить зависимость между типом метафоры и способом ее представления в переводе.

Следует отметить, что простые, стертые, метафоры, лежащие в основе переносных значений многих древнееврейских и греческих единиц, как правило, утрачены в переводах, что объясняется несопадением лексических и концептуальных систем языков источников и языков переводов. Так, современный английский язык не в состоянии передать одним словом многозначность др.-евр. единицы *aph*, обозначающей и нос, и гнев – для этого в переводах используются единицы *nose* и *anger* (*wrath*, (*to be*) *angry*), семантически не связанные друг с другом.

Напротив, развернутые метафоры, лежащие в основе аллегорий и притч (например, ветхозаветное изображение Иерусалима как некогда плодоносящей, но затем вырванной с корнем и иссохшей виноградной лозы (*Иез. 19: 10–14*) или новозаветные притчи), сохраняются во всех библейских переводах.

Где-то посередине этого диапазона располагаются развернутые метафоры со структурой словосочетания или предложения, которые

благодаря своим ярким образам и регулярной воспроизводимости легли в основу ряда фразеологизмов английского языка. Эти фразеологизмы восходят в своем большинстве к тексту, представленному в Библии короля Иакова, хотя, возможно, их появление относится к более раннему периоду. Для современных библейских переводов связь с Библией короля Иакова как прецедентным текстом необязательна, и фрагменты этих текстов, формально соотносимые с наиболее известными и цитируемыми метафорами, могут иметь, как будет показано далее, совершенно иное лексическое и синтаксическое оформление.

Следуя взглядам видного теоретика переводоведения Ю. Найды [Nida 1964; Waard & Nida 1986], мы различаем переводы, выполненные в рамках формальной эквивалентности (или, в соответствии с распространенным обозначением этого типа, “word-for-word translations”), и переводы, находящиеся с текстом-источником в отношениях смысловой, или, по Ю. Найде, динамической эквивалентности (“thought-for-thought translations”). Все рассматриваемые нами библейские переводы (кроме, разумеется, Библии короля Иакова, создававшейся в другую эпоху и в соответствии с иными принципами перевода), считаются смысловыми, т.е. *argiori* предлагают определенные отступления от оригинала в плане выражения.

Использование основных положений теории динамической эквивалентности, а также типологии межъязыковых соответствий, разработанной нами применительно к библейским текстам и учитывающей функционально-семантическое тождество vs различие как ключевых единиц текста, так и их ближайшего окружения [Яковенко 2007, с. 109–113], позволяет выделить следующие случаи репрезентации оригинальных метафор в библейских переводах, т.е. типы эквивалентности метафор в оригинале и переводе:

1. Полное семантическое и синтаксическое тождество оригинальной метафоры и ее переводческого эквивалента.
2. Частичное синтаксическое тождество оригинальной метафоры и ее переводческого эквивалента при их семантическом тождестве.
3. Частичное семантическое тождество оригинальной метафоры и ее переводческого эквивалента при их синтаксическом тождестве.

4. Сочетание типов 2 и 3.
5. Полное разрушение первоначального образа, сопровождаемое лексическими и синтаксическими трансформациями в переводе.

Выявленные типы эквивалентности могут быть, в частности, продемонстрированы на примере фрагмента стиха Matt 7:6.

Новозаветная метафора $\mu\eta\delta\grave{\epsilon}\ \beta\acute{\alpha}\lambda\eta\tau\epsilon\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \mu\alpha\rho\gamma\alpha\rho\iota\tau\alpha\varsigma\ \upsilon\mu\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\mu\pi\rho\sigma\theta\epsilon\nu\ \tau\acute{\omega}\nu\ \chi\omicron\iota\rho\omega\nu$ (GNT) «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями», развивавшаяся в русском языке во фразеологизм «метать бисер перед свиньями»), представлена в Библии короля Иакова как «...neither cast ye your pearls before swine». В переводе The Voice (2012) метафора имеет практически тот же вид: «Don't cast your pearls before swine» (эквивалентность типа 1). Хотя в большинстве рассматриваемых переводов стоит другой глагол – *throw*, а *swine* заменено на более распространенное *pig*: «Don't throw your pearls in front of pigs» (Common English Bible (CEB, 2011)), мы полагаем, что между греческим Новым Заветом и подобными переводами имеет место эквивалентность первого типа.

В переводе The Living Bible (TLB, 1971) наблюдается гиперонимическая замена одного из компонентов («бросать» → «давать»), создающую эквивалентность типа 2: «Don't give pearls to swine!». Аналогичная замена наблюдается и в (Worldwide English (New Testament)) (WE, 1969): «Do not throw your fine stones to pigs» (понятие «жемчуг» заменено понятием «драгоценные камни»). В отдельных случаях симплификация находит место в лексическом оформлении и предиката, и субъекта: «[Do not] put your jewels before pigs» (the Bible in Basic English (BBE, 1964)).

Синтаксис этого отрывка довольно прост и, казалось бы, какое-либо его варьирование не предполагается, поэтому при контрастировании вариантов данного стиха в различных переводах эквивалентность типа 3 в чистом виде нами не выявлена. Однако недавний перевод the Passion Translation (TPT, 2017) превращает императив (точнее, прохибитив) в вопросительно-восклицательное предложение, меняя модальность отрывка. Синтаксическая трансформация, вместе с семантическим приращением текста (вставка *wild* «дикий»), создает эквивалентность типа 4: «Who would ... throw pearls in front of wild pigs?»

Наиболее интересными представляются эквиваленты типа 5, представленные в переводах *The Message* (MSG, 2002) и *The Plain English Version* (PEV, 2020):

Don't reduce holy mysteries to slogans. In trying to be relevant, you're only being cute and inviting sacrilege (*The Message*).

And some of God's things are really special. Don't give them to people that don't know those things are special. They will rubbish those things (*Plain English Version*).

Трансформации, используемые авторами данных переводов, настолько значительны, что они не только приводят к полному стиранию метафоры, но и превращают перевод в парафраз. Кроме того, в переводе *The Message* наблюдается искажение изначального смысла отрывка.

Эти и подобные примеры показывают, что образность оригинала полностью сохраняется при эквивалентности типов 1 (семантическое и синтаксическое тождество оригинала и перевода) и 2 (незначительные синтаксические трансформации, не влияющие на общий смысл отрывка). При эквивалентности типов 3 и 4 имеют место лексические или же лексические и грамматические трансформации, слабо влияющие на образ. При эквивалентности типа 5 происходит полное разрушение метафоры, замена ее прямой номинацией, в иных случаях – более простым тропом (сравнением или эпитетом).

Взаимодействие процессов демегафоризации и симплификации в библейских переводах

Отказ переводчика от сохранения оригинальной метафоры в библейском переводе имеет целый ряд следствий как положительного, так и отрицательного характера. С одной стороны, наблюдаемые в подобных случаях лексические и грамматические отступления от оригинала приводят к определенным смысловым потерям. Демегафоризация перевода, наряду с другими трансформациями текста (отказ от передачи историко-культурных реалий, использование ограниченной лексики и примитивного синтаксиса и т. д.), – один из способов симплификации перевода. Мы склонны считать симплификацию особой стратегией библейского перевода, не сводимой ни к форемизации, ни

к доместикации и порождающей некий усредненный текст, лишенный многих литературных достоинств.

С другой стороны, именно упрощенный текст, написанный языком без какой-либо территориальной специфики (т. е. своего рода *lingua franca*), не тяготеющий ни к оригиналу, ни к ранее выполненным на том же языке культурно значимым переводам, имеет шанс использоваться за пределами отдельного региона и приобрести наднациональный, или интернациональный, характер. Преимущества использования такого библейского текста в миссионерской практике очевидны.

Заключение

Упрощенные, лишенные образности переводы Библии характеризуются определенной нивелированностью языка и стиля, что, с одной стороны, лишает их исторической и культурной специфики, с другой – делает их доступными представителям различных культур с разным уровнем образования. Подобные переводы, безусловно, не могут претендовать на значимую роль в глобализационных языковых процессах, но они успешно используются в религиозных практиках, выходя за рамки отдельных регионов, этнических и конфессиональных групп, участвуя таким образом в интернационализации библейского текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Яковенко Е. Б. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2007. [Yakovenko, Ye. B. (2007). *Jazykovej obraz cheloveka v anglijskih i nemeckih prevodah biblii (opyt konceptual'nogo modelirovaniya)*. (Man's lingual image in English and German biblical translations: cognitive modelling): Thesis of PhD in Philology. Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Bible Gateway. URL: <https://www.biblegateway.com/> (accessed: 25.02.2020).
- Bullinger E. W. *Figures of Speech Used in the Bible*. London: Eyre and Spottiswoode; New York: Young and Co, 1898.
- Keach B. *Tropologia: A Key to Open Scripture Metaphors, in Four Books: to which are Prefixed, Arguments to Prove the Divine Authority of the Holy Bible: Together with Types of the Old Testament*. London: William Hill Collingridge, 1858.

Lakoff G., Jonhson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964.

Soskice J. M. Metaphors and Religious Language. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Waard J. de, Nida E. From One Language into to Another: Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville, Camdon, New York: Thomas Nelson Publishers, 1986.

Э. Б. Яковлева

доктор филологических наук, профессор,
зав. отделом языкознания Института научной информации
по общественным наукам Российской академии наук
jakovlevaemma@mail.ru

**СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СПОНТАННОГО СИНЕРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на материале немецкого звучащего диалогического дискурса)**

Исследование посвящено особенностям коллоквиального синтаксиса на материале спонтанной немецкой звучащей диалогической речи. В качестве основы для описания выбраны основные структурно-стилевые характеристики спонтанной диалогической речи – краткость и пространность. Выдвинутые положения иллюстрируются примерами звучащей непрепарированной спонтанной речи, не подвергнутой корректированию согласно синтаксическим нормам кодифицированного языка с целью показать все возможные отступления от синтаксической нормы при спонтанном речегенерировании.

Ключевые слова: спонтанная диалогическая звучащая речь; синтаксис; лапидарность; плеонастичность.

E. B. Yakovleva

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Head of Linguistic Department, Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
jakovlevaemma@mail.ru

**STRUCTURAL AND SYNTACTIC FEATURES
OF SPONTANEOUS SYNERGETIC DISCOURSE
(based on the studies of the German sounding dialogic discourse)**

The research is devoted to the peculiarities of colloquial syntax based on the studies of spontaneous German-sounding dialogic speech. The main structural and stylistic characteristics of spontaneous dialogic speech such as brevity and spatiality are chosen as the basis for the description. The proposed provisions are illustrated by examples of sounding unprepared spontaneous speech, which have not been corrected according to the syntactic norms of the codified language in order to show all possible deviations from the syntactic norm in spontaneous speech generation.

Key words: spontaneous dialogical sounding speech; syntax; lapidarity, pleonasticity.

Введение

Устная разговорная речь обладает специфическими произносительными, лексическими и синтаксическими особенностями. «Вне специфического синтаксиса разговорная речь немислима. Необычайно пестрая и разношерстная картина разговорных явлений с трудом поддается обобщениям и сложна для описания» [Девкин 1974, с. 56].

Лингвистами предпринято немало усилий для решения этой задачи. Весьма продуктивными оказались их стремления описать отдельные типичные для разговорного синтаксиса черты (парцелляция, повторы, вопросно-ответные единства, синтаксические идиоматизмы, различного рода отклонения от полноты, избыточность и т.д.) [Жирнова 1989; Турсунов 1993; Каминер 1986; Поликарпов 1990, 2000, 2013; Ермакова 1992; Mackeldey 1987; Naumann 1989 и др.].

По линии проблемного «большого» синтаксиса разговорной речи также сделано немало.

Что касается исследования синтаксической организации спонтанного синергического (диалогического, полилогического) дискурса, то здесь накоплено тоже немало сведений о парадигматических, структурных, семантических, функциональных и прагматических свойствах этих форм разговорной речи, однако в этой области синтаксис представляет пока ситуацию неиспользованных возможностей.

В связи с этим представляется возможным из большого числа изысканий в этом направлении выделить лишь наиболее крупную «точку приложения» лингвистического поиска. На наш взгляд, в качестве такой точки могут являться некоторые основные стилевые черты звучащей спонтанной диалогической речи, в частности ее лапидарность и плеонастичность и основные синтаксические средства их реализации.

Сочетание двух противоположных тенденций: 1) языковой экономии и 2) языковой избыточности в разговорной речи отмечалось лингвистами неоднократно [Riesel 1970; Девкин 1974; Скребнев 1971; Михайлов 1994; Коровкин 2006; Становая 2016 и др.].

Синтаксические средства реализации диалогической компрессии

Тенденция к языковой экономии порождается, прежде всего, ярко выраженной ситуативной обусловленностью диалогической речи.

Это способствует значительному сокращению употребляемого в спонтанном диалоге языкового материала. То, что ясно из ситуации, вербально не выражается.

Тенденция к экономии языковых средств заложена в самой природе диалога. Его основное свойство реплицирование, обусловленное непосредственной чередующейся формой общения, обеспечивает свойственный диалогической речи ускоренный темп, реализует потребность собеседников что-то быстро сказать друг другу.

Следует отметить, что тенденция к экономии вербального выражения передается посредством всех аспектов языка: фонетического, лексического, грамматического, в том числе и синтаксического, где можно выделить два основных вида средств речевой экономии: средства узуальной и окказионально-индивидуальной речевой экономии.

Средства узуальной речевой экономии

Одним из характерных свойств спонтанной диалогической речи, реализующих принцип узуальной языковой экономии, является употребление неполных конструкций. Изучению синтаксически неполных построений в немецком языке уделялось большое внимание, в результате чего в понимании этой проблемы достигнута значительная ясность [Девкин 1974; Михайлов 1994; Ермакова 1992; Езан, Нейборская 2016; Кулаева 2018 и др.].

Под неполными конструкциями понимается самостоятельный тип предложения, характерной особенностью модели которого является отсутствие в ней некоторых структурно необходимых элементов, которые могут быть легко восстановлены из речевого контекста или ситуации.

I. Примером неполной конструкции могут служить эллипсы.

Лингвисты выделяют в разговорной речи следующие виды эллипсиса: контекстуальный, ситуативный, а также основные типы эллипсиса: фрагментирование, эллипсис глагольной группы, эллипсис именной группы, сравнительный эллипсис, нулевая анафора дополнения и др. [Михайлов 1994; Зинган 2020 и др.].

В спонтанной диалогической речи контекстуальный эллипсис является самым распространенным, опирается на предшествующий контекст и на однозначность коммуникативной ситуации.

Согласно коммуникативному членению высказывания в усеченной реплике представлен коммуникативно наиболее нагруженный член сообщения:

- Und aus welcher Stadt bist du denn eigentlich?¹
- Aus Kiel.

В ответе на вопрос может не называться и целое предложение (представляющее собой компонент сложноподчиненного предложения) в большинстве случаев главное; придаточное предложение, оторванное от него, передает все необходимое для ответа содержание:

- Und macht die Arbeit Spaß hier?
- Wenn ich also Fazit ziehe, ja.

Употребление в ответе сложноподчиненного предложения в его полной форме звучало бы неестественно.

Диалогические единства могут представлять собой целые цепочки усеченных реплик:

- Und für wie lange?
- Für 5 Wochen nur. Ach!!
- Für 7 Wochen!?
- Für 7 Wochen. Hab' mich versprochen. Ja, für 7 Wochen.

Степень неполноты зависимых от речевого контекста элементов возрастает, если их составляют вопросительные слова, а также отдельные повторяющиеся элементы из структуры предшествующей реплики:

1. – Ich habe noch nie ein' so guten Flug gehabt.
– Wieso?
2. – Ja, einige Sehenswürdigkeiten von Moskau kenn' ich. Aber nicht alles.
– Nicht alles?

Итак, компрессия спонтанного диалога достигается, прежде всего, эллиптизированными конструкциями, обусловленными одним

¹ Все примеры, приводимые в статье, взяты из нашего звучащего материала. Они не подвергались грамматическому корректированию согласно синтаксическим нормам кодифицированного языка с целью показать все возможные отступления от синтаксической нормы при речевом спонтанном генерировании.

из основных механизмов диалогической формы общения – реплицированием.

Зависимость последних высказываний от предыдущих, выступающих в роли контекста, делает излишним повторение некоторых членов предложения или составных частей сложных предложений в других репликах диалогического единства.

Помимо чисто диалогических эллипсов в спонтанном диалоге распространены неполные предложения, употребляющиеся в немецкой спонтанной речи не только в реагирующих, но и иницирующих репликах диалога, т. е. их неполнота вызвана уже не влиянием речевого контекста, а характером семантической наполняемости опущенных компонентов предложения. В таких предложениях отсутствуют главные члены или их компоненты с широким или нулевым лексическим значением, выраженные личными местоимениями, местоимением *es* в безличном или указательном значениях, глагол-связка *sein*, вспомогательный глагол *haben*, оборот *es gibt* и др., выполняющие в них формально структурную функцию. Семантически нагруженные и, следовательно, важные в коммуникативном отношении части предложения вербализуются. Такие относительно самостоятельные неполные предложения со свойственной им устойчивой структурой употребительны, следовательно, не только в реагирующих репликах, но и в иницирующих.

Наиболее часто встречаются следующие виды неполных конструкций.

- а. Усеченные структуры иницирующих реплик с неназванным подлежащим, выраженным местоимением *es* в безличном или указательном значениях:

– Ist irgendwie toll!
– Ja, es geht mir auch so.

- б. Неполные конструкции с опущенным подлежащим, выраженным местоимениями первого или второго лица единственного числа, что также является нормой в спонтанном диалоге:

– Hätte gern mal zugehört, wie es bei euch zugeht.
– Das ist leider... leider...

- в. Конструкции, в которых опущение субъекта часто сопровождается отсутствием глагола-связки или вспомогательного

глагола, так что реплика может сводиться лишь к именной части:

- Furchtbar anstrengend!
- Ja, wirklich.

г. Глагол-связка может отсутствовать и в субъектных структурах:

- Das ein ziemlich formales Prinzip.
- Ja das haut ja überhaupt nicht hin.

д. К числу устойчивых эллипсов в спонтанном диалоге относятся структуры с опущенным глаголом движения и обычно указанным обстоятельством места. Вспомогательный глагол становится в них носителем функции основного глагола. Существительное, обозначающее цель, на которую направлено действие, становится носителем глагольного значения. П. Ф. Монахов квалифицирует такие структуры как «исторические эллипсы» [Монахов 1961, с. 8], представляющие собой полные конструкции в современном языке:

- Na, wir wollen über die Maifeiertage nach Taschkent.
- Schön. Und ist das einfach technisch für Sie? Müssen Sie ein Visum beantragen dafür?

Спонтанный диалог пронизывают эллиптические структуры разных типов и являются ее нормой [Mackeldey 1987], ибо замена их соответствующими полными конструкциями противоречит естественной коммуникации.

Часто употребление в спонтанном диалоге сокращенных структур приводит к возникновению языковых штампов, в которых влияние речевого контекста уже вообще не ощущается (*Herzlich willkommen. Danke. Gut. Kommt nicht in Frage* и т. д.).

II. К узуальным синтаксическим средствам диалогической компрессии относится и опущение некоторых соединительных элементов: подчинительных и сочинительных союзов. В живой разговорной речи бессоюзные конструкции более употребительны, чем союзные.

Так, в частности, в бессоюзных гипотаксисных построениях речевая экономия создается за счет формальной невыраженности подчинения. Главное предложение содержит глаголы, требующие раскрытия своего значения в последующем контексте. Придаточное

предложение, выполняющее эту функцию, имеет порядок слов самостоятельного предложения. Основная информация сосредоточена в зависимой части, а главное лишь вводит ее. Поэтому в рамках целого предложения главное и придаточное предложения образуют комплексную тему и комплексную ремю:

Ich hoffe, wir gehen hier auch mal noch ins Theater.

Бессоюзная связь в спонтанном диалоге оказывается возможной также благодаря несложности выражаемого содержания, близости простых по своей структуре предложений, преобладание которых в спонтанном диалоге является нормой.

Асиндетон возможен:

а. при сочинительной связи конструкций спонтанного диалога:

Die heißen nicht mehr «Alte russische Kochbücher»...die heißen «Перестройка – меню» oder irgend so'n Blödsinn;

б. при подчинительной связи часто отсутствует союз *dass*:

Aber ich hab' so einen Eindruck, du hast so verschiedene Aufgaben an verschiedenen Instituten.

Отсутствие союзов в данных конструкциях не затрудняет общение.

в. В бессоюзных предложениях со значением причинности асиндетон стирает грань между подчинительным союзом *weil* и сочинительным союзом *denn*.

Ich hätte auch gern mal so Einblick bekommen in die...in deine Tätigkeit... das scheint ja sehr Verschiedenartiges zu sein.

Средства окказиональной и индивидуальной речевой экономии

Спонтанному диалогу свойственна также и так называемая окказиональная и индивидуальная экономия, «которая распространяется лишь на определенный контекст, лишь на определенную ситуацию» [Riesel 1970, с. 197].

Этот вид экономии языковых средств находит свое выражение в кратких диалогических репликах, не поддающихся строгой

структурной типизации. Коммуникация осуществляется с помощью меняющихся в конкретном контексте групп слов, отдельных звеньев предложений или же только слов. Такой экономный способ передачи информации осуществляется под влиянием определенных экстралингвистических факторов; большую роль здесь играют паралингвистические средства, интонация, пресуппозиция, в результате чего говорящие понимают друг друга с полуслова:

- Und...? Ach ja! Ja, ja.
- Ja.
- Und was sag'sen?
- Ach, na, also... смех

Только из расширенного контекста становится ясно, что заключено в приведенных репликах.

Окказиональная экономия языковых средств в спонтанном диалоге достигает своего «апогея», если их реализация сводится к нулю: это имеет место в тех случаях, когда реплика говорящего полностью заменяется невербальным выражением эмоциональной реакции:

- Und man kam also dann mit hängendem Magen und auf dem Zahnfleisch dann an...
- Uh! Uh!

К окказиональным средствам экономии выражения относится и апозиопезис. Являясь одним из средств реализации непринужденности и эмоциональности в спонтанном диалоге, он может выступать одновременно и в функции передачи компрессии мысли. Условия, при которых апозиопезис выступает как средство речевой «бережливости», совпадают с осведомленностью беседующих о предмете разговора, что приводит к мысленному завершению «оборванного» высказывания:

- Und wann?
- aff...ich fliege am 25. ...
- Juli? July?
- July. ...Juli. Dann fliegt die Dörte...
- Aha!

В других случаях недосказанность может быть продиктована субъективными моментами: в случае, когда собеседник уходит от ответа или затрудняется ответить на вопрос:

- Ist das noch gerecht?
- Ja, es is'...es is' eine Frage ...

Здесь, конечно, не может идти речь об экономии выражения, так как мысль осталась не досказанной и не понятой собеседником. Под экономией выражения принято понимать количественное отношение языковых средств к содержанию высказывания [Riesel 1970].

Таким образом, даже на основании краткого рассмотрения синтаксических средств, создающих диалогическую компрессию, можно сделать вывод о том, что их количество, реализуемое в спонтанном диалоге, достаточно велико и весьма разнообразно.

Проявление тенденции к экономии языковых средств в спонтанном диалоге, выражающееся в невербализации ряда языковых единиц в речевой цепи, возможно на основе влияния экстралингвистических факторов, контекста, пресуппозиции.

Синтаксические средства реализации пространности. Средства языковой избыточности

Наличие в спонтанной диалогической речи двух противоположных, но не исключających друг друга тенденций: к языковой экономии и языковой избыточности вполне соотнобразуется с ее «нормой». Существование этой полярности в спонтанном диалоге вполне объяснимо. Она порождается, во-первых, определяющей чертой этой формы разговорной речи – непринужденностью, что выражается в частичном ослаблении контроля у говорящего над формой и содержанием высказывания. Во-вторых, здесь, безусловно, сказывается спонтанный характер речи, отсутствие предварительного обдумывания, что ведет к повторению элементов высказывания или целых высказываний как подтверждения начатой мысли. Кроме того, могут возникать добавления, поправки, уточнения с целью выиграть время для обдумывания последующего речевого шага. В-третьих, нельзя не учесть и фактор эмоциональности как причину появления в речи избыточных элементов.

Языковая избыточность понимается двояко. С одной стороны, это такой способ выражения мыслей, при котором в высказывание включаются дополнительные компоненты, наполняющие его основной смысл дополнительным эмоционально-экспрессивным содержанием.

С другой – избыточность определяется только как включение в речевой отрезок элементов, не меняющих существенно объём информации, содержащейся в данном отрезке [Поликарпов 1990; Поликарпов 2000].

Наиболее распространенными синтаксическими структурами, характеризующимися избыточностью средств выражения, являются повтор, парентезы, пролептические и антиципационные конструкции и др.

Остановимся на их краткой характеристике.

I. Живая диалогическая речь звучала бы неестественно, если бы в ней отсутствовали повторения целых высказываний или их частей.

В диалоге различают *повторы*:

- 1) в смежных репликах;
- 2) в пределах одной реплики.

Наиболее типичным для диалога считается повтор в смежных репликах, так как в таком случае осуществляется их структурно-семантическая связь.

При этом как в границах одной и той же реплики, так и в смежных репликах повторяемость структурных элементов проявляется в самых разнообразных формах.

а. При повторении собеседником услышанной фразы им воспроизводится, как правило, ее основная схема, то есть члены предложения в обеих репликах располагаются параллельно, что является типичным проявлением диалогичности:

- Ich komme mit dem Wagen.
- Du kommst mit dem Wagen?

б. Повторяемая фраза может не доводиться до конца, что часто наблюдается в спонтанном диалоге:

- Für wie lange sind Sie hier?
- Für wie lange...

в. Самые разнообразные оттенки чувств передают повторы в реагирующих репликах элементов иницирующей реплики, например чувство восхищения, что выясняется из контекста:

- Und ich war also eigentlich auch ziemlich überrascht davon, wie gut die Leute deutsch könnten!

- Oh, wenn ich so gut russisch könnte, dann ich hätte keine Probleme mehr, einen Arbeitsplatz zu finden!

г. Повторения отдельных элементов высказывания может также отражать состояние раздумья собеседника, его желание проникнуть в смысл сказанного:

Aber insgesamt...ja insgesamt fand ich die ganze Stunde eigentlich ziemlich... ziemlich... ja... interessant.

д. Повтор в смежной реплике с чувством убежденной правоты также является своеобразным «скрепом» реплик в диалогическом единстве:

- So ungefähr ja und so weiter...
- Nicht ungefähr, sondern ich hab' nämlich dort studiert, 4 Monate lang!!

е. Совершенно естественным явлением в спонтанном диалоге является хезитационный повтор в период поиска нужной лексической единицы или планирования синтаксической перспективы высказывания:

1. Der eine ist so armes Schwein... is'n¹...is'n¹...einⁿ...einⁿ...einⁿ.¹..Schwarzer
2. Na^a .[.also^{o2} ∂∂³...wenn man⁴...wenn man ff wenn man das^s | |⁵ an das^s
Examen hm an den Examina mißt... an den...Prüfungen am Jahresende,
dann ist es eher k^konservativer...herkömmlicher Unterricht.

II. а. Повторы являются главным, но не единственным языковым средством, воплощающим тенденцию к пространному выражению мысли в спонтанной диалогической речи. Так, спонтанность диалогической речи, отсутствие предварительного обдумывания ведет к *нагромождению элементов высказывания*; к тенденции не сразу прямо отвечать на вопрос:

¹ is'nⁿ – обозначение хезитаций в виде затяжек сонантов.

² o^o s^s k^k – обозначение хезитаций в виде затяжек гласных и согласных.

³ ∂∂ ff – обозначение заполненного хезитационного периода формами невербального поиска.

⁴ wenn man – обозначение заполненного хезитационного периода формами вербального поиска

⁵ | | – обозначение длинного хезитационного периода в виде акустического нуля.

- Und wie heißt er genau?
- Sie ist stolz.¹.. Ist eine .. eine .na aparte Mischung zwischen süddeutschem und im...im spanischklingend...hm...sollenden...δδ... Wenzel Nirkolas.

б. Необходимость уточнить сказанное вызывает включение во фразу вводных элементов в виде *parenthes*. Внезапная остановка в процессе говорения нарушает стройную структуру предложения и вызывает одновременно необходимость повторить его элементы. В момент замешательства говорящий не сразу находит нужную форму для выражения мысли. В поисках такой формы рождаются сначала лишь отдельные фрагменты фразы, а затем вся фраза, отчего всё выражение становится громоздким.

Aber | | ich glaub‘ 5 Monate sind einfach zu kurz, um das^s.. | | .um das richtig zu". | | .δδ zu mechanisieren, so .das es auto .automatisch ‘rüberkommt irgendwie .na | ich glaub‘...wenn ich...wenn ich wirklich das Geld hätte, das hab’ ich leider nicht...aber wenn ich das Geld hätte, dann würde ich auf jeden Fall noch 5 Monate verlängern.

III. Пространность отдельных реплик создается также добавлением говорящим к основной фразе *элементов с целью подчеркивания*. Это явление очень распространенное в эмоциональной речи. Это добавления типа «Verstehen Sie!» «Nicht wahr!» «Nicht!».

- Keinen Platz? Keine Zeit?
- Ja. Und keine Farben. Und nichts mitgebracht natürlich. Es wäre ja unnötiger Ballast, nicht?

IV. О многословии в спонтанном диалоге свидетельствуют также *обращения, «открывающие разговор»*:

Du...meinst du nicht...

V. Пространность высказывания возрастает, если его сопровождают элементы, не входящие непосредственно в предложение, но относящиеся к нему. Сюда относятся эмоционально-экспрессивные *слова-повторы; итерации*:

1. Nu! Kennst du F...Ach nee, nee, nee!

¹ | обозначение короткого хезитационного периода в виде акустического нуля.

2. – Dieser Quadflieg ist der große Faustdarsteller.
– Ja, ja, ja, ja.
3. – Willi Quadflieg.
– Der Sohn ist es? Nee, nee.

VI. Весьма привычно в обиходно-разговорной речи начинать высказывание со *словечек*, полностью *десемантизированных*. На них удобно опираться в процессе обмена высказываниями, то есть чаще всего они употребляются автоматически или же выполняют роль хезитационных периодов. Иногда они заканчивают реплику:

1. – Na so, das ist ja...
2. – Ja, das ist...na also...ich meine das nicht.
3. – Nur, nur jetzt so als ‘ne kleine philologische *δ m* Spitzfindigkeit, was?

VII. В спонтанном диалоге возможны формы с *двойным отрицанием*:
– Und dazu find‘ ich^{ch}...leiderlei nicht... keine Zeit.

VIII. В спонтанном диалоге употребительны *пролептические конструкции*. Их частое появление в гипотаксисных конструкциях отмечает А. М. Поликарпов [Поликарпов 1990; Поликарпов 2013]. Пролепсис как синтактико-стилистическое явление служит, прежде всего, для организации коммуникативного членения высказывания [Михайлов 1994].

Суть этого синтаксического явления состоит в вынесении одного из знаменательных компонентов высказывания за рамки синтаксической структуры и в замещении его позиции местоимением:

1. Überhaupt die ganze Ecke *δδ* Puschkinskaja, Gerzena und Gorkogo... diese ganze Ecke, die finde ich wunderschön.
2. Und die eine Frau, die diesen Vortrag angeboten bekommen hat, die war an und für sich nicht schlecht.

IX. *Антиципационные конструкции* представляют собой построения с обратным по сравнению с пролептическими структурами расположением элементов. Наличие их в устно-речевом дискурсе отмечают А. М. Поликарпов, Л. М. Михайлов и др. [Поликарпов 1990; Михайлов 1994].

В антиципационной конструкции выносимый за рамки синтаксической структуры элемент занимает постпозицию:

- So ein apartes Thema, was ich schon über...mit^t denen...besprechen wollte...mit^t lieben Geschwistern, mit Dörte.

Следует заметить, что данные конструкции часто используются говорящим как гезитационные периоды для обдумывания дальнейшей речевой перспективы.

Х. Интересны в спонтанной диалогической речи построения с *анаколофом*, то есть когда наблюдается нарушение правильной формально-синтаксической связи между началом и последующей частью высказывания:

- Wenn man sich verteidigt...und die Planstelle...es ist eine Planstelle...

Таким образом, перечисленные формы речевой «расточительности» являются неизбежными спутниками диалогического общения с его тенденцией к удобству, с характерными для него эмоциональностью и непосредственностью. Тенденция к пространному выражению мысли является важной составной частью его специфики, его внутренней закономерностью.

Заключение

Генерирование спонтанной речи происходит не путем логического развертывания, а посредством ассоциативного «нанизывания», «квантования» отдельных высказываний, сопровождаемых соответствующими невербальными средствами. Речевые высказывания часто носят эллиптизированный характер, что оказывается возможным в соответствии с ситуацией общения. Спонтанное высказывание эфемерно по своему характеру. Его невозможно повторно воспроизвести в абсолютно первозданном виде. Его мимолетность порождает «локутный синтаксис», структурную «пестроту», «разрыхленную» синтаксическую архитектонику.

Своеобразие форм выражения и содержания с помощью синтаксических структур спонтанной речи следует рассматривать не как нарушения правил синтаксической парадигматики и синтагматики, не как аномальность структурного «устройства» речи, а как норму

языкового оформления спонтанно, «на ходу», порождаемой мысли. Лапидарность спонтанных высказываний можно считать лишь относительной, поскольку часто они могут быть довольно плеонастичными, представляя собой однонаправленную последовательность самостоятельных высказываний, формируемых не только оккурсивно, но и кумулятивно.

Фрагментарный, аморфный характер языкового оформления мысли, обусловленный спонтанностью, непринужденностью общения, способствует появлению в спонтанной диалогической речи своеобразных уникальных построений, которые иногда трудно поддаются типизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Девкин В. Д.* Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. [Devkin, V. D. (1974). *Problemy nemeckoj razgovornoj rechi (leksika i sintaksis)*. (*Problems of German Colloquial Speech* (Vocabulary and syntax): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Езан И. Е., Неборская Л. Н.* Структурно-семантические особенности неполных предложений в немецкой разговорной речи // В мире науки и искусства: Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск: Сиб. акад. книга, 2016. № 8 (63). С. 52–61. [Ezan, I. E., Neborskaja, L.N. (2016) *Strukturno-semanticheskie osobennosti nepolnyh predlozhenij v nemeckoj razgovornoj rechi* (Structural and semantic features of incomplete sentences in German colloquial Speech). *V mire nauki i iskusstva: Voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii*, 8(63), 52–61. (In Russ.)].
- Ермакова Л. И.* Порядок слов в немецкой диалогической речи (на материале вопросно-ответных реплик): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1992. [Ermakova, L. I. (1992). *Porjadok slov v nemeckoj dialogicheskoj rechi (na materiale voprosno-otvetnyh replik)* (Word order in German Dialogic speech (based on the material of question-and-answer Replicas): thesis of PhD in Philology. Pyatigorsk. (In Russ.)].
- Жирнова И. И.* Семантико-синтаксические и коммуникативно-прагматические функции парентезы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1989. [Zhirkova, I. I. (1989). *Semantiko-sintaksicheskie i kommunikativno-pragmaticheskie funkcii parentezy v sovremennom nemeckom jazyke* (Semantic-syntactic and communicative-pragmatic functions of parenthesis in modern German): abstract of PhD in Philology (In Russ.)].

- Зинган Ю. П.* Типологический анализ эллиптических предложений в английском художественном тексте // Вестник Приднестровского ун-та. Серия Гуманитарные науки. Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2020. № 1 (64). С. 36–40. [Zingan, Ju. P. (2020). Tipologičeskij analiz jelliptičeskikh predložzenij v anglijskom hudozhestvennom tekste (Typological analysis of elliptic sentences in an English literary text). Vestnik Pridnestrovskogo un-ta. Serija Gumanitarnye nauki, 1(64), 36–40. (In Russ.)].
- Каминер Г.А.* Особенности грамматических норм немецкой разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986. [Kaminer, G. A. (1986). Osobennosti grammatičeskikh norm nemeckoj razgovornoj reči (Features of grammatical norms of German colloquial speech): thesis of PhD in Philology. Gorky. (In Russ.)].
- Коровкин М. М.* Когнитивный и коммуникативный аспекты языковой экономики. Рязань: РГМУ им. И. П. Павлова, 2006. [Korovkin, M. M. (2006). Kognitivnyj i kommunikativnyj aspektu jazykovoje jekonomii (Cognitive and communicative aspects of language economy). Rjazan': RGMU im. I. P. Pavlova. (In Russ.)].
- Кулаева Ф. А.* О неполных предложениях в немецком языке // Страны, языки, культура. Махачкала: Даг гос. тех. ун-т, 2018. С. 105–107. [Kulaeva, F. A. (2018). O nepolnyh predložzenijah v nemeckom jazyke (About incomplete sentences in German). Strany, jazyki, kul'tura (pp. 105–107). Mahachkala: Dag. gos. teh. un-t. (In Russ.)].
- Михайлов Л. М.* Коммуникативная грамматика немецкого языка. М. : Высшая школа, 1994. [Mihajlov, L. M. (1994). Kommunikativnaja grammatika nemeckogo jazyka (Communicative grammar of the German language). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)].
- Монахов П. Ф.* Способы обозначения направленного движения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961. [Monahov, P. F. (1961). Sposoby oboznachenija napravlennogo dvizhenija v sovremennom nemeckom jazyke (Ways to denote directional movement in modern German): abstract of PhD in Philology. (In Russ.)].
- Поликарпов А. М.* Гипотаксис в синтаксисе спонтанной немецкой разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. [Polikarpov, A. M. (1990). Gipotaksis v sintaksise spontannoje nemeckoj razgovornoj reči (Hypotaxis in the syntax of spontaneous German colloquial speech): abstract of PhD in Philology. (In Russ.)].
- Поликарпов А. М.* Сложное предложение в немецкой разговорной речи. – Архангельск: Поморский госуниверситет, 2000. [Polikarpov, A. M. (2000). Slozhnoe predložhenie v nemeckoj razgovornoj reči (Complex sentence in German colloquial speech). Arhangel'sk: Pomorskij gosuniversitet. (In Russ.)].

- Поликарпов А. М.* Синтаксическая полифункциональность. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. [Polikarpov, A. M. (2013) Sintaksicheskaja polifunkcional'nost' (Syntactic polyfunctionality). Arhangel'sk: IPC SAFU. (In Russ.)].
- Скребнев Ю. М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1971. [Skrebnev, Ju. M. (1971). Obshhelingvisticheskie problemy opisanija sintaksisa razgovornoj rechi (General linguistic problems of describing the syntax of spoken speech): abstract of Senior Doctorate in Philology. (In Russ.)].
- Становая Л. А.* Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Благовещенск: Амурский госуниверситет, 2016. Т. 2, № 4. С. 50–75. [Stanovaja, L.A. (2016). Eshhe raz k voprosu o principe jazykovoju jekonomii (Once again to the question of the principle of language econom). Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika, 2(4), 50–75. (In Russ.)].
- Турсунов Б.* Присоединение как особый тип синтаксической связи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. [Tursunov, B. (1993). Prisoedinenie kak osobyj tip sintaksicheskoi svjazi (Attachment as a special type of syntactic connection): abstract of PhD in Philology. St-Petersburg. (In Russ.)].
- Mackeldey R.* Alltagssprachliche Dialoge. Kommunikative Funktionen und syntaktische Strukturen. Linguistische Studien. Leipzig: VEB-Verlag Enzyklopädie, 1987.
- Riesel E.* Der Stil der deutschen Alltagsrede. Moskau, 1970.
- Naumann B.* Die Differenzierung gesprochener und geschriebener Sprachformen des Deutschen // Voraussetzungen und Grundlagen der Gegenwartssprache. Berlin ; New York: W. de Gruyter, 1989.

УДК 82-94

DOI 10.52070/2542-2197_2021_6_848_220

Е. В. Коренева, В. М. Соколова

Коренева Е. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры испанского языка факультета иностранных языков
и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова
arco2001@yandex.ru

Соколова В. М., кандидат филологических наук,
доцент кафедры медиалингвистики факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова
veronikasokol@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ХРОНИКИ В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В статье рассматривается феномен латиноамериканской хроники и различные формы существования этого жанра в современной литературе и журналистике. Проанализирована полемика испаноязычных ученых по вопросу определения жанра хроники и его важности в формировании национальной идентичности. Доказано, что синкретизм и многоплановость хроники способствуют эволюции художественных приемов и способов выражения авторской позиции. На примере произведений аргентинских писателей-журналистов Томаса Элоя Мартинеса и Лейлы Геррьеро прослеживается преобразование жанра хроники и обосновывается его актуальность.

Ключевые слова: хроника; литература и журналистика Латинской Америки; гибридность жанра; образ автора; национальная идентичность.

E. V. Koreneva, V. M. Sokolova

Koreneva E. V., PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Spanish, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University
arco2001@yandex.ru

Sokolova V. M., PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Medialinguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University
veronikasokol@yandex.ru

THE TRANSFORMATION OF THE CHRONICLE GENRE IN THE LITERARY CONTEXT OF LATIN AMERICA

The article examines the phenomenon of the Latin American chronicle and the various forms of existence of this genre in modern literature and journalism. The article analyzes the polemics of Spanish-speaking scholars on the definition of the chronicle genre and its importance in the formation of identity. Syncretism and the multiplicity of chronicles contribute to the evolution of artistic techniques and various ways of expressing the author's position. Examples of the development of the genre are the texts of the works of Argentine writers-journalists Thomas Eloy Martinez and Leila Guerriero.

Key words: chronicle; literature and journalism of Latin America; genre hybridity; author's image; national identity.

Введение

В последние годы в связи с развитием Интернета и потоком обезличенной информации отмечается растущий интерес к гибридным жанрам. Одним из показательных жанров, отражающих взаимосвязь между литературой и журналистикой, является хроника.

Первоначально слово «хроника» употреблялось для того, чтобы описать события в определенной временной последовательности, это был лишь перечень значимых дат, которые нужно было сохранить в памяти. Позже появляются хроники, которые не ограничиваются лишь указанием на важные события, а включают элементы риторики. Со временем возникает история как рассказ о событиях в хронологической последовательности, а хроника как словесная деятельность становится литературным произведением. Считается, что истоки латиноамериканской хроники следует искать в таких текстах, как «Чилам-Балам» и «Пополь-Вух», а также в «Хрониках Индий».

На сегодняшний день ни в Испании, ни в Латинской Америке нет точного определения жанра хроники. Сами авторы ведут полемику о характеристиках данного вида текстов, об их содержательном наполнении и художественных средствах. Так, чилийский писатель А. Фугет признается, что даже в момент написания хроники он сам не может четко разграничить в ней литературное и журналистское начало, поскольку для него литература, журналистика и кинематограф – это хроника, то есть «часть одного и того же произведения, одного взгляда» (цит. по: [Aguilar 2010, с. 159]).

Напомним, что первым истинно латиноамериканским литературным жанром считаются «Хроники Конкисты» – тексты, которые при помощи традиционных средств Старого Света описывали неизвестные реалии Света Нового. В XX в. интерес писателей к подлинной латиноамериканской идентичности с присущими ей социальными и этническими особенностями породил понятие особой реальности, которое связано с литературным направлением «магический реализм» и концепцией «чудесной реальности». «Магический реализм» вносит в повествование мифические и фантастические элементы и создает неповторимую атмосферу, присущую Латинской Америке. «Чудесная реальность», по выражению Алехо Карпентьера, свойственна самой действительности Латинской Америки, которая «повсюду стихийно и самопроизвольно ее порождает» (см. подр. [Соколова 2018]).

Лучший автор хроник, по мнению Луиса Техада, это «тот, кто умеет всегда найти что-то чудесное в повседневном, тот, кто может сделать сверхъестественным эфемерное; тот, кому удастся придать вечность каждой минуте. Лучший хронист не тот, кто больше всех знает, а тот, кто обладает интуицией; ни самый честный, ни самый искренний, а тот, кто способен разговорить других» (цит. по: [Villanuela Chang 2012, с. 605]).

Итак, хроника является, с одной стороны, древним жанром, с другой – постоянно видоизменяется; она превратилась в один из самых популярных жанров в современной литературе и журналистике Латинской Америки.

Дискуссия о сущности и основных характеристиках жанра хроники

Все предпринятые попытки определить концепцию хроники говорят о ней больше, чем само определение. Существует фундаментальная связь между хроникой, культурной и литературной историографией, которая включает в себя историю и классификацию дискурсивных жанров в определенный момент эпохи, и другими литературными жанрами.

Хронисты добавляют в субъективное отношение, в том числе, в выборе тем, фактов и средств воплощения замысла. Долорес Палау-Сампио в своем исследовании пишет о том, что хроника является

гибридным жанром, находящимся между литературой и журналистикой, и отличается своей многоплановостью. Если в Испании хроника – это короткий жанр, похожий на эссе, то в странах Латинской Америки это, как правило, развернутые произведения, требующие серьезной работы с источниками, времени, изучения фактов; информационный элемент является лишь отправной точкой. Палау-Сампио ставит задачу выделить «переплетенные» между собой исторические, литературные и журналистские особенности хроники, которые объясняют эффект близости и расстояния, узнавание и способность к видоизменениям [Palao-Sampio 2018].

Хуан Хиль Гонсалес считает, что хроника как жанр еще недостаточно изучена. Хроника перестраивает реальность фрагмент за фрагментом, упорядочивая ее и воссоздавая темп событий, превращаясь в прямое свидетельство эпохи. Ученый сравнивает хронику с фотографией. Фотография обездвиживает изображение, представляет лишь часть целого; хроника же, воплощая события в словах, предлагает личный отпечаток целого. Особую важность придает образ автора, его миссия – объяснить историю с точки зрения психологии. Таким образом, объективная информация «расцветивается» богатым субъективным комментарием. По мнению Хили Гонсалеса, необходим разумный баланс между информацией и субъективным мнением [Gil González 2004]. Аро Текглен утверждает, что «сегодня всё разделено: то, что иногда было непрерывной линией повествования, лопнуло, и фрагменты встречаются здесь и там. Личное среди общего; собственная жизнь среди данных истории. Это хроника» [Tecglen 1998, с. 12].

Пожалуй, самое выразительное определение хроники дал мексиканец Хуан Вильоро, уверяя, что это произведение – «утконос» (*ornitorrinco*) в котором «срослись» элементы разных жанров: «Из романа хроника извлекает субъективное начало, способность воспроизводить события от лица персонажей, чтобы читатель почувствовал себя в центре событий; из репортажа – неопровержимые факты; из рассказа – драматизм изложения и краткую форму; из интервью – обмен репликами; из современного театра – способ воссоздавать диалоги; из греко-латинского театра – полифонию речей свидетелей, воспринимаемые как дебаты: голос авансены как версию общественного мнения; от эссе способность приводить доводы и соединять разрозненные

знания; от автобиографии – лирику воспоминаний и рассказ от первого лица. Хроника, словно животное, биологическое равновесие которого зависит от семи различных животных, которым она могла бы быть» [Villoro 2012, с. 577].

Синтетический характер этого жанра подчеркивает и основатель журнала *Etiqueta Negra* перуанец Хулио Вильянуэво Чанг, который называет хронику эксцентричным жанром-хамелеоном (*un género camaleónico y excéntrico*) [Villanuela Chang 2012, с. 598].

Итак, утконос, хамелеон, летучая мышь – это метафорические названия хроники, подчеркивающие полиморфность, синкретизм жанра, что отсылает нас к представлениям древнейших народов Латинской Америки.

Хроника представляет нам фрагмент окружающей действительности. Она, по мнению Матео Пераса, «как странный артефакт, как мутант, у которой руки – это эссе, ноги – от романа, туловище – от журналистики, а голова – от поэзии. Хроника всегда стремится к обобщению, но при этом остается субъективной и революционной, и со временем эти черты только усиливаются. Многоликость является одним из величайших достоинств хроники» [Peraza 2016].

Используя жанр хроники, авторы пытаются не только рассказать о событиях, но и объяснить их. Как отмечает известная мексиканская писательница Сара Сефчович в книге «Жизнь и чудеса хроники в Мексике», хроника предлагает не только зафиксировать происходящее, но и воссоздать реальность с помощью автора. В этом смысле у хроники есть две неизменные черты – интенция текста, которая выражена в авторской позиции, и социальная функция, характер которой меняется в зависимости от исторического контекста. У мексиканской хроники долгая и насыщенная история, она сотворила много «чудес»: провела «опись страны и ее населения», дала голос тем, у кого его не было, позволила высказаться тем, кому не позволяли; «сорвала маски» и вывела на чистую воду официальных представителей власти и сделала видимым то, что скрывали; показала повседневную жизнь, а главное – осудила нищету, насилие, коррупцию и разгильдяйство [Sefchovich 2017].

Итак, хроника, обладая особой жизненной силой, развивается в такт истории и культуре Латинской Америки, процесс ее эволюции становится все более глубоким, произведения получают всё большее

распространение. Это жанр, цель которого наблюдать и слушать, анализировать и извлекать скрытое, реконструировать портреты и создавать повествование.

Воплощение авторской интенции в хрониках Томаса Элоя Мартинеса

Наглядным примером воплощения постоянно преобразующегося жанра хроники является творчество известного аргентинского писателя-журналиста Томаса Элоя Мартинеса. Автор, сравнивая хронику с романом, пишет о том, «что если раньше писатели мечтали создать роман, пусть даже единственный за всю жизнь, то сейчас они мечтают создать незабываемую хронику» [Eloy Martínez 2002, с. 118].

Название сборника произведений Элоя Мартинеса, «Аргентина и другие хроники», уже определяет сам жанр текстов. Как объясняет издатель книги, этот жанр «наиболее эффективно передает фрагментарную и фрагментированную картографию Латинской Америки» [Eloy Martínez 2011, с. 16]. Хроника, учитывая ее генеалогию и модернистское «возрождение» – это пространство соприкосновения литературного и журналистского дискурса. Сусана Роткер определяет хронику как «область сгущения», в которой встречаются два поля, превращаясь в единую автономную единицу, и, благодаря интертекстуальности и субъективной точке зрения автора, старый формат становится злободневным [Rotker 1992, с. 136].

Анализ произведений Томаса Элоя Мартинеса показывает, что автор неслучайно обращается к гибридным формам, они более соответствуют воплощению его творческих интенций и особой концепции отношений между реальностью и вымыслом. Если в произведениях художественной литературы писатель ставит перед собой цель – преобразовать реальность, стирая границы между документальными и вымышленными событиями, то в журналистских хрониках он идет дальше, применяя тот же принцип, но в обратном направлении: разрушает вымысел и мифы, существующие в воображении аргентинского народа, и укрепляет в общественном сознании особую концепцию национальной идентичности. В 90-е гг. XX в. Мартинес развеивает миф об Аргентине как «великой стране», который на протяжении многих лет поддерживался властью в официальных источниках, и заменяет

его на образ потерянной, практически незаметной на мировой арене страны. После кризиса 2001 г. Элой Мартинес создает фигуру национального монстра – коррумпированной власти, и единственный выход для возрождения страны автор видит в том, чтобы «начать всё с нуля», обратившись к истокам и опираясь на национальную самобытность.

Для привлечения внимания читателей и оживления информации, Томас Элой Мартинес призывает использовать в хрониках все возможные приёмы литературы и выразительные средства языка, чтобы «сфотографировать все происходящее в мире», и «создать портрет действительности» (*retratar la realidad*) [Eloy Martinez 2002, с. 120].

Особенности хроник Лейлы Геррьеро

Появление современной интерпретации жанра хроники можно проследить в произведениях аргентинской писательницы и журналистки Лейлы Геррьеро. Автор определяет хронику как невымышленную историю, которая требует долгой работы по сбору материала и рассказывается при помощи ресурсов художественной литературы. Геррьеро признается, что для нее не важны проблемы классификации жанров: «что хроника, что повествовательная журналистика – мне все равно» (цит. по: [Aguilar 2010, с. 38]).

Лейла Геррьеро написала одну из самых известных современных хроник – «Самоубийства конца света» [Guertigero 2005]. В этом произведении рассказывается история маленькой деревушки в Патагонии, где до конца XX в. неожиданно происходили массовые самоубийства. Автору удастся обнаружить социальные причины этой трагедии: кризис, вызванный массовыми увольнениями с предприятия по переработке нефти, региональная изоляция Патагонии, безденежье, постоянная неуверенность в завтрашнем дне. Этот текст заслуженно можно считать одним из первых образцов современной документальной прозы в Аргентине. Продолжая богатые традиции аргентинской литературы, хроника открывает новый этап особого мировосприятия, соединяющего реальность и воображение, художественный вымысел и документалистику, с позиций XXI в.

Для того чтобы показать саму сущность жанра хроники и особый интерес к ней в латиноамериканской литературе, Геррьеро

тщательно разбирает тексты выступлений, эссе, статей своих современников, отрывков произведений, опубликованных в сборниках и СМИ разных стран, и показывает, что они представляют собой в некотором роде «уроки мастерства», в которых авторы пытаются определить свою собственную манеру, воплотить свой собственный опыт. Ключевым понятием для характеристики жанра становится понятие «метатекста». В антологии представлены не только размышления и метафоры для определения хроники, но также и речевые фигуры, которые позволяют охарактеризовать саму метадискурсивную практику, подталкивающую автора к оценке своей работы [Guerriero 2014].

О метатекстуальности хроники пишет и Алисия Монтеc: «Мне интересно анализировать аллегорические рассказы, лежащие в основе произведений последних десятилетий и скрытые в хрониках, и способы создания генеалогии» [Montes 2014, с. 37]. Согласно Монтеc, критики и теоретики литературы, совместно с авторами хроник, разработали определенный вид дискурса, чтобы обозначить свое место в литературном процессе.

Благодаря своей многоплановости, хроника часто пересекается с другими литературными и публицистическими жанрами. В Испании это чаще всего репортаж, а в Латинской Америке это интервью, портрет, бытовая зарисовка, гравюра. И это далеко не полный список наименований. Авторы изобретают новые наименования для определения жанра своих произведений: впечатления, заметки, мгновенные снимки (*impresiones, apuntes, polaroids*) – это лишь некоторые названия для определения повествовательных артефактов, т. е. нарративных произведений, имеющих непосредственную связь с реальностью. По определению Геррьеро, «удачная хроника – это «спрессованная литература» (*literatura bajo presión*) [Guerriero 2014, с. 16].

Современные хронисты Латинской Америки, в частности Аргентины, выражают свой личный взгляд на события, передают свои размышления и сомнения. Выдвижение на первый план субъективной позиции автора-рассказчика явно отражает тенденцию документальной латиноамериканской прозы, восходящую к Новой журналистике 1960-х гг. «Личная хроника» (*crónica íntima*), или «хроника повседневности» (*crónica de la cotidianeidad*) – термины, которые применяют исследователи к такого рода текстам. Авторы современных хроник

стараятся создать собственное дискурсивное пространство, противоположное хорошо отрегулированному пространству массовых коммуникаций, которое функционирует, как робот. Выдвигая на первый план личностное восприятие событий, они вторгаются в информационное поле новостной журналистики, основанной на принципах нейтрального и обезличенного повествования.

Это проявление «личного» в творчестве женщин особенно заметно в произведениях Лейлы Геррьеро, хроники которой, больше всего связаны с установками Новой журналистики. Геррьеро прибегает к безличным оборотам, вопросительным предложениям, а также использует отрицание в начале предложения и в начале всего текста. В качестве примера приведем первые строчки хроники «Гигант, который хотел быть большим»: «Нет. Это не особенная земля. Провинция Формоса на северо-востоке Аргентины – это равнина без возвышенностей с приглушенно зеленой растительностью во влажных зонах и каменистыми засушливыми полями» [Guerrero 2009a, с. 15].

В своих хрониках-портретах (*pérfiles*) Геррьеро предлагает исследование социальных и культурных событий через историю конкретного человека. Автор представляет нам героев такими, какими видит их сама. Поэтому, по мнению Геррьеро, портрет – «это ни что иное, как «взгляд другого», взгляд, который почти никогда не бывает одним и тем же, и как любой иллюзионизм, портрет создает ложь – честную – прекрасную и тонкую ложь искусства» [Guerrero 2009b, с. 295].

Например, в хронике «Три печальных чашки чая», посвященной Яйя Мурано, известной благодаря прессе как «отравительница из Монсеррат», сама Геррьеро появляется в нескольких отрывках: берет интервью у «отравительницы», но, задавая вопросы, вводит в повествование нерешительное обращение от первого лица: «Скажи мне, дорогая. – Что ты хочешь знать? – Это невинная женщина, которая провела три года в тюрьме, или я сижу перед убийцей?» [Guerrero 2009b, с. 295]. Таким образом, Геррьеро словно оправдывает свою субъективность и собственное недоверие, одновременно исследуя саму себя, «оголяя» свои чувства, желания и эмоции.

«Личное» в хрониках Геррьеро представлено в текстах, которые можно определить как хроники-свидетельства или размышления о профессии. В них субъективность повествования связана с присутствием образа решительной женщины, готовой разрушить общепринятые стереотипы о месте женщины в обществе.

В некоторых хрониках-портретах можно встретить выражение «личного», связанное с чем-то конкретным, повседневным. В этих текстах более эмоционально звучит авторское «я», выражающее сомнение, понимание невозможности раскрыть сущность окружающей действительности. Таким образом, зарождается фигура хрониста-женщины, готовой поставить под сомнение рассказы, упрощающие реальность, и в то же время нащупать нити, которые вплетают элементы вымысла в реальность. Художественный вымысел существует в хронике не для того, чтобы «приукрасить» реальность, а чтобы заставить читателя размышлять: «Нет смысла переделывать в вымысел историю, которая и так существует в реальности, она убедительна, и не нужно ее трансформировать» [Guerriero 2009b, с. 295]. Для Геррьеро журналистика – литературная или нет – это противопоставление объективности, «честная субъективность». В статье «Из искусства рассказывать реальные истории» Лейла Геррьеро, размышляя об использовании риторических ресурсов в хронике, говорит о том, что современная «не-художественная» проза Латинской Америки использует особый язык, язык метафоры [Guerriero 2010].

Таким образом, по мнению Геррьеро, хроника – это нарративная форма, которая выходит за границы эстетической автономии и развивается одновременно в двух направлениях – в сторону поиска выразительных средств и трансформации литературных жанров, и в сторону углубления социальной дискурсивности.

Заключение

Для выражения своего отношения к современной действительности писатели-журналисты Латинской Америки часто обращаются к жанру хроники. Сущность и границы данного жанра продолжают оставаться предметом дискуссии. Жанр хроники восходит корнями к древним латиноамериканским текстам. Неслучайно авторы XXI в. сами определяют себя как «Новые Хронисты Индий». Со второй половины XX в. жанр хроники нашел нишу в журналистском дискурсе, заняв прочное место в повествовательной журналистике. Сохраняя определенные черты, присущие ей с древности, современная хроника создает представление о действительности с опорой на факты. «Магическое и чудесное», свойственное национальному мировосприятию

жителей Латинской Америки, не перечеркивает достоверность описываемых в хронике событий, добавляет яркость красок и эмоциональное восприятие.

Хроника благодаря своей многоплановости может включать элементы различных жанров и родов литературы, «размывая» между ними границы. Образ автора, его «честная субъективность» собирает фрагменты действительности, выстраивая единое повествование. Диалог с читателем сквозь призму авторского «я» помогает обнаружить скрытое и заставить размышлять. Средства художественной выразительности в современной хронике, с одной стороны, создают индивидуальный авторский стиль, с другой – помогают привлечь внимание к острым социальным проблемам Латинской Америки, и, кроме того, создают новую дискурсивную практику – более понятную национальной аудитории. На протяжении многих веков жанр хроники вбирал в себя черты истории, литературы, культурологии, поэтому его можно считать синкретическим жанром. В этом смысле хроника отражает синкретизм мышления, представления о мире латиноамериканских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Соколова В. М.* Магия повествовательной журналистики Габриэля Гарсия Маркеса // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. 2018. №1. С. 85–97. [Sokolova, V. M. (2018). The magic of narrative journalism by Gabriel Garcia Marquez. Moscow University Philology Bulletin. Series 9. 1, 85–97. (In Russ.)].
- Aguilar M.* (ed.). *Domadores de historia. Conversaciones con grandes cronistas de América Latina.* Santiago de Chile: Universidad Finis Terrae, RIL Editores, 2010.
- Eloy Martínez T.* *El vuelo de la reina.* Argentina: Alfaguara, 2002.
- Eloy Martínez T.* *Argentina y otras crónicas.* Argentina: Alfaguara, 2011.
- Gil González J.* *La crónica periodística. Evolución, desarrollo y nueva perspectiva: viaje desde la historia al periodismo interpretativo.* Global Media Journal Edición Iberoamericana. Sevilla. 2004. Vol. 1(1). P. 26–39.
- Guerriero L.* *Los suicidas del fin del mundo: Crónica de un pueblo patagónico,* Tusquets Editores S.A., 2005.
- Guerriero L.* *Frutos extraños. Crónicas reunidas 2001–2008.* Aguilar, Altea, Taurus. Argentina: Alfaguara, 2009a.
- Guerriero L.* *Mentira del arte.* Argentina: Alfaguara, 2009b.

- Guerrero L.* De arte de contar historias reales. 2010. URL: https://elpais.com/diario/2010/02/27/babelia/1267233141_850215 (accessed 17.03.2021).
- Guerrero L.* Zona de obras. Círculo de Tiza, 2014.
- Montes A.* Políticas y estéticas de representación de la experiencia urbana en la crónica contemporánea. Buenos Aires: Corregidor, 2014.
- Palau-Sampio D.* Las identidades de la crónica: hibridez, polisemia y ecos históricos en un género entre la literatura y el periodismo. 2018. DOI: 10.5294/pacla.2018.21.1.9. URL: https://www.researchgate.net/publication/321660766_Las_identidades_de_la_cronica_Hibridez_polisemia_y_ecos_historicos_en_un_genero_entre_la_literatura_y_el_periodismo (accessed 18.03.2021).
- Peraza M.* Periodismo narrativo en México. 2016. URL: <https://www.tierraadentro.cultura.gob.mx/periodismo-narrativo-en-mexico> (accessed 19.03.2021).
- Rotker S.* Fundación de una escritura: Las crónicas de José Martí. Ciudad de La Habana: Casa de las Américas, 1992.
- Sefchovich S.* Vida y milagros de la crónica en México (Criterios). México: Océano, 2017.
- Tecglen E.H.* Hijo del siglo. Madrid: El País-Aguilar, 1998.
- Villanuela Chang J.* El que enciende la luz. En: Jaramillo Agudelo D. (ed.) Antología de crónica latinoamericana actual. Madrid: Alfaguara, 2012. P. 583–606.
- Villoro J.* La crónica, ornitorrinco de la prosa. En: Jaramillo Agudelo D. (ed.) Antología de crónica latinoamericana actual. Madrid: Alfaguara, 2012. P. 577–582.

О. С. Крюкова, Д. А. Хромова

Крюкова О. С., доктор филологических наук,
заведующий кафедрой словесных искусств факультета искусств
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
florin2002@yandex.ru

Хромова Д. А., магистрант Института филологии и истории
Российского государственного гуманитарного университета
idianaalexandrova@yandex.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И КОНФЛИКТ
НЕМЕЦКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»**

В статье предпринят сопоставительный анализ немецкой и советской идентичности в среде немцев Поволжья в романе Г. Яхиной «Дети мои». Важнейшим маркером национальной идентичности является язык. Конфликт гражданской, советской, идентичности с немецкой начинается на уровне языка. Советская идентичность постепенно замещает идентичность немцев Поволжья, временами сосуществуя с ней. Конфликт советской и немецкой идентичности ярко проявляется в бунте в Гнадентале, обостряется в финале романа и в эпилоге.

Ключевые слова: Россия; Германия; немцы Поволжья; имагология; современная русская литература; художественный образ.

O. S. Kryukova, D. A. Khromova

Kryukova O. S., Doctor of Philology (Dr. habil.),
Head of the Department of Verbal Arts, Faculty of Arts,
Lomonosov Moscow State University
florin2002@yandex.ru

Khromova D. A., Master's student, Institute of Philology and History,
Russian State University for the Humanities
idianaalexandrova@yandex.ru

**REPRESENTATION AND CONFLICT
OF GERMAN AND SOVIET IDENTITIES
IN THE NOVEL BY G. YAKHINA "CHILDREN OF MINE"**

The article undertakes a comparative analysis of German and Soviet identity among the Volga Germans in G. Yakhina's novel "Children of Mine". Language is the most important marker of national identity. The conflict between civil, Soviet, and German identities begins at the language level. Soviet identity is gradually replacing the

identity of the Volga Germans, at times coexisting with it. The conflict between Soviet and German identity is clearly manifested in the revolt in Gnadenthal, exacerbated in the finale of the novel and in the epilogue.

Key words: Russia; Germany; Volga Germans; imagology; modern Russian literature; artistic image.

Введение

Первый роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015) вызвал бурную реакцию литературной критики. Это произведение получило престижные литературные премии («Ясная Поляна» и «Большая книга»), было экранизировано (2019) и переведено на многие языки. Второй роман Г. Яхиной «Дети мои» (2018), так же, как и первый, написан на этническом материале, но несколько другого плана: в центре повествования находится жизнь немецкой колонии на Волге. Отечественные исследователи обращались к различным аспектам поэтики романа Г. Яхиной «Дети мои»: фольклорному началу [Багратион-Мухранели 2019; Лисенкова 2020; Шафранская 2019], особенностям хронотопа [Нестерова 2019], своеобразию языка и стиля произведения [Арязмова 2020]. Относительно близко к имагологическому подходу написана статья Е. Р. Ивановой «Лексико-семантическое поле «немецкий» в романе Г. Яхиной “Дети мои”» [Иванова 2019], но при анализе произведения в этой работе используются лингвистические методы, которые хотя и «высвечивают» важные элементы художественного своеобразия романа, но, тем не менее, как бы оставляют в стороне собственно литературоведческие и культурологические инструменты анализа. В то же время обращение к имагологическим аспектам романа поможет обратить внимание на такие его особенности, которые обычно остаются вне традиционного литературоведческого разбора произведения.

Репрезентация немецкой идентичности в романе

Действие в романе «Дети мои» начинается в немецкой колонии Поволжья – Гнадентале, что в переводе означает «благодатная долина». Реальный немецкий Гнаденталь на Эльбе упоминается в эпилоге романа. В начале повествования жизнь немецкой колонии очень консервативна, так как потомки приехавших в Россию немцев практически

сохранили бытовой уклад жизни XVIII в. Расположенный на правом берегу Волги хутор Удо Гримма представляет собой еще более замкнутое, архаичное, пространство. В начале романа автор с помощью развернутой метафоры характеризует языковую ситуацию в Гнадентале: его жители пользуются диалектом, выработанным из смешения языков немецких земель: «Колонисты привезли свои языки в середине восемнадцатого века с далеких исторических родин – из Вестфалии и Саксонии, Баварии, Тироля и Вюртемберга, Эльзаса и Лотарингии, Бадена и Гессена. В самой Германии, давно уже объединившейся и теперь гордо именовавшей себя империей, диалекты “варились в одном котле”, как овощи в бульоне, из которых искусные кулинары – Готшед, Гёте, братья Гримм – в итоге приготовили “изысканное блюдо”»: литературный немецкий язык. А в поволжских колониях практиковать “высокую кухню” было некому – и местные диалекты замешались в единый язык, простой и честный, как луковый суп с хлебными корками» [Яхина 2020, с. 20]. В школе Гнадентала преподавался *высокий немецкий*¹, изучался также русский, по учебнику «Русская речь» Вольмера, но гнадентальцы владели русским плохо, на примитивном бытовом уровне, однако и очень скудный словарный запас из ста слов позволял им совершать несложные торговые операции на Покровской ярмарке. Владение «высоким немецким», по мнению не очень образованного Удо Гримма, могло бы повысить привлекательность дочери на «ярмарке невест» уже в самой Германии, поэтому школьный учитель Якоб Бах и был приглашен к Кларе давать частные уроки на затерянном хуторе. Лингвистические проблемы, связанные с владением немецким, русским и киргизским языками, в том числе – и с овладением речью как таковой, играют важную сюжетную роль в романе.

Якоб Бах, будучи преподавателем «высокого немецкого», выступает в начале романа неким связующим звеном между немецкой идентичностью и идентичностью немцев Поволжья, между Гнаденталем и Германией. Герой, в понимании земляков, в начале романа отличается определенными, но вполне простительными странностями. Его любовь к бурям и грозам обнаруживает мифопоэтическое начало личности, которое в дальнейшем ходе повествования только усиливается. Якоб Бах обладает и литературной одаренностью, и аналитическими способностями. Так, школьный учитель интуитивно приходит

¹ Курсив авт. – О.К., Д.Х.

к выводам о различии картины мира в разных языках, сравнивая свой родной язык с языком работников-киргизов с хутора Удо Гримма.

Немецкий литературный язык, являясь основой немецкой идентичности, социально престижен для колонистов Гнаденталя, которые не слишком хорошо им владеют, но по-своему ценят знание «высокого немецкого». По подсчетам Е. Р. Ивановой, в тексте романа представлено около 200 лексем, которые относятся к лексико-семантическому полю «немецкий» [Иванова 2019, с. 64]. Некоторые названия реалий Гнадентале даются в приблизительной русской транслитерации (шульгауз, шульмейстер). «Немецкое» в романе представлено также обширным ономастическим пластом: фамилии обитателей Гнаденталя и новых для колонии людей представляют собой фамилии людей, значимых для немецкой культуры – композиторов, художников, писателей, философов и т.п. Так, фамилия главного героя Якоба Ивановича Баха вызывает ассоциации с великим немецким композитором Бахом, а фамилия пастора Адама Генделя – с композитором Генделем. Фамилия Клары – Гримм – напоминает о братьях Гримм, а фамилия мукомола Юлиуса Вагнера – о композиторе Вагнере. Е. Р. Иванова небезосновательно полагает, что таким образом, с помощью прецедентных имен «подчеркивается мысль о не востребованном в России начала XX века потенциале российских немцев, чьи “громкие” фамилии постоянно напоминают о лучших представителях германского народа и его достижениях мирового уровня» [Иванова 2019, с. 65]. По мнению О. А. Лисенковой, тот факт, что многие жители Гнаденталя носят фамилии известных немецких писателей, «подчеркивает, что поволжские немцы живут в том же культурном пространстве, что и далекая Германия» [Лисенкова 2020, с. 392].

Немецкая литература в романе представлена не только фамилиями жителей Гнаденталя. Якоб Бах мечтал повесить в классной комнате портрет Гёте, но произошла досадная подмена: портрет, купленный мукомолом Вагнером у старьевщика в Саратове, имел мало сходства с классиком. Стихи Новалиса, Шиллера, Гейне звучали в школьном классе, о чем автор сообщает с иронией: «Стихи лились на юные лохматые головы щедро, как вода в банный день» [Яхина 2020, с. 19], но йенский романтизм и гейдельбергская школа действовали на школьников усыпляюще. Ученики Баха лучше воспринимали басни Лессинга, как более наглядные и основанные на привычном с детства

анималистическом материале. Эти произведения «вызывали интерес у самых любознательных. Но и те скоро теряли нить повествования, рассказанного строгим и выспренным высоким немецким» [Яхина 2020, с. 20]. Для обучения Клары Якоб Бах использовал лучшие, на его взгляд, образцы немецкой классики, читая с ней Гёте, Шиллера и Новалиса. Работа над устной речью Клары представляла собой обучение смене языкового кода: «Начинали с главного – с устной речи. Кларе предлагалось рассказать что-либо. Бах слушал и переводил – “перелицовывал” короткие диалектальные обороты в элегантные фразы высокого немецкого» [Яхина 2020, с. 59]. После того как занятия «высоким немецким» прекратились, Бах, слушая Кларины рассказы, песенки и сказки, все-таки оценил своеобразную красоту диалекта.

Немецкая идентичность в романе ярко проявляется и в фольклорных произведениях: шванках, поговорках, топонимических легендах и сказках, которые Якоб Бах начал сочинять на основе народных сказок, правда, его литературная деятельность сначала носила прагматический характер: за интересные фольклорные и этнографические записи парторг Гофман выдавал бывшему шувальмейстеру стакан молока, позже – другие продукты.

Написав десятки страниц о жизни и быте гнадентальцев, не оставив без внимания и детские игры, и народный костюм, и незамысловатые кушанья («степные клецки»), Бах пришел к парадоксальному выводу, что те по своему складу характера и образу жизни заметно отличаются от настоящих немцев, «рейхсдойцев»: «...за более чем сто лет русские немцы, сами того не заметив, превратились в отличный от рейхсдойчей народ» [Яхина 2020, с. 190]. Диалектика *Своего* и *Чужого* в размышлениях Баха сближает поволжских немцев с их степными соседями: «И если разобраться, узкоглазые киргизы в войлочных шапках много ближе гнадентальцу, чем говорящие с ним на одном языке жители далекой Германии...» [Яхина 2020, с. 188].

Образ Германии в романе

Анализ немецкой идентичности был бы неполным без исследования образа Германии в произведении. Саму Германию многие жители Гнаденталья никогда не видели воочию, но слышали о ней от представителей старшего поколения и шувальмейстера. Географические

представления Клары были еще примитивнее: до начала занятий с Бахом она была уверена, что в мире существуют только две страны – Россия и Германия, которые соединяются Волгой. Между тем Удо Гримм, отец Клары, собирался переехать в Германию и там выдать дочь замуж. Далекая Германия, историческая родина, существовала в коллективном сознании российских немцев и как недостижимый идеал, «земля обетованная», к которой стремился уставший и измученный поисками лучшей жизни колонист. О «немецкой мечте», наряду с российской мечтой и американской мечтой, напишет в одной из своих корреспонденций Якоб Бах, который выводит формулу национального характера российских немцев из влияния совокупности социальных мифов: «Сегодня, как и десять, как и сто лет назад, в сердце немецкого колониста удивительным образом сочетаются два противоположных начала: тяга к оседлости, традиционность и несправимый фатализм заставляют его десятилетиями усердно возделывать свое поле, не ропща на судьбу и легко покоряясь любому ее повороту; как вдруг зов далекого счастья подвигает его сняться с места и, презрев плоды своего труда, скитаться по планете, переменной мест утоляя унаследованную от дедов и прадедов душевную жажду» [Яхина 2020, с. 190–191].

Помимо Германии как «земли обетованной», недостижимой и прекрасной Аркадии, в романе есть и другой облик Германии – Германии тяжелого труда, социального неравенства, несправедливости и классового антагонизма. Эта прозаическая Германия связана с образом Гофмана, который «утверждал, что родился в угольных копиях Рейнбабена, на жирных шахтных полях Рура» [Яхина 2020, с. 229]. О рождении будущего партийного деятеля у трудящейся матери во время ее работы на сортировке угля, о шахтерском труде с детства, о смерти матери и приобщении Гофмана к миру социального протеста в романе говорится пунктирно, отдельные эпизоды биографии персонажа-пассионария неизвестны даже гнадентальцам. Переезд в Советскую Россию для Гофмана был его поиском идеальной страны, реализацией социальной утопии, у истоков которой стояли его соплеменники. Бах же, напротив, хотел после бунта в Гнадентале покинуть Советскую Россию в поисках безопасного места для Анче. Размышления Баха о спокойном уголке в мире не связаны с «немецкой мечтой», но они верно определяют роль Германии в его жизни: «Страна,

которую не назвать было родиной, но не назвать и чужбиной, – Рейх» [Яхина 2020, с. 315].

Диалектика взаимодействия немецкой и советской идентичности в романе

Немецкая, пусть и своеобразная, идентичность гнадентальцев в начале романа не вступает в идеологический конфликт с российской: в Гнадентале только следят за сменяемостью русских императоров, чтобы официальный императорский портрет в школе соответствовал тому или иному представителю династии Романовых. Российские немцы, к которым Екатерина обращалась «Дети мои», с немецкой дисциплинированностью соблюдают предписания властей. События Первой мировой войны и революции происходят вне затерянного хутора, о них Бах мог только догадываться: «Возможно, это была война. Возможно, гнадентальцы успели спасти хоть малую часть посеянного хлеба. А, возможно, и нет – если всех мужчин забрали воевать, как забирали до этого в Галицию и в Польшу, где Российская империя уже несколько лет воевала с Германской» [Яхина 2020, с. 100]. Напротив, события Гражданской войны очень настойчиво дают о себе знать и связаны с эскадрами на Волге и появлением бандитов на хуторе. В индивидуальной хронологии Баха 1918 год называется годом разоренных домов, а 1919 – годом безумия.

Конфликт новой гражданской, советской, идентичности с немецкой начинается на уровне языка. Непонимание бывшим шульмейстером нового языка объясняется не плохим владением русским языком, а незнанием новых советских реалий и соответствующих этим реалиям новых слов. Так, пришедший после длительного перерыва в Гнаденталь, Бах был поражен тем, что кирха была закрыта, а разбитое стекло на ней было затянуто тканью «красного цвета со странной надписью: «Вперед, заре навстречу!» [Яхина 2020, с. 151–152]. Новых песен и новых лозунгов он не знал, поэтому надпись и кажется ему странной. Советская идентичность проявляется и в планируемой Гофманом замене на портрет вождя и публичном сожжении портрета «императора-кровопийцы».

В колонии зазвучали новые, советские, песни, веселые детские крики, правда, с новым, идеологическим, содержанием («Будь

готов!»), и даже в детском саду появились «фотографические портреты значимых взрослых, от Карла Маркса и Фридриха Энгельса до Карла Либкнехта и Розы Люксембург» [Яхина 2020, с. 256]. Заметим, что «значимые взрослые» представлены идеологически правильными, с точки зрения новых властей, немцами, что знаменует сосуществование немецкой и советской идентичности.

С утверждением новой власти изменяется и топонимика: на карте Поволжья, наряду со старыми топонимическими наименованиями – Урбах, Штрауб, Унтердорф и Куккус, – появляется Маркштадт. Новый строй распространяется на миропонимание как таковое: Гофман предлагает реформировать даже такую устойчивую семиотическую систему, как народный календарь: «...предлагал внедрить в сознание советских немцев два новых: месяц Революции вместо месяца вина и месяц зимы вместо Христова месяца» [Яхина 2020, с. 236]. Эти реформаторские идеи, однако, не были новыми, так как впервые календарь подвергся идеологическому реформированию еще во времена Великой французской революции. Шванки, сказки и легенды, по мысли Гофмана, также нужно было изменить на новый лад, изъяв из них религиозное содержание. Радикальное реформирование привычных основ жизни, в конце концов, закончилось бунтом в Гнадентале, жестоким, беспощадным и разрушительным, как всякий русский бунт, как ни парадоксально, поскольку описанные в романе беспорядки происходили в немецкой колонии Поволжья, в которой, тем не менее, сохранились смутные исторические воспоминания о Е. И. Пугачёве.

Конфликт идентичности российских немцев с Советской властью обостряется перед Великой Отечественной войной, когда руководство Германии видело в этнических немцах «Троянского коня», а советское руководство рассматривало их как «пятую колонну». В эпилоге романа говорится о трагической судьбе Якоба Баха, тяжелой инвалидности Анны Бах как отражении многих и многих судеб немцев Поволжья.

Заключение

Немецкая идентичность в романе Г. Яхиной «Дети мои» основывается на немецком литературном языке и диалекте Гнадентала, включает в себя разнообразные фольклорные жанры, имена и произведения классиков немецкой литературы, проявляется также в ономастике

и топонимике, особенностях быта. Однако образ жизни жителей Гнаденталя уже существенно отличается от образа жизни «рейхсдойчей». Советская гражданская идентичность постепенно замещает идентичность немцев Поволжья, временами сосуществуя с ней. Конфликт советской и немецкой идентичности является в романе центральным, вбирая в себя частные конфликты: Якоба Баха и Клары с общиной, Гофмана с жителями Гнаденталя; ярко проявляется в бунте в Гнадентале, обостряется в конце романа и в эпилоге, что связано с эпохой репрессий и событиями Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арзамова О. В.* Функционально-смысловая роль парантезы в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (288). С. 183–186. doi: 10.47438/2309-7078_2020_3_183. [Arziamova, O. V. (2020). Functional-semantic role of parantesis in the novel by G. Yakhina “Children of mine”. Izvestia of the Voronezh State Pedagogical University, 3(288), 183–186. (In Russ.)].
- Багратион-Мухранели И. Л.* Трансформация классического немецкого фольклора в романе Гузель Яхиной «Дети мои» // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX – XX вв. Коллективная монография. Нижний Новгород, 2019. С. 327–333. [Bagration-Mukhraneli, I. L. (2019). Transformation of classical German folklore in Guzel Yakhina’s novel “Children of mine”. Paradigms of transition and images of the fantastic world in the artistic space of the 19th–20th centuries (pp. 327–333). Nizhny Novgorod. (In Russ.)].
- Иванова Е. Р.* Лексико-семантическое поле «немецкий» в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 64–66. doi:10/26140/bgz3-2019-0801-0014 [Ivanova, E. R. (2019). The lexical-semantic field “German” in the novel “Children of mine” by G. Yakhina. Baltic Humanitarian Journal, 8, 1(26), 64–66. (In Russ.)].
- Лисенкова О. А.* Мифическое и профанное время в романе «Дети мои» Гузели Яхиной // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности. Коллективная монография. Нижний Новгород, 2020. С. 64–70. [Lisenkova, O. A. (2020). Mythical and profane time in the novel “Children of mine” by Guzeli Yakhina. Paradigms of Cultural Memory and Constants of National Identity (pp. 64–70). Nizhny Novgorod. (In Russ.)].
- Набиуллина А.Н.* Пространственно-временные образы и мотивы в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 3 (34). С. 32–37. [Nabiullina, A. N. (2019). Spatial-temporary images and motives in the novels

by G. Yakyina “Zuleyha opens eyes” and “Children of mine”. Topical issues of modern philology and journalism, 3(34), 32–37. (In Russ.).

Нестерова О. А. Хронотоп сказки в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои» // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. № 6. С. 584–594. [Nesterova, O. A. (2019). The chronotop of fairy tale in the novel “Children of mine” by G. Yakhina. Observatory of culture, 6(16), 584–594. (In Russ.)].

Шафранская Э. Ф. Фольклор как сюжетобразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 2. С. 101–110. [Shafranskaja, E.F. (2019). Folklor as a plot-forming concept in Guzel Yakhina’s novel “Children of mine”. Palimpsest. Literary journal, 2, 101–110. (In Russ.)].

Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. [Yakhina, G. Sh. (2020). Deti moi (Children of mine). Moscow: AST Publishing House: Edition of Elena Shubina. (In Russ.)].

Куссе Хольгер

доктор философских наук,
профессор Института славистики
Дрезденского технического университета
holger.kusse@tu-dresden.de

ЯЗЫК(И) МУДРОСТИ В XX И XXI ВЕКАХ¹

Общей характеристикой мудрости является связь между утверждением и просьбой (напоминанием, советом). В рамках этой базовой структуры существуют различные типы мудрости, в частности, мудрость может быть утверждением определенного знания, незнания и синтеза знания и незнания. Третий тип мудрости характеризуется акцентом на индивидуальной жизни. Эта мудрость – глобальное явление, о чем свидетельствуют публикации, касающиеся мудрости русского спортсмена-экстремала, путешественника и священника Федора Конюхова и тирольского альпиниста Рейнхольда Месснера.

Ключевые слова: мудрость; утверждение; просьба; знание; Притчи; Лев Толстой; Маленький принц; Федор Конюхов; Райнхольд Месснер.

Holger Kusse

Doctor of Philosophy (Dr. habil.),
Professor of the Institute for Slavistics
Dresden University of Technology
holger.kusse@tu-dresden.de

THE LANGUAGE(S) OF WISDOM IN THE 20th – 21st CENTURIES

The common characteristic of wisdom is the connection between assertion and request (reminder, advice). Within this basic structure there are different types of wisdom. Wisdom can be the assertion of a certain knowledge, it can be based on the recognition of not-knowing, and it can be a synthesis of both. The third type is characterized by personal addresses and the focus on the individual life. This wisdom

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

is a global phenomenon, which is shown by publications related to wisdom from Russian extreme sportsmen, traveler and priest Fedor Konyukhov and the Tyrolean alpinist Reinhold Messner.

Key words: Wisdom; assertion; request; knowledge; Proverbs; Lev Tolstoy; The Little Prince; Fedor Konyukhov; Reinhold Messner.

Введение

Мудрость – тысячелетняя форма передачи ценностей и решения фундаментальных вопросов жизни, которую можно встретить во всех культурах. Общей чертой мудрости является ее «этикогносеологический характер» [Воркачев 2016, с. 17], который отражается в тесной связи между утверждением и наставлением, причем то, что утверждается может быть пресуппозицией того, что рекомендуется или к чему призывается. Так, например, в немецкой поговорке (1) дается эксплицитный совет в модусе императива, однако за этим советом стоит имплицитное убеждение, что радостные дни лучше нерадостных:

- (1) Mach es wie die Sonnenuhr, zähl die heitren Stunden nur. –
«Делай как солнечные часы, считай только часы светлые».

Можно также «перевернуть» высказывание: из того, что утверждается, следуют явный призыв и важное жизненное правило. Так, например, известная пословица (2) из ветхозаветной книги «Притчи», которая распространена во многих культурах, в том числе в немецкой и русской, воспринимается как правило и как призыв в виде косвенного речевого акта. Поэтому переформулировка в эксплицитное наставление по сути не меняет смысла изначального изречения (2').

- (2) Кто роет яму, тот упадет в нее, и кто покатит вверх камень, к тому он воротится [Притчи 26:27].
(2') Не рой яму другому, сам в нее попадешь.

Подобные конструкции нередко встречаются в пословицах:

- (3) Кто рано встает, тому Бог подает.
(4) Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.

Переформулировка, как (2'), в случае (1) невозможна, но можно присоединить обоснование к призыву, что мы видим в известной

песне американского певца и вокалиста Бобби Макферрина (Bobby McFerrin), в песне, являющейся современным вариантом мотивации к оптимизму:

- (5) Don't Worry, Be Happy <...>
In every life we have some trouble
when you worry you make it double

В виде условной конструкции называется негативное последствие состояния волнения. За этим следуют другие аргументы: *Cause when you worry your face will frown and that will bring everybody down* и *Don't worry, it will soon pass, whatever it is*.

Знание и Незнание

Примеры (1)–(5) и особенно (1) и (5) иллюстрируют диапазон мудрости в виде коротких изречений. Немецкая пословица сегодня звучит несколько старомодно, что связано с устаревшим метафорическим употреблением слова *heiter* (*светло, радостно*), с редко употребляемой сегодня метафорой *солнечные часы*, и с тем, что совет дается без обоснования, что не совсем соответствует нормам вежливости в сегодняшней немецкой лингвокультуре. Однако значение «мыслить позитивно» не устарело. В песне МакФеррина 1980-х гг. он получил новое выражение, причем сама цитата *Don't Worry, Be Happy* принадлежит индийскому мистика Мехер Баба (1894–1969), который в 1925 г. с этими словами принял обет молчания до конца своей жизни. Примеры, таким образом, показывают, что общие смыслы мудрости могут быть похожими и даже одинаковыми в различных культурах и могут «циркулировать» между культурами. Это не значит, что мудрость одна и что она везде и всегда одинакова. Можно различать типы мудрости, главными среди них автор считает мудрость знания и мудрость незнания. Так, например, за немецкой пословицей (1) стоит определенное знание, что радость лучше безрадостного состояния, причем возможные вопросы типа *Может ли плохой опыт в жизни быть хорошим для жизни?* игнорируются. В отличие от этого, изречение Мехер Баба связано с его молчанием, в котором дается совет без всякого объяснения. Обоснование дается потом у Макферрина, т. е. снова в западном контексте. Мудрость может возникать также из

признания незнания вследствие понимания того, что суть и правила жизни непознаваемы [Куссе 2020; Scobel 2008].

Ярким примером мудрости знания является ветхозаветная книга «Притчи», которая цитируется во многих европейских пословицах. Заслуживает внимания осмысление мудрости Львом Толстым, в том числе в книге «Путь жизни» (1910). В «Притчах» даются правила, которые говорят о хороших последствиях хороших поступков и предупреждают о плохих последствиях плохих поступков [von Rad 1985, с. 165–181; Freuling 2008; Saur 2012]:

- (6) Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает [Притчи 10:4].
- (7) Праведность ведет к жизни, а стремящийся к злу стремится к смерти своей [Притчи 11:19].
- (8) Не будь грабителем бедного, потому что он беден, и не притесняй несчастного у ворот, потому что Господь вступится в дело их и исхитит душу у грабителей их [Притчи 22:22–23].

Такой же уверенностью отличается мудрость у Л. Н. Толстого. Многие его высказывания обладают явной деонтической модальностью, которая выражается модальными лексемами *должно*, *нужно* и *надо* [Кузе 2010; Кузе 2011a; Кузе 2011b]. Нередко используются и императивные конструкции:

- (9) Для того чтобы не делать злых дел, мало удерживаться от самих дел, надо научиться удерживаться от злых разговоров, а главное – удерживаться от злых мыслей [Толстой 1956, с. 349].
- (10) Хочешь быть свободен – приучай себя воздерживаться в своих желаниях [там же].

Мудрость незнания связывается, главным образом, с мудростью Дальнего Востока, в том числе с буддизмом и даосизмом, а также с дзен-медитацией (ср. [Csikszentmihalyi, Rathunde 1990; Takahashi, Overton 2005; Scobel 2008]). Она выявляется в первых предложениях «Дао дэ цзин»:

- (11) Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя [Ян Хин-шун 1950].

Такие различия можно найти как в мудрости прошлых веков, так и в формах сегодняшней мудрости, и они пересекаются. Так, например, уже в библейской книге Экклезиаста мудрость как знание подвергается большому скепсису [Карасик 2010; Куссе 2020; Michel 1988; Michel 1989; Saur 2012].

Индивидуализация мудрости

Баланс между притязанием на знание, с одной стороны, и признанием незнания о сущности жизни – с другой, свойствен и отдельному человеку, и некоторым жизненным ситуациям. Именно этим отличаются новые течения мудрости XX и XXI вв. Сегодня мудрость пользуется огромной популярностью в жанре фэнтези [Кузе 2020; Куссе 2010], встречается в виде руководства для жизни (например, в известной книге «Искусство быть счастливым» Далай-Ламы и Говарда Катлера), обсуждается в социальных сетях и т. д. В этих видах мудрости на первый план выходит отдельный человек. Прототипом этой мудрости является книга А. де Сент-Экзюпери «Маленький Принц», которая вышла в 1943 г. в Нью-Йорке и после войны быстро стала одной из самых известных книг XX в. по всему миру. Известные цитаты представляют собой центральные изречения мудрости современности:

- (12) Ты всегда будешь в ответе за того, кого ты приручил.
- (13) Любовь – это когда ничего не стыдно, ничего не страшно, понимаешь? Когда тебя не подведут, не предадут. Когда верят.

Успех книги «Маленький Принц» обусловлен индивидуализацией мудрости. В книге прослеживается четкая мысль о том, что цель и смысл жизни могут быть найдены только в каждом человеке, в его собственной личности и в его отношениях с другими людьми. Речь всегда идет о личной встрече и близости, всегда о «Я» и «Ты». Важны только личные отношения: между летчиком и маленьким принцем, между маленьким принцем и его розой и лисом. Поэтому «Маленький принц» – это мудрость индивидуального человека, или индивидуализированная мудрость. Мифополитические конструкции всегда направлены против мудрости, которая может стать помощью в реальной жизни людей.

Индивидуализированную мудрость не следует путать с эгоизмом. Ключевым концептом в разговорах маленького принца с лисом является ответственность. «Ты всегда будешь в ответе за всех, кого приручил» (12), – говорит лис и добавляет конкретную и личную цель ответственности: «Ты в ответе за твою розу». Это понятие ответственности, которое можно охарактеризовать как ответственность заботливости – кто-то заботится о ком-то или о чем-то [Кузе 2015] – стало широко распространенным и значимым только в конце XX в.

Мудрость в экстремальном опыте: Федор Конюхов и Райнхольд Месснер

Индивидуализированная мудрость особенно заметна в необычных людях. Во второй половине XX в. усилилась тенденция к формированию личности через достижения в спорте, в том числе в его экстремальных видах, где спортсмены соперничают с самим собой. Так, например, альпинист и спортсмен-экстремал Райнхольд Месснер в книге о своем пересечении пустыни Гоби определяет цель этого пути именно совершением личного подвига:

- (14) Почти 25 лет я хотел пересечь Гоби. Вопрос в том, смогу ли я это сделать? [Messner 2005, с. 10]¹.

В записках известного путешественника Федора Конюхова мысли вращаются вокруг собственного одиночества на океане:

- (15) Здесь, в океане, на пути к мысу Горн я молюсь Господу Иисусу Христу, чтобы Он мне помог разобраться: кто я такой и зачем живу такой жизнью [Конюхов 2019, с. 9].

Подобные размышления сугубо индивидуальны и касаются только одного «Я». Однако спортсмены-экстремалы популярны и могут выступать в роли мудрецов, когда им удастся передать свой личный опыт на грани физической и психической сущности человека как опыт общей человеческой сущности. В России в настоящее время самый известный спортсмен-экстремал – это известный живописец и православный священник Федор Филиппович Конюхов (род. 1951). В немецкоязычном мире на первом месте находится южнотирольский альпинист Райнхольд

¹ Пер. здесь и далее авт. – Х. К.

Месснер (род. 1944). Федор Конюхов получил мировую известность в 2016 г., совершив полет на воздушном шаре вокруг света всего за 11 дней. До этого он уже пересек Атлантику семнадцать раз. Райнхольд Месснер наиболее известен как альпинист. В мае 1978 г. он и австриец Питер Хабелер стали первыми, кто поднялся на Эверест без кислорода, но Райнхольд Месснер также пересек Антарктику (1989/1990), Гренландию (1993) и пустыню Гоби (2004) пешком.

Райнхольд Месснер не только опубликовал более 80 книг, но и является активным защитником природы. С 1999 по 2004 гг. был членом Европейского парламента от Итальянской партии Зеленых (Federazione die Verdi). Федор Конюхов действует подобным образом. В настоящее время список его публикаций включает 26 наименований. Примерно в 170 километрах к югу от Москвы в Тульской области он создал проект «Деревня» – учебно-оздоровительный центр с традиционными русскими деревянными домами и часовней. Его спортивные рекорды также посвящены задачам защиты окружающей среды экологически, в частности, запланированный кругосветный перелет на самолете, «питающемся» только от солнечной энергии [Федор Конюхов URL].

Но, конечно, есть и существенные различия. Главное, что Федор Конюхов является православным священником и занимает, таким образом, четкую религиозную позицию. Райнхольд Месснер выглядит, скорее, как западный представитель буддизма, но не чувствует себя принадлежащим к религии. «Я не буддист, как многие верят, а человек, который верит только в то, что он воспринимает. В тибетском смысле, я верю в реинкарнацию. Я верю в то, что жизнь всегда возвращается и никогда не умирает», – сказал он в одном из своих многочисленных интервью [Messner, Powelz 2009]. Это не означает, что мировоззрения Конюхова и Месснера абсолютно противоположны. Конюхов не догматичен и снова и снова призывает к взаимопониманию, почитанию других религий и мирному сосуществованию всех [Конюхов 2019, с. 101–102], и среди его публикаций находится также издание *Дао-дэ-Цзын*, которое он проиллюстрировал и называет самой важной для него книгой, помимо Библии [Конюхов URL].

Книги Конюхова, популярные в России, имеют такие названия, как «Океан – моя обитель» (2010), «Одинокое плавание вокруг Антарктиды» (2010), «Сила веры. 160 дней и ночей наедине с Тихим океаном» (2019) и «Мой путь к истине. Дневники одинокого путешественника

2005–2015» (2019). Наиболее известны следующие книги Райнхольда Месснера «Alle meine Gipfel» (Все мои вершины) (1982), «Die Freiheit aufzubrechen, wohin ich will» (Свобода отправляться, куда я хочу) (1989), «Die weiße Einsamkeit – Mein langer Weg zum Nanga Parbat» (Белое одиночество. Мой долгий путь к Нанга Парбат) (2003), «Mein Leben am Limit» (Моя жизнь на пределе) (2004), «Gobi – Die Wüste in mir» (Гоби – Пустыня во мне) (2005). Уже из названий книг видно, что у обоих авторов главное – это ссылка на собственное «Я», на личный, пограничный опыт, о котором стоит рассказать, потому что он содержит нечто важное и для других людей.

Рассмотрим две книги спортсменов-экстремалов: «Мой путь к истине. Дневники одинокого путешественника 2005–2015» Ф. Конюхова и «Гоби – Пустыня во мне» Р. Месснера. Эти книги очень различны: Р. Месснер рассказывает о своем пешеходном маршруте протяженностью 2000 километров по среднеазиатской пустыне, в то время как в случае Ф. Конюхова сами экспедиции являются лишь фоном для размышлений. Общим для обоих, однако, является переживание одиночества как переживания себя, рефлексии и самопознания. В начале своей книги Р. Месснер размышляет о себе, о своей жизни в качестве парламентария:

- (16) После пяти лет работы в Европарламенте я начинаю чувствовать себя уставшим, вялым и отяжелевшим. Я остановился вместо того, чтобы двигаться дальше. Привычки оседлого человека стали и моими привычками, и все, что осталось от любознательности странника, ищущего горизонты, – превратилось в сон [Messner 2005, с. 9].

Именно пустыня воспринимается как путь к преодолению психологического вызова:

- (17) Сегодня пустыни кажутся мне идеальным пространством для переживаний. Как окна в самое дальнее будущее. С видом пустынь во мне. Может быть, это как-то связано с усилиями, но на краю моей внутренней пустыни уже растет предчувствие мира, больше не населенного людьми. Добавьте к этому страх внутреннего опустошения. Пустыня как предвкушение распада. Как этап перехода к дому небытия [Messner 2005, с. 13].

Ф. Конюхов формулирует в каждой из двух основных частей своей книги понятие одиночества:

- (18) Одиночество – это дар, не каждый может его принять [Конюхов 2019, с. 7].
- (19) Одиночество есть особая мудрость [Конюхов 2019, с. 127].

В отличие от Р. Месснера у Ф. Конюхова прослеживается христианская традиция одиночества (Иисус в пустыне, жизнь аскетов и т. д.), которая сливается с современной индивидуализованной мудростью. Отдельным главам предшествуют цитаты из Библии или святых. Дополнительные цитаты, в основном из книги Экклезиаста, вставлены в полностраничные иллюстрации, которые содержат также информацию о долготе и широте мест, где находился автор в то время. Отдельные изречения выделяются серыми рамками в текстовом потоке, например следующая из романа А. де Сен-Экзюпери «Цитадель»:

- (20) Настоящая любовь начинается там, где ничего не ждут взамен. Чтобы научить человека любить людей, нужно научить его молиться, потому что молитва безответна [Конюхов 2019, с. 108].

Почему такие переживания, которые являются очень личным опытом, личным делом публикуются и почему их читают? Одной из причин может быть удивительное впечатление соприсутствия, с помощью которого читатели как бы сопровождают этих экстремальных спортсменов в их приключениях. Важнее нечто иное: заключенная в этих книгах мудрость проявляется как мудрость, которая была приобретена в экстремальных переживаниях. Это делает их не только особенно достоверными, но и особенно значимыми. События, описываемые в книге «Маленький принц», также происходят на пределе человеческих возможностей. Пустыня, одинокий пилот, отсутствие воды, страх смерти – всё это повторяется в книгах и репортажах современных спортсменов-экстремалов.

Эти переживания своеобразны, но они не настолько далеки от повседневной жизни, чтобы их нельзя было понять. Напротив: вопрос цели жизни, причины существования, который Ф. Конюхов задает себе в одиночестве в гребной лодке у мыса Горн, – это вопрос, который люди знают и без этой конкретной экзистенциальной ситуации. Усталость от профессиональной рутины, стремление к радикальным переменам, т. е. всё то, с чем Р. Месснер начинает свое путешествие по пустыне, не являются исключением в современной жизни. Тот

факт, что экстремальные спортсмены задают такие вопросы и выбирают уход и одиночество, является косвенным советом своим читателям также искать одиночества, чтобы научиться отличать важное от неважного в жизни. Р. Месснер почти с отвращением говорит о привычках оседлого человека. Ф. Конюхов называет одиночество особой мудростью. Люди должны испытать это.

Ф. Конюхов переносит библейские изречения и цитаты из религиозной традиции в контекст индивидуализированной мудрости, в то время как Р. Месснер использует формы индивидуализированной мудрости, сформировавшиеся во второй половине XX в. и подчеркивающие роль человека в мире. Его сайт <https://www.reinhold-messner.de/> не только сообщает информацию об экскурсиях, семинарах, проектах, публикациях и работе фонда: в качестве вступления в различных разделах приводятся цитаты Р. Месснера, являющиеся типичными примерами индивидуализированной мудрости:

- (21) Я надеюсь, что буду способен снова и снова находить новые мечты.
- (22) Мир может измениться только в том случае, если каждый из нас изменится.
- (23) Я убежден, что каждый может по-своему выразить себя, открыть свое внутреннее существо, испытать себя и свои скрытые силы.

Заключение

Мудрость является частью всех культур, она развивается и меняется с древних времен вплоть до наших дней. Можно выделить два ее основных типа: мудрость знания и мудрость как осознание незнания. В XX в. наблюдается возникновение определенной разновидности мудрости, в которой мудрость знания и мудрость незнания сливаются. Это индивидуализированная мудрость, здесь речь идет о личной встрече и близости, всегда обо «Мне» и о «Тебе». Ее цель – помочь людям понять себя и достичь счастья и гармонии с самим собой и с другими. Поэтому индивидуализированная мудрость не эгоистична. В ней человек может быть соединен с универсумом, т. е. Вселенной. Ответственность за себя проявляется одновременно с ответственностью за других, а изменение себя – это предпосылка к изменению мира. Основополагающая книга индивидуализированной мудрости – это книга А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Индивидуализованная мудрость как особенный тип мудрости представлена в книгах экстремальных спортсменов, таких как Федор Конюхов и Райнхольд Месснер. Экстремальный спорт является особенно сильным выражением индивидуальности, опыт познания и испытаний, через которые прошли спортсмены, представлены как мудрость, приобретенная особым «Я» в экстремальных переживаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Воркачев С. Г.* Lumen naturale. Аксиология интеллекта в языке. М.: Флинта, Наука, 2016. [Vochkarev, S. G. (2016). Lumen naturale. Aksiologiya intellekta v yazyke. (The axiology of intelligence in language). Moscow : Flinta, Nauka. (In Russ.)].
- Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. [Karasik, V. I. (2010). Yazykovaya kristallizatsiya smysla. (Linguistic crystallization of meaning). Moscow: Gnosis. (In Russ.)].
- Конюхов Ф. Ф.* Дао Дэ Дзын. URL: <https://konyukhov.ru/project/books/dao-de-dzyn/> (дата обращения: 17.02.2021) (In Russ.).
- Конюхов Ф. Ф.* Мой путь к истине. Дневники одинокого путешественника 2005–2015. М.: Эксмо, 2019. [Konyukhov, F. F. (2019). Moy put' k istine Dnevniky odinokogo puteshestvennika 2005–2015. (My path to truth. Diaries of a lonely traveler 2005–2015). Moscow: Eksmo. (In Russ.)].
- Куссе Х.* Между мифом и мудростью: Религия в условиях секуляризации // Созидающая верность. К 90-летию А. А. Тахо-Годи. М.: Grand-Fair, 2012. С. 238–249. [Kusse, H. (2012). Mezhdru mifom I mudrost'yu> Religiya v usloviyah sekularizastii. (Between myth and wisdom: Religion under secularization). In: Sozdayuschaya vernost'. K 90-letiyu A.A. Takho-Godi (pp. 238–249). Moscow: Grand-Fair. (In Russ.)].
- Куссе Х.* Язык(и) мудрости в коммуникативной диахронии // Человек и его дискурс, 6: Дигитализация коммуникативных практик. М., Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2020, С. 49–57. [Kusse, H. (2020). Yazyk(i) mudrosti v kommunikativnoy diahronii (Language(s) of wisdom in communicative diachrony). In: Chelovek i yego diskurs, 6: Digitalizatsiya kommunikativnykh praktik (pp. 49–57). Moscow, Volgograd: PrinTerra-Dizain. (In Russ.)].
- Толстой Л. Н.* Путь жизни // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Художественная литература, 1956. [Tolstoy, L. (1956). Put' zhizni (The way of life). In: Polnoye sobranie sochinenij. Vol. 45. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)].
- Федор Конюхов. URL: <https://konyukhov.ru> (дата обращения: 05.03.2021).
- Ян Хин-шун.* Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. М., 1950. [Yan Khin-shun (1950). Drevnekitajskij filosof Lao-Stzy i yego uchenie (The

- ancient Chinese philosopher Lao Tzu and his teachings). Moscow. URL: <http://www.lib.ru/POECHIN/lao1.txt> (In Russ.)].
- Csikszentmihalyi M., Rathunde K.* Psychology of wisdom: evolutionary interpretation // *Wisdom. Its Nature, Origins and Development* / R. J. Sternberg (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 25–51.
- Freuling G.* Tun-Ergehen-Zusammenhang. In: *Das Wissenschaftliche Bibellexikon im Internet*, 2008. URL: www.wibilex.de.
- Kuße H.* Lev Tolstoj und die Sprache der Weisheit. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2010.
- Kuße H.* Die Sprache der Weisheit bei Lev Tolstoj. In: *Coincidentia. Zeitschrift für europäische Geistesgeschichte*. Bd. 2/1: Schwaetzer H., Stahl H. (Hrsg.), *Weisheit – Brücke der Kulturen*. Bernkastel-Kues: Aschendorff. 2011a. S. 185–214.
- Kuße H.* „Sollen“ zwischen Nikolaj Fedorov und Lev Tolstoj. Normformulierungen in der russischen Philosophie. In: Haardt A., Plotnikov N. (Hrsg.) *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie*. Berlin, Münster u.a.: LIT, 2011b. S. 169–191.
- Kuße H.* Modelle der Verantwortung und der Pflicht. Ansätze zur Wertelinguistik. In: *Wiener Slavistischer Almanach*. Bd. 75: Krause M., Reuther T. (Hrsg.). *Slavistische Linguistik 2013. Referate des XXXIX. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Hamburg, 9. bis 13. September 2013*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. S. 47–84.
- Messner R., Powelz M.* Reinhold Messner und der „Putzfrauenberg“. 2009. URL: <https://www.welt.de/reise/article4926000/Reinhold-Messner-und-der-Putzfrauenberg.html> (дата обращения: 17.02.2021).
- Messner R.* Gobi – die Wüste in mir. Frankfurt a. M.: Fischer Verlag, 2005.
- Michel D.* Qohelet. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988.
- Michel D.* Untersuchungen zur Eigenart des Buches Qohelet. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1989.
- Saur M.* Einführung in die alttestamentliche Weisheitsliteratur. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2012.
- Scobel G.* Weisheit. Über das, was uns fehlt. Köln: DuMont Buchverlag, 2008.
- Takahashi M., Overton W. F.* Cultural Foundations of Wisdom. An Integrated Developmental Approach // *A Handbook of Wisdom. Psychological Perspectives* / R. J. Sternberg, J. Jordan (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 32–60.

Е. О. Опарина

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
ellenoparina@gmail.com

**ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА
НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ДОНАЛЬДА ТРАМПА**

В статье язык экс-президента США Дональда Трампа рассматривается как выражение влиятельного в современном мире политического направления, а именно – правого неопопулизма. Принадлежность к этому направлению определяет ряд особенностей языка Д. Трампа, в том числе использование сюжетов, архетипов и мифологем архаических мифов в его речах. На примере элементов палингенетического мифа (который может рассматриваться как разновидность эсхатологического мифа) в инаугурационной речи Д. Трампа исследуются способы языкового воплощения и трансформации мифологических мотивов в современном правом популизме.

Ключевые слова: политический дискурс; палингенетический миф и его модификации; архетип; мифологема; неопопулизм; социокультурный контекст коммуникации; язык Дональда Трампа.

Е. О. Опарина

PhD (Philology), Senior researcher,
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
ellenoparina@gmail.com

**THE IMPACT OF SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT
ON POLITICAL DISCOURSE:
ON THE MATERIAL OF DONALD TRUMP'S LANGUAGE
(as President of the USA)**

In this article we analyze the language of Donald Trump as an example of the political discourse that is built up on the ideology of neo-populism. We focus on the phenomenon of archaic palingenetic (eschatological) myth, its archetypes and mythologemes, as an instrument that links neo-populist ideology to the sphere of cultural codes and constructs the semantic and emotional layers of Trump's discourse.

Lexical and phraseological means of transforming archaic myth and adjusting it to the needs of neo-populist political targets are also elicited.

Key words: political discourse; palingenetic myth and its modifications; archetype; mythologeme; neo-populism; social and cultural contexts of communication; the language of Donald Trump.

Введение

Любой дискурс, в том числе политический, представляет собой явление, которое выражает специфику социально-культурного контекста определенного исторического периода. Термин «дискурс» в данной работе понимается в русле дефиниции, предложенной Е. И. Шейгал: «Это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [Шейгал 2000, с. 21–22]. Т. А. ван Дейк, рассматривая политический дискурс как одну из дискурсивных разновидностей, выделил в качестве его базовых характеристик ситуативный и целевой признаки, описав их следующим образом: политический дискурс сопровождает политический акт в институциональной обстановке; основными функциями политического дискурса является борьба за власть. Данные характеристики определяют выбор языковых средств и конкретной коммуникативной стратегии [Dijk van 1998].

В число экстралингвистических факторов, влияющих на политический дискурс и на язык его отдельных субъектов, неизбежно входит идеология – как идеология политического направления, к которому принадлежит адресант, так и взгляды той аудитории, к которой этот дискурс обращен и на позитивную реакцию которой он рассчитан. К этим общим условиям, несомненно, прибавляются особенности языковой личности, не в последнюю очередь определяемые тем жизненным и политическим опытом, который сформировал систему взглядов и картину мира субъекта.

Охарактеризуем кратко неопопулизм – политическое направление, к которому принадлежит Д. Трамп и которое приобрело размах и широкое признание в последние десятилетия не только в США, но и в

других странах. Политологи А. Г. Володин и С. М. Хенкин выделяют следующие ключевые идеологические принципы данного направления: «противостояние «народа», «массы», с одной стороны, и «элиты», «истеблишмента», покушающегося на права и условия жизни «народа» – с другой; стремление найти «врага» (помимо истеблишмента, сегодня это иммигранты, афроамериканцы и др.) и противопоставление «мы» – они»; апелляция ко всему обществу напрямую, обходя политические институты; упрощенные аргументы, воздействие на эмоции, а не на рациональные воззрения аудитории» [Володин, Хенкин 2020, с. 90–91]. Называя США «родиной современного популизма» [там же, с. 90], где он стал частью политической жизни и дискурса еще в конце XIX в., авторы отмечают, что новый подъем правого популизма в США с 2009 г. первоначально был связан с финансовым кризисом и со страхами, порожденными глобализацией. Таким образом, победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. была не случайной, но во многом подготовленной как историей США, так и текущей социально-политической ситуацией [Володин, Хенкин 2020, с. 97]¹.

Закономерность успеха Дональда Трампа подтверждается реакцией многих избирателей в США на риторические и стилистические особенности его языка, проявившиеся еще на ранней стадии избирательной кампании в 2015 г. и отличавшие его от других кандидатов и от традиционных правил политической риторики, принятой в Соединенных Штатах Америки. Эта специфика, которая в целом была определена как отсутствие связности в выступлениях Д. Трампа, проявлялась на композиционном, лексическом и синтаксическом уровнях. Например, для речей и интервью Трампа был характерен резкий переход от одной темы к другой, без пояснений и дискурсивных маркеров, отсутствие последовательной композиции в развернутых рассказах о событиях. Метафоры, довольно частые в речах Д. Трампа, производили такое же впечатление мозаичности и хаотичности, что не способствовало выявлению их когнитивного потенциала, однако

¹ Отмечается также, что рост неопопулизма, связанного с радикальной идеологией и риторикой, произошел не только на правом, но и на «левом» фланге политической жизни США в 10-х гг. XXI в. В качестве примера приводится движение «Захвати Уолл-Стрит» (Occupy Wall Street), зародившееся в 2011 г. При этом необходимо помнить, что неопопулизм, как правый, так и левый, существуют не только в США. Прим. авт. – Е.О.

усиливало эмоционально-агрессивный характер выступлений (см. об этом подробнее в [Опарина, Раренко 2020]). Однако, судя по опросам того времени, эти особенности речи Д. Трампа вызывали одобрение со стороны значительной части американских избирателей. Они воспринимались как свидетельство простоты и искренности кандидата на пост президента, формировали для избирателей его имидж как «своего» в кругу враждебной народу правящей элиты [Atkin 2015]. Но такие особенности риторики, направленные на массы «простых людей», характерны именно для популизма, стремящегося отмежеваться от правящей элиты и апеллирующего непосредственно к народу.

Далее в статье мы рассмотрим, каким образом элементы архаического мифа участвуют в конструировании дискурса Д. Трампа и свидетельствуют о принадлежности этого дискурса к неопопулистскому политическому направлению.

Элементы архаического мифа и его модификация в речи Д. Трампа

Цель данной части статьи состоит в анализе мотивов архаического палингенетического мифа в дискурсе Дональда Трампа. Термин «палингенетический» по отношению к архаическому мифу может пониматься как синоним термина «эсхатологический», однако их этимология различается, свидетельствуя о различии смысловых акцентов. Греч. *eshatos* означает «последний», следовательно, акцент в наименовании «эсхатологический» делается на идее конца света. Компоненты термина «палингенетический» означают, соответственно: *palin* «назад», «опять» и *genesis* «происхождение», «рождение» [Крысин 2007, с. 558, 933]. Следовательно, в данном случае акцент сделан на идее обновления, воссоздания, рождения заново.

Указание на различие, но также и близость этих двух видов древних мифов содержится (без употребления термина «палингенетический») в «Мифологическом словаре» под ред. Е. М. Мелетинского: «Трудно отделить мифы о катастрофах, сопровождающих смену эпох (о гибели великанов или старшего поколения богов, живших до появления человека, о периодических катастрофах и обновлении мира), от мифов о конечной гибели мира» [Мифологический словарь 1991, с. 655]. Явлению, которое анализируется в данной статье, термин

«палингенетический», по нашему мнению, подходит больше, так как речь идет о возрождении мироздания и порядка в определенной части мира, в конкретной ситуации это понимается как возрождение величия и благополучия США¹.

Многие мотивы и сюжеты древних мифов существуют в модифицированном виде в мировосприятии современных людей. Их укорененность в человеческих представлениях о внутреннем и внешнем мирах объясняется в немалой степени тем, что мифы повествуют о первопричинах бытия и важнейших событиях, о вечном; они являются «источником архетипических первообразов, образцом для всех последующих действий» [Мифологический словарь 1991, с. 653]. Непосредственная связь мифа с базовыми фоновыми знаниями, верованиями и ожиданиями обуславливает его способность объяснять многие ситуации и события и ведет к тому, что в современном информационном пространстве мифологические модели преобразуются в идеологизированные в соответствии с потребностями современных институциональных структур и отдельных политиков. Миф активно проникает в политический дискурс, приспосабливаясь к его социолингвистической сущности, вписываясь в его прагматический и социально-культурный контекст, и этот процесс отмечен исследователями [Карасик 2004; Валеева 2011]. Л. В. Валеева утверждает, что миф преобразует знания в «сгустки» смысла [Валеева 2011]. Миф также дает коммуникантам возможность моделировать происходящие события и их оценку по имеющимся готовым образцам, представленным в этих нарративах о «вечном». Субъект политического дискурса формирует свой имидж по позитивным образцам, что помогает воздействовать не только на эмоции и мировоззрение, но также на поведение аудитории. Эти характеристики мифа важны для стратегии завоевания и удержания власти. При этом общим для всех видов мифологизированного сознания является несоответствие обусловленного мифом представления действительности, фантомный характер денотата [Валеева 2011].

Единицей мифологического сознания, отображающей содержательное ядро мифа, является мифологема, которая может актуализироваться как с помощью вербальных, так и невербальных средств. Особенность

¹ Термин «палингенетический миф» употребляется также в работе, посвященной теме культурных слоев в политическом дискурсе [Martikainen, Sakki 2021].

мифологем, в отличие от архетипов, состоит в том, что они обладают лингвокультурной спецификой и более конкретны: они не только этноспецифичны, но также «представляют конкретные модификации, разные проявления, видоизменения одной и той же сущности, архетипа» [Ковшова, Гудков 2017, с. 104]. Вместе с тем мифологема концептуализирует «типаж»: она не сводится к одному конкретному мифу и выводится из набора мифологических нарративов определенного типа.

Например, мифологема «воссоздание / возрождение упорядоченного мироздания», центральная для сюжета архаического палингенетического мифа, является одной из главных в нарративах современных политиков популистского направления, где она модифицируется в идею «восстановление былого величия и справедливого порядка в стране». Такое пересечение смыслов соответствует системе представлений и ценностей, существующих в сознании многих рядовых избирателей.

Рассмотрим смысловые связи между архаическим палингенетическим мифом и теми посланиями, с которыми Д. Трамп обращался к избирателям в своей инаугурационной речи всего пять лет назад. Древний палингенетический миф имеет сюжет сценария и содержит, в разных вариантах, идею о трех ступенях развития мироздания или какой-либо его части: 1) о первоначально счастливой и благополучной жизни человечества или какого-либо народа на ранней стадии, то есть о «золотом веке»; 2) о наступившем затем упадке, кризисе и, возможно, глобальной катастрофе; 3) о последующем возрождении, наступающем благодаря богам или героям, которые сделали возможным возврат к прежней, «правильной» системе ценностей. Эти компоненты палингенетического мифа коррелируют с картиной мира, которую популисты концептуализируют в своих речах. Сценарий осовремененного варианта мифа также строится по трехступенчатой модели, включающей следующие элементы цикла: 1) счастливое прошлое народа и страны благодаря изначально правильному выбору политического пути и связанным с ним ценностям; это является модификацией мифологема «золотого века» традиционных мифов; 2) далее следуют упадок, кризис, часто представляемый как катастрофа или возможная гибель страны; этот упадок представляется как результат дурного правления, коррупции или намеренного предательства элиты (внутренних «врагов») или действий «чужих» (в наше время в

роли носителей этого архетипа выступают иммигранты), с которыми следует бороться; в этой части разрабатываются эсхатологический и агонический мотивы; 3) обещание возрождения и процветания на следующем этапе благодаря решительной борьбе с «врагами» и возврату к правильной, «своей» системе ценностей; осуществить такой поворот может только «герой», в роли которого выступает сам политик и / или его политическая партия.

В этой картине налицо архетипы и мифологемы, актуализирующие ключевые признаки правого популизма: идеализация прошлого и традиционных ценностей народа или страны – мифологема «золотого века»; резкое разделение на «своих» и «чужих»; поиск внутренних и внешних «врагов», из-за которых прежнее процветание было потеряно; прямая апелляция к «хорошему» народу и лесть народу, противопоставление его «плохой» правящей элите. Здесь прослеживается базовое архетипическое противопоставление «хороший» – «плохой»; обещание будущего благополучия, которое якобы можно восстановить через простые шаги и решительную борьбу; создание собственного имиджа как политика – «борца» за счастливое будущее страны¹.

В инаугурационной речи Д. Трампа вербальные элементы мировоззрения, основанного на палингенетическом мифе, присутствуют системно и выражаются прямо, с частым использованием повторов. Оратор постоянно апеллирует к великому прошлому Соединенных Штатов Америки и повторяет мысль о том, что обещанное в будущем экономическое процветание – это именно восстановление былого благополучия и величия нации, которое могут и должны осуществить сами американцы, т. е. «свои»:

We will make America great again... We will bring back our jobs; we will bring back our wealth. – «Мы снова сделаем Америку великой... Мы вернем себе наши рабочие места; мы вернем наше благополучие»².

¹ Эти мифологические мотивы применяет в целях политической саморекламы не только Д. Трамп. Например, они разрабатывались в предвыборном дискурсе в Финляндии, в пропагандистском видеоролике одной из европейских партий правопопулистского направления – Партии финнов (Finns Party). В видеоролике эти идеи были изложены посредством интеграции знаков разных модулов – вербальных, видео- и аудиоэлементов [Martikainen, Sakki 2021].

² Здесь и далее перевод автора. – Е. О.

...Rebuilding our country with American hands and American labor. – «...восстанавливая нашу страну руками американцев и трудом американцев».

Политический курс, предлагаемый Д. Трампом, также рисуется как возвращение к базовым ценностям американской демократии, к тем временам, когда «правил народ»:

We are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to you, the American People. – «Мы забираем власть у Вашингтона, округ Колумбия, и возвращаем ее вам, Американскому Народу».

Когда речь заходит о негативных сторонах общественной и экономической жизни, Д. Трамп подчеркивает, что в упадке и кризисе виноваты коррумпированные правители и иммигранты, разрушающие традиционные американские ценности. Важный мотив – противопоставление элиты и народа:

Washington flourished – but the people did not share in its wealth; politicians prospered – but the jobs left and factories closed. – «Вашингтон процветал, но народ ничего не имел от этого благосостояния; политики жили благополучно, но рабочие места исчезали и заводы закрывались».

Mothers and children trapped in poverty in our inner cities... – «Матери с детьми не могут выбраться из нищеты в городах нашей страны...».

Риторика Д. Трампа создает его имидж в соответствии с архетипом «героя», намеренного решительно взяться за дело и осуществить поворот к возрождению страны:

The time for empty talk is over. Now arrives the hour of action. – «Время пустых разговоров закончилось. Настает час действий».

Обращает на себя внимание еще одна особенность инаугурационной речи. Дональд Трамп говорит о своих планах так, как будто самим фактом произнесения соответствующих слов он поворачивает ход истории. Налицо определенная перформативность речи, которой служат формы настоящего времени глаголов и детерминанты времени, а также сами значения выбранных глаголов, называющих активные действия. Эти языковые механизмы представляют ситуацию так, как будто все самое важное происходит «здесь и сейчас»:

Now arrives the hour of action – «[Прямо сейчас] настает час действий».

We are ... *giving it [power] back to you*, the American People. – «Мы [прямо сейчас] ... возвращаем власть вам, Американскому Народу».

При подобном лексическом и грамматическом оформлении сам момент речи должен восприниматься слушателями как сакральный, что также позволяет ассоциировать речь Трампа с мифологией, которой свойственно изображение действий героев как предопределенных высшими силами.

Заключение

Таким образом, в инаугурационной речи Д. Трампа мы выявили элементы сценария палингенетического (эсхатологического) мифа, его сюжетных мотивов и персонажей, соответствующих древним архетипам и мифологемам.

Мы отдаем себе отчет в том, что инаугурационная речь представляет собой ограниченный материал, к тому же материал шестилетней давности. Кроме того, жанр инаугурационной речи, как и выступлений в предвыборной ситуации, исключительно удобен для применения нарратива о «возрождении былого величия и благополучия». Однако в исторических масштабах пять – шесть лет – это небольшой срок, и неопопулизм по-прежнему пользуется успехом у избирателей не только в США. Есть исследования об активном применении данного типа мифа в дискурсе других политиков правого популистского направления в более близкие к сегодняшнему дню сроки.

Для дальнейших исследований в этой области интерес могут представлять разные грани темы, например: изучение следов модифицированной мифологии в различных жанрах политического дискурса и выявление способов их вхождения в тексты; различия в данной области между разными странами и разными традициями политической риторики; сходства и различия между правым и левым течениями неопопулистского направления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Валеева Л. В. Дискурсивные стратегии мифемы // Вісник Дніпропетровського університету. Серія. «Мовознавство». 2011. Вип. 17, т. 3. С. 18–23. [Valeeva, L. V. (2011). The strategies of mytheme in discourse. In: Visnik Dnipropetrovskogo Universitetu. "Movoznavstvo", 17, 3, 18–23. (In Russ.)].

- URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/vdumo_2011_19_17\(3\)_6](http://nbuv.gov.ua/UJRN/vdumo_2011_19_17(3)_6) (дата обращения 9.03.2021].
- Володин А. Г., Хенкин С. М.* Феномен популизма: Американское измерение // Феномен Трампа: монография / под ред. А. В. Кузнецова. М. : ИНИОН, 2020. С. 90–103. [Volodin, A. G., Khenkin, S. M. (2020). Fenomen populizma: Amerikanskoe izmerenie. (The populism phenomenon: American dimension). In: The Trump Phenomenon (pp. 90–103). Moscow: RAN. INION. (In Russ.)].
- Карасик В. И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. [Karasik, V. I. (2004). Jazykovoј krug: Lichnost', kontsepty, diskurs (The circle of language: Personality, concepts, discourse). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Ковшова М. Б., Гудков Д. Б.* Мифологема // Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис, 2017. С. 103–106. [Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2017). Mifologema. (Mythologeme). In: Kovshova M. L., Gudkov D. B. Slovar' lingvokul'turologicheskich terminov (pp. 103–106). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов: Свыше 25 000 слов и словосочетаний. М. : Эксмо, 2007. [Krysin, L. P. (2007). Tolkovyj slovar' inozazychnykh slov: Svyshe 25 000 slov i slovosochetanj. (The explanatory dictionary of loan words : Over 25 000 words and word-combinations). Moscow: EKSMO Publishers. (In Russ.)].
- Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. [Meletinskij, E. M. (ed.). (1991). Mifologicheskij slovar' (The dictionary of mythology). Moscow : Sovetskaja encyclopedija. (In Russ.)].
- Опарина Е. О., Раренко М. Б.* Дональд Трамп: Речевой портрет политика // Феномен Трампа: монография / под ред. А. В. Кузнецова. М. : РАН ИНИОН, 2020. С. 367–384. [Oparina, E. O., Rarenko, M. B. (2020). Donal'd Tramp: Rечеvoj portret politika (Donald Trump: The language profile of the politician). In: The Trump Phenomenon (pp. 367–384). Moscow: RAN. INION. (In Russ.)].
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000. [Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa. (Semiotics of political discourse). Moscow, Volgograd: Peremena. (In Russ.)].
- Atkin E.* What language experts find so strange about Donald Trump // Thinkprogress. 15.09.2015. URL: https://thinkprogress.org/what_language_experts_find_so_strange (accessed 10.09.2019).
- Dijk T.A., van.* What is political discourse analysis? // Political linguistics. 1998. P. 353–371.
- Martikainen J., Sakki I.* Myths, the Bible, and Romanticism as ingredients of political narratives in the Finns Party election video // Discourse, context & media. 2021 (39). URL: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/> (15.02.2021) (accessed 10.09.2019).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 6 (848)	Issue 6 (848)

Ответственные за выпуск 6 (848)

кандидат филологических наук доцент М. В. Томская (ФГБОУ ВО МГЛУ)
кандидат филологических наук М. Б. Раренко (ИНИОН РАН)
кандидат филологических наук Н. Н. Трошина (ИНИОН РАН)

Редактор Е. М. Евдокимова
Верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 09.08.2021
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 16,5.
Заказ № 43/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.